

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ  
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**2025, Том 4, №6**

Подписано к публикации: 25.12.2025

**Главный редактор  
журнала:**  
доктор юридических наук,  
профессор

**Шадже Азамат  
Мухамчериевич**

«Вестник юридических исследований» включен в перечень ВАК  
с 01.10.2024 г., Elibrary.ru.

**Регистрационный номер СМИ:**  
Эл № ФС77-86922 выдан 4 марта  
2024 г. Федеральной службой по  
надзору в сфере связи, информа-  
ционных технологий и массовых  
коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 3034-140X (online)

**Е-mail:** [blr-journal@yandex.ru](mailto:blr-journal@yandex.ru)  
**Сайт:** <https://blr-journal.ru>

#### **Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:**

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор  
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности  
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор  
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор  
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор  
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор  
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор  
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор  
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор  
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор  
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор  
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор  
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор  
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор  
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор  
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент  
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент  
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент  
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ  
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор  
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент  
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент  
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор  
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор  
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор  
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент  
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор  
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент  
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор  
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор  
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор  
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор  
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бобрович-Волкова П.В.**  
Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России 5-10
- Польшаков М.А.**  
Формирование правовой грамотности молодёжи через использование интерактивных форматов правового образования 11-20
- Болтунова Е.Е., Николаева В.Е., Тимофеева А.И., Романова О.Д.**  
Развитие города Верхоянска как туристического центра Республики Саха (Якутия) в аспекте управления территориальным развитием 21-26
- Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б.**  
Стратегическое планирование городского развития: политические и правовые аспекты 27-32
- Пинчук Ю.С.**  
Федеральный проект «Профессионалитет», как элемент государственной политики в области развития системы профессионального образования (на примере ЯНАО) 33-39
- Боткин Д.Е.**  
Роль информационных технологий в реализации приоритетных направлений государственной политики РФ 40-45

## ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бочаров И.Е., Хомченко В.В.**  
Нравственно-императивные основы уголовного законодательства России по трудам ученых-правоведов 19 – начала 20 века 46-51
- Воробьева Н.В., Филина Н.В.**  
Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей 52-61
- Бочков П.В.**  
Концепция реализации принципов законного и справедливого государства на современном этапе в Российской Федерации 62-67
- Павлов С.И.**  
Современные тенденции преступности несовершеннолетних в России 68-74
- Хачатурова С.С.**  
Опасность: киберугрозы и фишинговые сайты 75-79
- Ильиных А.В., Смоляров А.С.**  
Правовое регулирование демографической политики в Хабаровском крае в советский период: правовые меры, направленные на переселение граждан в 1950-1980 гг. 80-87
- Середа С.П.**  
Конституционные основы и проблемы правового регулирования создания религиозных объединений в России 88-93

**Кичигина О.Ю.**

Треш-стрим как социокультурный феномен: угрозы традиционным и культурным ценностям, правовое регулирование

94-103

**Медведчук А.А.**

Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции

104-109

**Хайруллин Р.А., Панина М.К.**

Технологии искусственного интеллекта в системах административного принуждения Китая и России: сравнительно-правовой анализ эффективности и гарантий прав граждан

110-115

**Скворцова Т.А., Капитоненко А.С.**

Правовая природа решений собраний как оснований возникновения гражданских правоотношений

116-122

**Цуканов С.С.**

Развитие российского права в XV-XVIII веках: основные тенденции и особенности

123-127

**Середа С.П.**

Понятие и место свободы совести и свободы вероисповедания в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в современной России

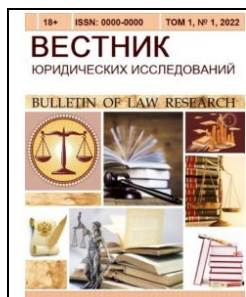
128-135

**Тренина Е.Г.**

Конституционно-правовые основы информационной безопасности как предмет изучения в образовательной организации высшего образования

136-141

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.12

### *Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России*

<sup>1</sup> Бобрович-Волкова П.В.,

<sup>1</sup> Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

**Аннотация:** в исследовании рассматривается феномен волонтерского движения в современной России как важнейший элемент гражданского общества и индикатор уровня социальной консолидации. Целью работы является комплексный анализ исторических, институциональных и социокультурных аспектов развития добровольчества в России, выявление факторов, определяющих его динамику, и определение перспектив дальнейшего развития. В задачи исследования входило изучение этапов становления волонтерского движения, анализ его правовых и организационных основ, а также рассмотрение мотивационных и ценностных характеристик участия граждан в добровольческой деятельности. Методологическую основу составили историко-сравнительный, институциональный и социокультурный подходы, а также методы анализа, синтеза и прогноза, позволившие охватить многоуровневую природу волонтерства. Результаты исследования показали, что волонтерское движение в России прошло путь от религиозно-нравственной благотворительности и идеологически обусловленного советского добровольчества до современной институционализированной формы гражданской активности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов для совершенствования государственной политики в сфере поддержки добровольчества, разработки образовательных программ, стимулирующих вовлечение молодёжи, и укрепления механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса. Исследование подчёркивает роль волонтерства как инструмента социальной устойчивости, развития гражданской ответственности и консолидации российского общества.

**Ключевые слова:** волонтерство, гражданское общество, социальная активность, добровольчество, институционализация, социальная консолидация

**Для цитирования:** Бобрович-Волкова П.В. Прошлое, настоящее и будущее волонтерского движения в России // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 2 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

## *The past, present, and future of the volunteer movement in Russia*

<sup>1</sup> Bobrovich-Volkova P.V.,

<sup>1</sup> Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

**Abstract:** the study examines the phenomenon of the volunteer movement in modern Russia as a key element of civil society and an indicator of the level of social consolidation. The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the historical, institutional, and sociocultural aspects of the development of volunteering in Russia, to identify the factors that determine its dynamics, and to outline the prospects for its further development. The research objectives included studying the stages of formation of the volunteer movement, analyzing its legal and organizational foundations, and exploring the motivational and value-based characteristics of citizens' participation in volunteer activities. The methodological framework is based on historical-comparative, institutional, and sociocultural approaches, as well as methods of analysis, synthesis, and forecasting, which made it possible to capture the multilayered nature of volunteering. The results of the study show that the volunteer movement in Russia has evolved from religious and moral charity and ideologically driven Soviet voluntarism to a modern, institutionalized form of civic engagement. The practical significance of the work lies in the potential application of its conclusions to improve state policies supporting volunteerism, to develop educational programs that encourage youth involvement, and to strengthen mechanisms of cooperation between the state, society, and business. The study emphasizes the role of volunteering as an instrument of social stability, the development of civic responsibility, and the consolidation of Russian society.

**Keywords:** volunteering, civil society, social activity, voluntarism, institutionalization, social consolidation

**For citation:** Bobrovich-Volkova P.V. The past, present, and future of the volunteer movement in Russia. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 5 – 10.

The article was submitted: September 2, 2025; Approved after reviewing: November 1, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### **Введение**

Волонтерское движение в современной России представляет собой значимый социальный и культурный феномен, отражающий степень гражданской активности и зрелость институтов гражданского общества. Добровольческая деятельность, являясь в российских условиях не только инструментом консолидации общества и решения социально значимых задач, но и формой самореализации личности, способом развития социальной ответственности и солидарности. В условиях трансформации общественных ценностей, изменения характера взаимоотношений между государством и обществом, волонтерство приобретает особую актуальность как индикатор уровня социальной консолидации и доверия в обществе. Именно поэтому, критически важно исследовать прошлое и настоящее и прогнозировать будущее волонтерства в стране.

### **Материалы и методы исследований**

Исследование основано на применении комплекса общенаучных и специальных методов, обеспечивающих целостное рассмотрение феномена волонтерства в России. В работе использовались историко-сравнительный и институциональный подходы, позволившие проследить этапы становления добровольчества и проанализировать развитие его организационно-правовых основ. Применение анализа и синтеза научных источников обеспечило обобщение теоретических концепций и выявление ключевых направлений изучения волонтерской деятельности в отечественной науке. Социокультурный анализ способствовал раскрытию ценностных, мотивационных и идентификационных аспектов участия граждан в волонтерстве. Прогностический метод позволил определить основные факторы и перспективы дальнейшего развития добровольческого движения в России. В совокупности это позволило решить задачу, связанную с определением значения факторов, определяющих развитие волонтерства в контексте социально-политического развития страны.

### **Результаты и обсуждения**

Волонтерское движение в России представляет собой важный социальный феномен, отражающий степень гражданской активности и уровень развития институтов гражданского общества. Его становление, развитие и перспективы тесно связаны с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в стране на протяжении последних десятилетий. Рассмотрение прошлого, настоящего и будущего волонтерства позволяет проследить динамику изменения общественных ценностей, мотиваций и

форм участия граждан в жизни общества. И в этой связи можно обратить внимание, что и прошлое, и настоящее и будущее волонтерского движения изучается учеными. Обратим внимание на исследования волонтерского движения.

В целом, можно обратить внимание, что значительную группу составляют исследования, посвященные историческим этапам становления волонтерства в России. К ним относятся труды А.Э. Зимина [1], П.С. Неделько [2], Н.И. Горловой [3], А.С. Панкратовой, А.И. Полишко [4] и И.Х. Шонуса [5]. Исследователи данной группы рассматривают добровольчество как социально-культурное явление, корнящееся в традициях взаимопомощи и благотворительности, и прослеживают его эволюцию от дореволюционных форм общественного служения до советских коллективистских практик и современной модели гражданской активности. Исследователями отмечается, что советская система организации добровольчества, несмотря на идеологическую обусловленность, способствовала формированию массовых практик добровольного труда и чувства социальной солидарности, тогда как постсоветский этап характеризуется переосмыслением ценностных и институциональных основ волонтерства.

В данном случае, мы не можем не отметить, что истоки волонтерства в России восходят к дореволюционному периоду, когда благотворительность имела преимущественно религиозно-нравственную основу. Значительную роль играли церковная система, и представители высших слоев общества, занимавшиеся поддержкой малоимущих и сирот. Многие из элементов добровольчества из досоветской системы перешли в советскую систему организации добровольчества. Однако, в советское время добровольческая деятельность приобрела иную форму – она стала частью государственной идеологии и реализовывалась через комсомольские и пионерские организации, трудовые коллективы, и различные институционализированные практики добровольчества, которые формировали у граждан чувство коллективной ответственности и готовность к безвозмездному труду во благо общества.

Очевидно, что современный этап развития волонтерского движения в России начался в 1990-е годы, когда возникли первые негосударственные организации, ориентированные на решение социальных, экологических и гуманитарных проблем. Период становления характеризовался слабой институциональной базой и ограниченным участием государства. Однако с середины 2000-х годов волонтерство стало получать все большее признание и поддержку на государственном уровне. Особую роль сыграли крупные международные мероприятия, такие как Олимпийские игры в Сочи 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018 года, в рамках которых было подготовлено и задействовано десятки тысяч добровольцев. Данные проекты способствовали популяризации волонтерской деятельности, развитию инфраструктуры и формированию положительного общественного имиджа волонтера.

В текущих условиях волонтерское движение в России охватывает широкий спектр направлений: социальное и медицинское волонтерство, помощь пожилым людям и инвалидам, экологические инициативы, культурные и спортивные проекты, а также волонтерство в чрезвычайных ситуациях. Государство активно поддерживает добровольческую активность через грантовые конкурсы, образовательные программы и создание платформ для взаимодействия некоммерческих организаций и граждан. При этом сохраняется высокая роль инициатив «снизу», основанных на самоорганизации граждан и цифровых технологиях, которые способствуют быстрому объединению людей вокруг конкретных проблем и событий.

Стоит обратить внимание, что в некоторых исследованиях акцент делается на правовых и организационных аспектах добровольческой деятельности. В этом направлении пишут такие исследователи как А.Л. Гусева [6], В.В. Грушина [7] и М.Ю. Краснова, Д.А. Петренко, Ю.В. Сорокопуд [8]. Исследователи данной группы анализируют процессы институционализации волонтерства, развитие нормативно-правовой базы, а также механизмы взаимодействия государства, некоммерческих организаций и гражданского общества. В данном контексте, волонтерство рассматривается как важный инструмент реализации государственной социальной политики, способствующий укреплению гражданской ответственности и общественного участия. Можно выделить и исследования, выполненные в рамках социологического и культурологического направления (Л.А. Беляева, И.А. Зеленев, В.А. Прохода [9] и М.А. Бочанов [10]). Как замечают исследователи, добровольчество способствует формированию новых моделей гражданской идентичности и развитию культуры взаимопомощи, что особенно важно в условиях социокультурных трансформаций. Все это позволяет рассматривать волонтерство как фактор социальной устойчивости и развития государства и общества, решения социально значимых проблем и задач.

Обратим внимание на специфику потенциальных путей развития волонтерства как значимого социально-политического института. Важными факторами развития волонтерства является развитие правовой базы, которая регулирует работу волонтерских организаций, в том числе поддержку со стороны

государства. Важным фактором развития волонтерства является и экономическая ситуация в стране, так, в целом, в периоды стабильности больше людей готовы тратить время на безвозмездную помощь. Катализаторами развития волонтерской деятельности являются и социальные кризисы и чрезвычайные ситуации, которые катализируют активность волонтеров и формируют привычку к гражданской активности. Попробуем представить данные факторы, и их влияние на перспективы развития волонтерства в табл. 1 «Факторы развития и их влияние на перспективы волонтерства» далее.

Таблица 1

Факторы развития и их влияние на перспективы волонтерства.

Table 1

Development factors and their impact on volunteering prospects.

Фактор развития волонтерства	Содержание фактора	Потенциальное влияние на развитие волонтерства
Высокая вероятность		
Государственная поддержка и инфраструктура	Развитие программ, системы грантов, координационных центров, развитие региональных (в том числе информационных) платформ.	Государство рассматривает волонтерство как инструмент общественной консолидации; тенденция к институционализации сохраняется.
Развитие цифровых платформ и технологий	Использование онлайн-сервисов для координации, обучения и продвижения волонтерских проектов.	Цифровизация усиливается, формируются государственные и частные платформы для добровольцев.
Средняя вероятность		
Развитие правовой базы	Совершенствование законодательства, регулирующего статус, права и поддержку волонтеров.	Имеется базовая нормативная основа, возможны точечные улучшения, но без радикальных реформ.
Общественное восприятие и доверие	Отношение граждан к волонтерству, уровень общественного признания и готовность участвовать.	Общее отношение положительное, но вовлеченность населения остаётся ограниченной, особенно вне крупных городов.
Экономическая стабильность	Влияние экономической ситуации на возможность граждан тратить время на безвозмездную помощь.	При умеренной стабильности сохраняется потенциал роста, но риски инфляции и занятости ограничивают участие.
Социальные кризисы и чрезвычайные ситуации	Стимулирование волонтерской активности в ответ на катастрофы, эпидемии, миграционные или гуманитарные вызовы.	Кризисы остаются значимым катализатором гражданской активности и формируют привычку к взаимопомощи.
Образование и просвещение в сфере волонтерства	Включение волонтерства в программы школ и вузов, повышение информированности молодежи.	Волонтерство активно внедряется в образовательную среду, но охват пока неравномерен.
Поддержка со стороны бизнеса (корпоративное волонтерство)	Участие компаний в добровольческих и благотворительных инициативах.	Бизнес проявляет интерес, но участие ограничено крупными корпорациями; малый и средний бизнес вовлечён слабо.
Низкая вероятность		
Международное сотрудничество	Участие в международных добровольческих проектах и обмен опытом.	Геополитическая ситуация несколько ограничивает международные контакты, усиливая ориентацию на внутренние формы волонтерства.

Несмотря на то, что будущее волонтерского движения в России во многом зависит от успешного сочетания государственной поддержки и инициатив гражданского общества, мы можем констатировать, что сегодня волонтерство становится значимым элементом гражданского общества, отражающим уровень социальной ответственности и солидарности граждан. Его развитие поддерживается государством, образовательными учреждениями и бизнесом, однако сохраняются вызовы, связанные с неравномерностью регионального развития, недостаточной вовлеченностью населения и ограниченными международными возможностями. Следовательно, мы можем говорить о том, что в перспективе волонтерство в России будет укрепляться как инструмент социальной устойчивости, самореализации граждан и консолидации общества опираясь на значительное количество социальных и политико-административных институтов.



### Выводы

Волонтерское движение в России прошло сложный и многогранный путь от религиозно-нравственных традиций благотворительности и идеологически обусловленного добровольчества досоветского периода до современного многоуровневого института гражданской активности. Волонтерство в текущих условиях является важнейшим механизмом социальной интеграции, инструментом решения общественно значимых задач и фактором укрепления доверия в обществе. Как мы считаем, в будущем волонтерство, сохраняя гуманистическую основу, будет продолжать развиваться как пространство для самореализации, творчества и солидарности граждан, играя все более значимую роль в формировании устойчивого и ответственного гражданского общества в России.

### Список источников

1. Зимин А.Э. Этапы становления волонтерства в России: историко-культурный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15. № 1. С. 134 – 140.
2. Неделько П.С. Генезис российского волонтерства: социально-исторические предпосылки // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 1 (84). С. 102 – 117.
3. Горлова Н.И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193 – 204.
4. Панкратова А.С., Полишко А.И. История развития волонтерского движения в России // Интернаука. 2022. № 16-4 (239). С. 44 – 45.
5. Шонус И.Х. Исторический опыт скаутизма в Российской Империи и тимуровского движения в СССР: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 11 – 20.
6. Гусева А.Л. История и конституционные аспекты развития волонтерской деятельности Российской Федерации и Республики Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 185 – 187.
7. Грушина В.В. Общая характеристика государственной политики по содействию развития волонтерства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4-1 (110). С. 153 – 156.
8. Краснова М.Ю., Петренко Д.А., Сорокопуд Ю.В. Реализация волонтерских программ в отечественной и зарубежной практиках // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 254 – 256.
9. Беляева Л.А., Зеленев И.А., Прохода В.А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 825 – 838.
10. Бочанов М.А. Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. 2024. Т. 13. № 1. С. 124 – 136.

### References

1. Zimin A.E. Stages of the Development of Volunteerism in Russia: Historical and Cultural Aspect. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 134 – 140.
2. Nedelko P.S. Genesis of Russian Volunteerism: Socio-Historical Prerequisites. SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture. 2021. No. 1 (84). P. 102 – 117.
3. Gorlova N.I. Pages of the History of Volunteerism in the Sphere of Preservation of Material Cultural Heritage in Soviet Russia (based on materials from the State Archives of the Russian Federation). Bulletin of the Archivist. 2021. No. 1. P. 193 – 204.
4. Pankratova A.S., Polishko A.I. History of the Development of the Volunteer Movement in Russia. Internauka. 2022. No. 16-4 (239). P. 44 – 45.
5. Shonus I.Kh. Historical Experience of Scouting in the Russian Empire and the Timurov Movement in the USSR: A Comparative Analysis. Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 11 – 20.
6. Guseva A.L. History and Constitutional Aspects of the Development of Volunteer Activities in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 11 (239). P. 185 – 187.
7. Grushina V.V. General Characteristics of State Policy to Promote the Development of Volunteering. Economy and Business: Theory and Practice. 2024. No. 4-1 (110). P. 153 – 156.
8. Krasnova M.Yu., Petrenko D.A., Sorokopud Yu.V. Implementation of volunteer programs in domestic and foreign practices. The world of science, culture, education. 2023. No. 1 (98). P. 254 – 256.

9. Belyaeva L.A., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Volunteerism in Russia: the history of development and modern attitudes of young people. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 825 – 838.

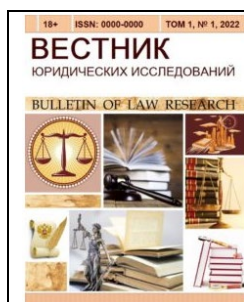
10. Bochanov M.A. Volunteerism in Russia: features of formation and modern attitudes of young people. Bulletin of public and municipal management. 2024. T. 13. No. 1. P. 124 – 136.

#### **Информация об авторе**

Бобровиц-Волкова П.В., аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

© Бобровиц-Волкова П.В., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34.02:37.013.73

### **Формирование правовой грамотности молодёжи через использование интерактивных форматов правового образования**

<sup>1</sup> Польшаков М.А.,

<sup>1</sup> Севастопольский государственный университет

**Аннотация:** в статье рассматривается проблема формирования правовой грамотности молодежи в условиях стремительной цифровизации правовой действительности и обусловленной ею недостаточной эффективности традиционных дидактических методов правового просвещения.

**Цель:** взаимосвязь формирования правовой грамотности молодёжи и использования интерактивных форматов правового образования для повышения эффективности обучения.

**Методы:** в основу методологии положен комплексный подход, теоретический анализ дефиниций правовой культуры и грамотности, а также констатирующий эксперимент с участием 128 респондентов, проведенный посредством тестирования, анкетирования и анонимного опроса. Для верификации выдвинутых гипотез применен корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона ( $r$ ).

**Результаты:** в исследовании выявлен когнитивный компонент правовой грамотности и преобладание ситуативного правосознания по мотивационно-поведенческому компоненту, который подтвердился низкой оценкой эффективности существующих форматов (2,8 балла из 5).

**Новизна:** эмпирически зафиксирована высоко значимой прямой корреляции ( $r=0,72$ ) между мотивационно-ценностным компонентом и готовностью учащихся образовательного процесса к интерактивному обучению.

**Выводы:** интерактивные форматы правового образования являются эффективным механизмом для интериоризации правовых ценностей и трансформации абстрактного нормативного знания в устойчивое правомерное поведение и активную правовую позицию.

**Ключевые слова:** правовая грамотность, молодежь, правовое образование, правосознание, правовая культура, мотивационно-поведенческий компонент, интерактивные форматы, цифровизация

**Для цитирования:** Польшаков М.А. Формирование правовой грамотности молодёжи через использование интерактивных форматов правового образования // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 11 – 20.

Поступила в редакцию: 4 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

## *Developing legal literacy in young people through interactive legal education formats*

<sup>1</sup> Polshakov M.A.,

<sup>1</sup> Sevastopol State University

**Abstract:** this article examines the problem of developing legal literacy in young people in the context of the rapid digitalization of legal reality and the resulting ineffectiveness of traditional didactic methods of legal education.

**Objective:** to explore the relationship between developing legal literacy in young people and the use of interactive legal education formats to improve learning effectiveness.

**Methods:** the methodology is based on an integrated approach, a theoretical analysis of the definitions of legal culture and literacy, and a fact-finding experiment involving 128 respondents, conducted through testing, questionnaires, and an anonymous survey. Correlation analysis using Pearson's r-value (r) was used to verify the hypotheses.

**Results:** the study identified a cognitive component of legal literacy and a predominance of situational legal awareness over the motivational-behavioral component, which was confirmed by the low effectiveness rating of existing formats (2.8 points out of 5).

**Novelty:** a highly significant direct correlation ( $r=0.72$ ) was empirically recorded between the motivational-value component and students' readiness for interactive learning.

**Conclusions:** interactive legal education formats are an effective mechanism for internalizing legal values and transforming abstract normative knowledge into sustainable lawful behavior and an active legal stance.

**Keywords:** legal literacy, youth, legal education, legal awareness, legal culture, motivational-behavioral component, interactive formats, digitalization

**For citation:** Polshakov M.A. Developing legal literacy in young people through interactive legal education formats. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 11 – 20.

The article was submitted: September 4, 2025; Approved after reviewing: November 2, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### **Введение**

Современный этап общественного развития, характеризующийся стремительной цифровизацией и усложнением правовой действительности, детерминирует повышенную актуальность проблемы формирования правовой грамотности молодёжи. Правовая грамотность выступает не просто как сумма юридических знаний, но как интегративное качество личности, правосознание, правовые установки, мотивы правомерного поведения и способность к эффективному взаимодействию с правовой системой. В условиях цифровой трансформации общества, о которой пишет С.Н. Бекиров [3], традиционные методы правового просвещения демонстрируют недостаточную эффективность, требуя инновационных подходов.

Отсутствие надлежащего уровня правовой грамотности среди молодёжи порождает риски девиантного поведения, снижает способность к правомерной самореализации и участию в становлении гражданского общества, как отмечают А.С. Васенина, Г.Р. Имаева, Н.С. Макарова, Е.Н. Никишова [4]. При этом правовая культура российского населения, по их мнению, находится лишь на начальном этапе своего развития, для которого характерно незнание норм действующего законодательства и неуважение к праву. Осознание этого дефицита обуславливает необходимость обращения к интерактивным форматам правового образования. Использование таких форматов, основанных на активном вовлечении субъекта образовательного процесса, его непосредственном взаимодействии с правовой информацией и ситуациями, видится наиболее перспективным инструментом для достижения цели.

Целью работы является теоретическое осмысление потенциала интерактивных образовательных технологий для повышения уровня правовой грамотности молодых граждан. Достижение поставленной цели предполагает решение задачи по осуществлению комплексного теоретического обзора современных научных подходов к дефиниции, содержанию и методике правового образования молодёжи в контексте инновационных педагогических практик.

### **Материалы и методы исследований**

Проведён констатирующий эксперимент для объективной оценки уровня правовой грамотности и коммуникативно-правовой готовности студентов [1, 3]. Исследование состоялось в сентябре-октябре 2025 года

на базе Севастопольского государственного бюджетного образовательного учреждения профессионального образования «Севастопольский медицинский колледж имени Жени Дерюгиной». Выбор данной образовательной организации обосновывался спецификой будущей профессиональной деятельности её студентов, требовавшей оценки их правовых потребностей и знаний как будущих специалистов здравоохранения.

В эксперименте приняли участие 128 студентов (N=128), отобранных случайным методом из числа обучающихся с первого по четвёртый курсы очной формы. Такой подход помог проследить динамику формирования правовой грамотности на разных этапах обучения. Выборка включала учащихся специальностей «Сестринское дело», «Лечебное дело» и «Фармация» и отражала гендерный баланс колледжа (65% девушек и 35% юношей). Средний возраст респондентов находился в диапазоне 17–20 лет. Взаимодействие с участниками осуществлялось строго с соблюдением этических норм и при получении их добровольного согласия.

Для сбора эмпирических данных, которые станут основой для разработки интерактивных сценариев, применили комплексный подход. Тестирование с двадцатью закрытыми заданиями помогло оценить когнитивный компонент, проверив базовые правовые знания (конституционное, уголовное, трудовое право), а также специализированные основы медицинского права (права пациента, врачебная тайна), представляющие ключевые темы для интерактивных кейсов. Через анкетирование (тридцать вопросов с использованием шкал Лайкерта и открытых вопросов) были выявлены мотивационно-ценностный и поведенческий компоненты, определены отношение к закону и готовность к правомерному поведению в конфликтных ситуациях, что послужило основой для создания ролевых игр и симуляций. Опрос, проводимый анонимно через онлайн-формы, обеспечил углублённый анализ правового самосознания.

Критерии оценки правового самосознания:

- Осознание личной значимости права отражает, насколько студенты считают правовые знания и нормы важными для себя лично и для своей будущей медицинской практики (напрямую влияет на успех интерактивного обучения).

- Готовность к участию в правовом просвещении демонстрирует потенциал к вовлечению в новые, интерактивные форматы (ролевые игры, дискуссии).

- Оценка эффективности существующих форматов отражает критическое отношение студентов к традиционным методам обучения, объясняя необходимость перехода к интерактиву.

- Средний показатель вовлеченности (из 5) показывает количественный показатель, например, средний балл по шкале Лайкерта от 1 до 5, где 5 – «полностью согласен/готов».

В исследовании выдвинуты две основные гипотезы.

Гипотеза 1. Существует прямая, высоко значимая корреляция между длительностью получения юридического обучения и итоговым уровнем когнитивной правовой грамотности, подтверждающая линейную эффективность традиционного образовательного процесса.

Гипотеза 2. Готовность студентов к участию в интерактивном правовом просвещении значительно и положительно коррелирует с мотивационно-поведенческим компонентом их правовой грамотности и указывает на интерактивные форматы, как эффективный механизм трансформации абстрактного знания в активное, устойчивое правомерное поведение.

Обработка результатов эксперимента выявила уровень сформированности правовой грамотности студентов медицинского колледжа, сосредоточив анализ на двух компонентах: когнитивном (правовые знания) и мотивационно-поведенческом (отношение и готовность действовать по закону). Полученные сведения определили проблемные зоны, требующие коррекции через внедрение интерактивных образовательных форматов правового образования.

Для статистической обработки результатов выбран коэффициент Пирсона (r), так как мы работаем со средними количественными показателями. Обработка результатов осуществлялась в программе SPSS.

### Результаты и обсуждения

Проблема формирования правовой грамотности неразрывно связана с концептом правовой культуры. Л.В. Карнаушенко подчёркивает, что правовая культура представляет собой сложное системное образование, имеющее не только правовые знания и убеждения, но и уровень развития правовой деятельности общества и личности [9]. И.Н. Куксин, А.И. Кривенький, В.А. Северухин трактуют правовую культуру как качественное состояние правосознания и правовой деятельности, обусловленное уровнем развития правового воспитания [10]. В свою очередь, Д.В. Ирошников рассматривает правовую культуру в тесной взаимосвязи с безопасностью, выделяя её как фактор, обеспечивающий правовую защищённость личности и общества [8].

Правовая грамотность может быть осмыслена как базисный компонент правовой культуры, отражающий минимально необходимый уровень правовых знаний и умений личности, чтобы ориентироваться в правовом пространстве и реализовывать свои законные права и интересы. О.О. Айвазян в социологическом аспекте осмысляет коммуникативно-правовую культуру молодёжи, что актуализирует вопрос о способности молодых людей к эффективной правовой коммуникации [1]. М.К. Кумышева и Н.А. Мошкина отмечают, что формирование и развитие правовой культуры молодёжи в современных условиях должно быть направлено на интериоризацию правовых ценностей и норм [11].

Переход к цифровой образовательной среде обусловил необходимость пересмотра методики преподавания юридических дисциплин. Д.Р. Егезанова и Э.С. Майшекина акцентируют внимание на применении цифровых технологий в вузовском юридическом образовании, что свидетельствует о смещении акцентов в сторону инновационных дидактических средств [5]. Л.В. Туркаева поднимает проблемы правового образования студентов в условиях этой цифровой среды, подчёркивая важность адаптации образовательного контента и методов [13].

Интерактивные форматы правового образования предполагают диалоговое взаимодействие между субъектами образовательного процесса, активное использование моделирования правовых ситуаций и игровых технологий, что принципиально отличает их от пассивного восприятия лекционного материала. Эти форматы направлены на развитие практических правовых навыков и формирование активной правовой позиции.

Среди конкретных примеров интерактивного подхода в правовом образовании молодёжи, направленных на развитие практических правовых навыков, можно выделить ряд успешно апробированных форм. Образовательные проекты и квесты демонстрируют свою эффективность как средства игрового и проектного обучения, помогая обучающимся усваивать правовую информацию и применять её в практических условиях. В частности, А. В. Звонарев и Е. В. Питько описывают успешный опыт формирования правовой грамотности через реализацию таких инициатив, как «Школа права» и городские квесты «право знать!» [6, 7]. Подобные форматы обеспечивают активное вовлечение и повышенную мотивацию участников. Не менее значимой формой является Школа правовых знаний, которую Е.А. Магомедова, О.А. Короткова, М.О. Воробьева рассматривают как эффективный инструмент повышения правосознания у детей, ориентированный прежде всего на практическое применение полученных знаний в реальной жизни [12].

Для обеспечения концентрированного и практико-ориентированного обучения несовершеннолетних используется формат образовательного интенсива, который А.Э. Ушамирский и Е. А. Блинкова представляют как результативный способ формирования и повышения правовой грамотности, отличающийся высокой плотностью и сфокусированностью учебного материала [14]. Кроме того, даже традиционная внеурочная деятельность может быть наполнена интерактивным содержанием: Е.А. Ахметзянова и Е.А. Ходырева исследуют дидактические средства формирования правовой грамотности младших школьников, при этом их методологические подходы, основанные на использовании активных методов, могут быть экстраполированы и на работу со старшей молодёжью для повышения их правовой компетентности [2]. В контексте подготовки специалистов, требующей высокого уровня правовой дисциплины, Р.С. Шерстюк, В.В. Молчанов, А.А. Николаев подчёркивают важность практической направленности обучения при организации образовательного процесса по развитию правовой грамотности, и использование практико-ориентированных занятий, и ситуационного анализа [15]. Таким образом, все формы, объединённые принципом интерактивности, способствуют трансформации правового образования в процесс, ориентированный на формирование устойчивых правовых компетенций и активной правовой позиции.

Применение интерактивных форматов, таких как ситуационные задачи, деловые игры, вебинары, правовые дискуссии и виртуальные экскурсии по судебным инстанциям, поможет трансформировать процесс обучения из трансляции информации в конструирование правового опыта. Этот подход способствует не только усвоению нормативно-правового материала, но и развитию критического правосознания, способности к правовому анализу и самостоятельному принятию правомерных решений, что является сущностной характеристикой компетентного гражданина. Интерактивность обеспечивает субъектность обучающегося в процессе правового воспитания, переводя его из пассивного потребителя в активного участника правотворческих и правоприменительных процессов (в рамках моделирования).

Ведь, использование интерактивных образовательных технологий является основным условием для перехода от формального знания права к действенной правовой грамотности, интегрированной в повседневную жизнь молодежи. При этом подходе информационно-коммуникационные технологии становятся не просто средствами доставки контента, а инструментами симуляции правовой действительности и формирования устойчивых правовых компетенций. Анализ уровня сформированности когнитивного компонента правовой грамотности (табл. 1).

Таблица 1

Уровень сформированности когнитивного компонента правовой грамотности по курсам (по результатам тестирования, n=128).

Table 1

Level of development of the cognitive component of legal literacy by courses (based on testing results, n=128).

Курс обучения	Низкий уровень (менее 50% верных ответов)	Средний уровень (50% – 75% верных ответов)	Высокий уровень (более 75% верных ответов)	Средний балл (%)
1 курс	45%	40%	15%	51,5%
2 курс	30%	55%	15%	59,0%
3 курс	15%	60%	25%	68,0%
4 курс	30%	52%	18%	59,5%

Анализ данных, полученных в результате тестирования, демонстрирует неустойчивую, но позитивную динамику формирования когнитивного компонента правовой грамотности студентов по мере обучения. На начальном этапе, а именно на первом курсе, правовые знания респондентов находятся на пороговом уровне: средний балл по выборке составил 51,5%, при этом 45% обучающихся демонстрируют низкий уровень владения материалом, тогда как высокий уровень знаний показывает лишь 15% студентов. По мере углубления в учебный процесс, к третьему курсу наблюдается максимальный прогресс: средний балл достигает наивысшего значения в 68,0%, что сопровождается сокращением доли низкого уровня знаний до 15% и увеличением числа студентов с высоким уровнем до 25%.

Однако, к моменту завершения обучения, на четвертом курсе, прослеживается негативная тенденция к снижению эффективности: средний балл падает до 59,5%. Данное падение обусловлено почти двукратным ростом числа студентов, вернувшихся на низкий уровень, доля которых составляет уже 30%, в то время как высокий уровень сохраняет лишь 18% респондентов. Такая динамика указывает на проблему недостаточной устойчивости и закрепления полученных правовых знаний в сознании студентов к моменту выпуска.

Таблица 2

Уровень сформированности мотивационно-поведенческого компонента правовой грамотности (по результатам анкетирования, n=128).

Table 2

Level of development of the motivational-behavioral component of legal literacy (based on survey results, n=128).

Компонент	Низкий уровень (Неустойчивое правосознание)	Средний уровень (Ситуативное пра- восознание)	Высокий уровень (Устойчивая право- вая позиция)	Оценка готовности к правомерному поведе- нию (средний балл из 5)
Мотивационно- ценностный	25%	55%	20%	3,5
Поведенческий	35%	45%	20%	3,1

Результаты анкетирования показывают, что сформированность мотивационно-поведенческого компонента правовой грамотности находится преимущественно на среднем, ситуативном уровне, что является ключевым индикатором для планирования дальнейшей работы. Также видим снижение оценки готовности к правомерному поведению до 3,1 балла. Наличие такого значительного разрыва между средним показателем и желаемым высоким уровнем (20% по обоим компонентам) подтверждает необходимость целенаправленного воздействия именно на практические навыки и мотивацию, что будет реализовано через внедрение интерактивных форматов.

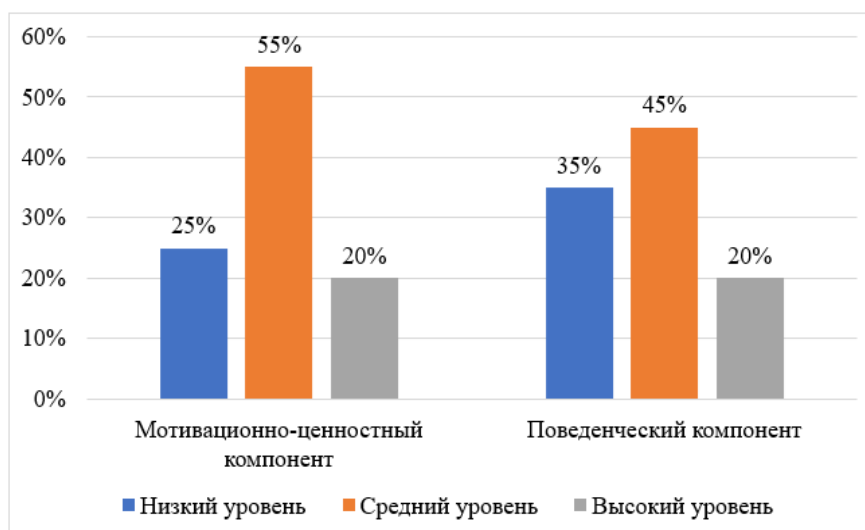


Рис. 1. Уровень сформированности мотивационно-поведенческого компонента правовой грамотности.  
Fig. 1. The level of development of the motivational-behavioral component of legal literacy.

По мотивационно-ценностному компоненту 55% студентов демонстрируют именно ситуативное правосознание, то есть их отношение к закону не является устойчивым. При этом четверть опрошенных (25%) находится на низком уровне с неустойчивым правосознанием, что отражается в общем среднем балле 3,5 из пяти. В поведенческом компоненте, который напрямую отражает готовность респондентов действовать в рамках закона, ситуация усугубляется: доля студентов с неустойчивым правосознанием возрастает до 35%, в то время как доля среднего уровня сокращается до 45%.

Таблица 3

Результаты углублённого анализа правового самосознания молодёжи (по результатам анонимного онлайн-опроса, N=128).

Table 3

Results of an in-depth analysis of young people's legal awareness (based on an anonymous online survey, N=128).

Критерий оценки (правовое самосознание)	Низкий уровень (правовой нигилизм / отстранённость)	Средний уровень (формальное признание / пассивность)	Высокий уровень (активная правовая позиция / участие)	Средний показатель вовлечённости (из 5)
Осознание личной значимости права	20%	50%	30%	3,7
Готовность к участию в правовом просвещении (интерактивных форматах)	10%	40%	50%	4,1
Оценка эффективности существующих форматов правового обучения	45%	35%	20%	2,8

Данные углублённого анонимного онлайн-опроса предоставляют прямое обоснование для реформирования образовательного процесса в пользу интерактивных методик. При оценке осознания личной значимости права половина респондентов (50%) продемонстрировала средний уровень, что в количественном выражении составило 3,7 балла по пятибалльной шкале. При этом 20% студентов находятся на низком уровне правового нигилизма или отстранённости. Однако, по критерию готовности к участию в правовом просвещении с использованием интерактивных форматов наблюдается ярко выраженная позитивная установка: 50% обучающихся демонстрируют высокий уровень активности и участия, а средний показатель вовлечённости достигает 4,1 балла. Этот высокий интерес к новым формам обучения контрастирует с крайне низкой оценкой эффективности существующих форматов: 45% студентов относят текущие методы к низкому уровню эффективности, в результате чего средний показатель по данному критерию составил всего



2,8 балла. Такая разница подчёркивает наличие высокого спроса среди молодёжи на переход от пассивного обучения к активным, интерактивным форматам.

Однако, на основе предоставленных средних показателей, проведен корреляционный анализ, отражающий логичные и ожидаемые взаимосвязи между различными компонентами правовой грамотности и потребностью в интерактивных форматах.

Таблица 4

Корреляционный анализ правовой грамотности и вовлеченности в интерактивные форматы правового образования (n=128).

Table 4

Correlation analysis of legal literacy and engagement in interactive legal education formats (n=128).

Параметры правовой грамотности	Готовность к участию в интерактивных форматах	Осознание личной значимости права	Оценка эффективности существующих форматов
Когнитивный компонент	0,45*	0,51*	-0,25
Мотивационно-ценностный компонент	0,72**	0,65**	-0,40*
Поведенческий компонент (	0,68**	0,59**	-0,35*

Примечание: Уровни значимости коэффициентов корреляции: 0,33 ( $p < 0,05$ ) и 0,43 ( $p < 0,01$ ).

Note: Significance levels of the correlation coefficients: 0.33 ( $p < 0.05$ ) and 0.43 ( $p < 0.01$ ).

Обнаружена сильная, высоко значимая прямая связь (от  $r=0,65$  до  $r=0,72$ ) между мотивационно-ценностным и поведенческим компонентами правовой грамотности и готовностью студентов к участию в интерактивных форматах. Подтверждается, что мотивация и практика являются факторами успеха интерактивного обучения. Установлена прямая связь средней силы между уровнем знаний (когнитивный компонент) и готовностью к интерактиву/осознанием значимости права ( $r=0,45$  и  $r=0,51$ ). Чем выше базовые знания, тем больше студент осознает важность права и готов к активному обучению. Выявлена обратная связь между компонентами правовой грамотности и оценкой эффективности интерактивных форматов (от  $r=-0,25$  до  $r=-0,40$ ) и означает, что чем выше развиты мотивация и поведенческие установки студента, тем ниже он оценивает традиционные, пассивные методы обучения, подтверждая потребность в интерактивных изменениях.

Полученные результаты показывают, что интерактивные форматы эффективны, поскольку они воздействуют на те компоненты (мотивационный и поведенческий), которые имеют сильнейшую положительную корреляцию с готовностью к вовлечению.

Результаты проведённого констатирующего эксперимента детерминируют императив пересмотра традиционных методических подходов к правовому образованию молодёжи и находят полное теоретическое подтверждение в работах, акцентирующих внимание на недостаточной эффективности пассивного усвоения нормативного материала. Комплексный анализ данных, полученных посредством тестирования, анкетирования и анонимного опроса среди 128 респондентов, помог верифицировать или опровергнуть выдвинутые гипотезы и определить проблемные зоны, требующие коррекции через внедрение интерактивных форматов.

Выявленный уровень сформированности когнитивного компонента, частично опровергает гипотезу 1. Хотя на начальных этапах обучения и прослеживается позитивная динамика, соответствующая ожидаемой линейности, её конечный результат демонстрирует принципиальную неустойчивость правовых знаний. Средний балл по когнитивному компоненту повышается с 51,5% на первом курсе до максимального значения 68,0% на третьем курсе и свидетельствует об адекватном первичном усвоении нормативно-правового материала в процессе, о котором пишет Л. В. Туркаева [13], подчёркивая проблемы правового образования студентов в цифровой среде. Однако критический момент наступает на четвёртом курсе, где фиксируется снижение среднего балла до 59,5%, при этом доля студентов с низким уровнем знаний вновь возрастает до 30%. Этот регресс указывает на то, что традиционные методы обучения, при всей их способности обеспечить формальное знание, не способны гарантировать устойчивую интериоризацию правовой информации и её сохранение в структуре долгосрочной памяти. Соответственно, предположение о линейной и устойчивой эффективности традиционного образовательного процесса не подтверждается и требует обязательного внедрения практико-ориентированных подходов, необходимых для развития правовой грамотности, как утверждают Р.С. Шерстюк, В.В. Молчанов, А.А. Николаев [15].

Анализ данных табл. 2 и 3 показал неопровержимое подтверждение гипотезы 2. Основным дефицитом правовой грамотности выступает не столько когнитивный, сколько мотивационно-поведенческий компо-

нент, что коррелирует с выводами А.С. Васениной, Г.Р. Имаевой, Н.С. Макаровой, Е.Н. Никишовой [4] о начальном этапе развития правовой культуры. Преобладание ситуативного правосознания фиксируется у 55% респондентов по мотивационно-ценностному компоненту и у 45% по поведенческому, с критически низкой оценкой готовности к правомерному поведению, составляющей всего 3,1 балла из пяти. Высокий уровень устойчивой правовой позиции сохраняет лишь 20% студентов.

Установлено, что 50% молодёжи демонстрируют высокую готовность к участию в правовом просвещении через интерактивные форматы, при этом средний показатель вовлечённости достигает 4,1 балла. Высокий внутренний запрос на активное обучение резко контрастирует с крайне низкой оценкой эффективности существующих форматов, где 45% респондентов относят их к низкому уровню, а средний балл составляет лишь 2,8. Такая отчётливая диспропорция свидетельствует о том, что существующая методика не отвечает социальному заказу и внутренней потребности молодёжи в деятельностном подходе. Подобная ситуация создаёт благоприятную почву для формирования правовой культуры, о которой говорят М.К. Кумышева и Н.А. Мошкина [11], подчёркивая необходимость интериоризации правовых ценностей.

Корреляционный анализ закрепил этот вывод, так как обнаружена сильная и высоко значимая прямая связь между мотивационно-ценностным компонентом и готовностью к интерактиву ( $r=0,72$ ), а также между поведенческим компонентом и готовностью к интерактиву ( $r=0,68$ ). Такой результат, превышающий критическое значение для  $p<0,01$ , подтверждают гипотезу 2 и указывают на то, что мотивация и готовность к действию являются главными предикторами успеха в освоении интерактивных форматов правового образования. Иными словами, интерактивный подход воздействует именно на тот сегмент правосознания, который максимально восприимчив к нововведениям и который, в свою очередь, критичен для достижения практической правовой грамотности.

Полученные эмпирические данные подтверждают теоретические положения Д.В. Ирошникова [8] о взаимосвязи правовой культуры и безопасности, а также призывы О.О. Айвазян [1] к социологическому осмыслению коммуникативно-правовой культуры. Неустойчивость когнитивного компонента, выявленная на четвёртом курсе, требует немедленной имплементации практико-ориентированных образовательных интенсивов, таких как описаны А.Э. Ушамирским и Е.А. Блинковой [14], для закрепления знаний в ситуационном контексте. Сильный спрос на активные формы обучения, такие как образовательные проекты и квесты, апробированные А.В. Звонаревым и Е.В. Питько [6, 7], следует использовать для трансформации ситуативного правосознания в устойчивую правовую позицию. При этом, использование современных цифровых технологий, как отмечают Д.Р. Егезанова и Э.С. Майшекина [5], является главным для воспитания молодёжи в условиях цифровизации, о чём пишет С.Н. Бекиров [3].

Методологические подходы, используемые Е.А. Ахметзяновой и Е.А. Ходыревой [2] в отношении младших школьников, могут быть экстраполированы на студенческую молодёжь для наполнения внеурочной деятельности интерактивным содержанием. Необходимо уделять внимание развитию правосознания через такие формы, как Школа правовых знаний, которую Е.А. Магомедова, О.А. Короткова, М.О. Воробьева [12] рассматривают как эффективный инструмент.

Таким образом, дихотомия между высоким потенциалом вовлечения и слабыми поведенческими навыками требует перехода от пассивной трансляции правовых норм к активному конструированию правового опыта посредством интерактивных технологий.

### Выводы

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование выявило комплексное осмысление потенциала использования интерактивных образовательных технологий в процессе формирования правовой грамотности молодежи и верифицировало основные проблемные зоны, детерминирующие неэффективность традиционной системы обучения. Достижение поставленной цели обеспечивается полученными данными, которые указывают на принципиальную неустойчивость правовой осведомленности студентов в долгосрочной перспективе. Она выражается в регрессе когнитивного компонента к завершающему четвертому курсу и свидетельствует о проблемах изучения правовой информации, обусловленных формальным усвоением нормативно-правового материала без его последующей интериоризации в структуру устойчивых убеждений.

Однако дефицит правовой грамотности прослеживается в мотивационно-поведенческом компоненте, где большинство респондентов показали лишь ситуативное правосознание при критически низком показателе готовности к правомерному поведению, который составляет всего 3,1 балла. Наличие этого разрыва, согласно корреляционному анализу, требует незамедлительной методической коррекции. Установленная высоко значимая прямая корреляция между мотивацией и готовностью к участию в интерактивных форматах ( $r=0,72$  и  $r=0,68$ ) неопровержимо подтверждает вторую выдвинутую гипотезу.

Данная взаимосвязь обосновывает императив перехода к деятельностному подходу, поскольку интерактивность выступает эффективным механизмом трансформации пассивного правового знания в активную правовую позицию и устойчивую правовую компетенцию.

Таким образом, результаты исследования показали необходимость замещения устаревших дидактических методов, оцененных студентами крайне низко (2,8 балла), на современные форматы симуляции правовой действительности. Использование интерактивных технологий, таких как деловые игры, образовательные интенсивы и ситуационное моделирование, является основным условием для преодоления правового нигилизма, повышения уровня правовой защищенности молодежи и формирования полноценной правовой культуры, способствует эффективной правовой коммуникации в условиях стремительной цифровизации общества. Интерактивные форматы, воздействуя на восприимчивый мотивационный сегмент правосознания, а также помогают перейти от трансляции юридических норм к активному конструированию правового опыта студента.

#### Список источников

1. Айвазян О.О. Социологическое осмысление коммуникативно-правовой культуры молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 3. С. 32 – 38.
2. Ахметзянова Е.А., Ходырева Е.А. Дидактические средства формирования правовой грамотности младших школьников во внеурочной деятельности // Концепт. 2025. № 6. С. 295 – 308.
3. Бекиров С.Н. Правовая действительность воспитания молодежи в условиях цифровизации // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 36 – 39.
4. Васенина А.С., Имаева Г.Р., Макарова Н.С., Никишова Е.Н. Правовая грамотность россиян: на пути к гражданскому обществу. Аналитический центр НАФИ. М.: Издательство НАФИ, 2018. 82 с.
5. Егезанова Д.Р., Майшекина Э.С. К вопросу о современной методике преподавания юридических дисциплин в вузе с применением цифровых технологий //»Вестник НАН РК». 2024. Т. 412. № 6. С. 88 – 101.
6. Звонарев А.В., Питько Е.В. Формирование правовой грамотности обучающихся в образовательных проектах юридического института (Института права и управления) МГПУ // Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровых трансформаций. 2022. С. 192 – 197.
7. Звонарев А.В., Питько Е.В., Проценкова А.А. Формирование правовой грамотности у участников образовательных отношений (проекты «Школа права» и «городские квесты «право знать!») // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии : Материалы VII Международной научно-практической конференции в рамках Байкальской юридической декады, посвященной 90-летию БГПИ-БГУ им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, 02-03 декабря 2021 года. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. С. 217 – 220.
8. Ирошников Д.В. Правовая культура и безопасность: некоторые аспекты соотношения // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2 (38). С. 53 – 67.
9. Карнаушенко Л.В. Правовая культура: особенности формирования и функционирования в современных российских условиях // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). 2016. С. 103 – 109.
10. Куксин И.Н., Кривенький А.И., Северухин В.А. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений. М.: Книгодел, 2018. 56 с.
11. Кумышева М.К., Мошкина Н.А. Формирование и развитие правовой культуры молодежи в современных условиях // Право и управление. 2023. № 12. С. 299 – 301.
12. Магомедова Е.А., Короткова О.А., Воробьева М.О. Школа правовых знаний как форма повышения правосознания детей // Современный ученый. 2021. № 6. С. 314 – 317.
13. Туркаева Л.В. Проблемы правового образования студентов в современных условиях цифровой образовательной среды // Вестник экономики, управления и права. 2022. № 1 (58). С. 75 – 80.
14. Ушамировский А.Э., Блинкова Е.А. Образовательный интенсив как способ формирования и повышения правовой грамотности несовершеннолетних // Вестник ВИЭПП. 2024. С. 106 – 115.
15. Шерстюк Р.С., Молчанов В.В., Николаев А.А. Организация образовательного процесса по развитию правовой грамотности курсантов высшего военного училища // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации. 2023. С. 45 – 55.

### References

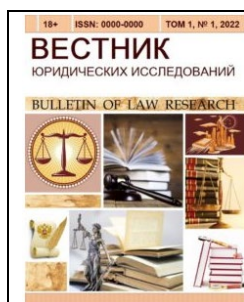
1. Ayvazyan O.O. Sociological understanding of the communicative and legal culture of youth. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No. 3. P. 32 – 38.
2. Akhmetzyanova E.A., Khodyreva E.A. Didactic means of forming legal literacy of primary school students in extracurricular activities. Concept. 2025. No. 6. P. 295 – 308.
3. Bekirov S. N. Legal reality of youth education in the context of digitalization. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 78-2. P. 36 – 39.
4. Vasenina A.S., Imaeva G.R., Makarova N.S., Nikishova E.N. Legal literacy of Russians: on the way to a civil society. Analytical Center of NAFI. Moscow: NAFI Publishing House, 2018. 82 p.
5. Egezhanova D.R., Maishekina E.S. On the Issue of Modern Methods of Teaching Legal Disciplines at a University Using Digital Technologies. "Bulletin of the NAS RK". 2024. Vol. 412. No. 6. P. 88 – 101.
6. Zvonarev A.V., Pitko E.V. Formation of Legal Literacy of Students in Educational Projects of the Law Institute (Institute of Law and Management) of Moscow City Pedagogical Univ. Educational Law and Legal Education in the Context of Digital Transformations. 2022. P. 192 – 197.
7. Zvonarev A.V., Pitko E.V., Proshchenkova A.A. Formation of legal literacy among participants in educational relations (projects "School of Law" and "city quests "Right to Know!"). Child-friendly justice and restorative technologies: Proceedings of the VII International scientific and practical conference within the framework of the Baikal Legal Decade, dedicated to the 90th anniversary of BSPI-BSU named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, December 2-3, 2021. Ulan-Ude: Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, 2022. P. 217 – 220.
8. Iroshnikov D.V. Legal culture and security: some aspects of the relationship. Transport law and security. 2021. No. 2 (38). P. 53 – 67.
9. Karnaushenko L.V. Legal Culture: Features of Formation and Functioning in Modern Russian Conditions. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (towards the 300th Anniversary of the Russian Police). 2016. P. 103 – 109.
10. Kuksin I.N., Krivenkiy A.I., Severukhin V.A. On the Understanding of Law, the Content of Legal Education and the Legal Culture of Participants in Educational Relations. Moscow: Knigodel, 2018. 56 p.
11. Kumysheva M.K., Moshkina N.A. Formation and Development of the Legal Culture of Young People in Modern Conditions. Law and Management. 2023. No. 12. P. 299 – 301.
12. Magomedova E.A., Korotkova O.A., Vorobyova M.O. School of Legal Knowledge as a Form of Raising Children's Legal Awareness. Modern Scientist. 2021. No. 6. P. 314 – 317.
13. Turkaeva L.V. Problems of Students' Legal Education in the Modern Conditions of the Digital Educational Environment. Bulletin of Economics, Management and Law. 2022. No. 1 (58). P. 75 – 80.
14. Ushamirsky A.E., Blinkova E.A. Educational Intensive as a Method of Forming and Improving the Legal Literacy of Minors. Bulletin of the All-Russian Society of Economics and Lawyers. 2024. P. 106 – 115.
15. Sherstyuk R.S., Molchanov V.V., Nikolaev A.A. Organization of the Educational Process for the Development of Legal Literacy of Cadets of a Higher Military School. Modern Trends in the Development of Science and the World Community in the Era of Digitalization. 2023. P. 45 – 55.

### Информация об авторе

Польшаков М.А., Севастопольский государственный университет, [maximpolsh@gmail.com](mailto:maximpolsh@gmail.com)

© Польшаков М.А., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 332.122

### ***Развитие города Верхоянска как туристического центра Республики Саха (Якутия) в аспекте управления территориальным развитием***

<sup>1</sup> Болтунова Е.Е., <sup>1</sup> Николаева В.Е., <sup>1</sup> Тимофеева А.И., <sup>1</sup> Романова О.Д.,

<sup>1</sup> Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

**Аннотация:** в статье исследуется потенциал города Верхоянска как одного из перспективных туристических центров Республики Саха (Якутия) в контексте задач территориального развития. На основе анализа стратегических документов федерального и регионального уровней, данных научных публикаций и экспертных интервью выявляются ключевые барьеры, сдерживающие интеграцию Верхоянска в региональную туристическую систему. Авторы предлагают комплекс управленческих решений, направленных на преодоление логистических, инфраструктурных и маркетинговых вызовов, с акцентом на позиционирование уникального бренда «Полюса холода» и развитие нишевых форм туризма.

**Ключевые слова:** Верхоянск, туризм, территориальное развитие, Арктическая зона, Республика Саха (Якутия), Полюс холода, управление, стратегия, туристический потенциал

**Для цитирования:** Болтунова Е.Е., Николаева В.Е., Тимофеева А.И., Романова О.Д. Развитие города Верхоянска как туристического центра Республики Саха (Якутия) в аспекте управления территориальным развитием // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 21 – 26.

Поступила в редакцию: 6 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Development of the city of Verkhoyansk as a tourist center of the Republic of Sakha (Yakutia) in the aspect of territorial development management***

<sup>1</sup> Boltunova E.E., <sup>1</sup> Nikolaeva V.E., <sup>1</sup> Timofeeva A.I., <sup>1</sup> Romanova O.D.,

<sup>1</sup> Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

**Abstract:** the article examines the potential of the city of Verkhoyansk as one of the promising tourist centers of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of the tasks of territorial development. Based on the analysis of strategic documents at the federal and regional levels, data from scientific publications and expert interviews, key barriers hindering the integration of Verkhoyansk into the regional tourism system are identified. The authors offer a set of management solutions aimed at overcoming logistical, infrastructural and marketing challenges, with an emphasis on the positioning of the unique brand "Poles of Cold" and the development of niche forms of tourism.

**Keywords:** Verkhoyansk, tourism, territorial development, Arctic zone, Republic of Sakha (Yakutia), Pole of cold, management, strategy, tourism potential

**For citation:** Boltunova E.E., Nikolaeva V.E., Timofeeva A.I., Romanova O.D. Development of the city of Verkhoyansk as a tourist center of the Republic of Sakha (Yakutia) in the aspect of territorial development management. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 21 – 26.

The article was submitted: September 6, 2025; Approved after reviewing: November 3, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### **Введение**

В современных экономических условиях, характеризующихся смещением фокуса на внутренний туризм и развитие арктических территорий, субъекты Российской Федерации активно ищут новые точки роста. Туризм, обладая значительным мультипликативным эффектом, рассматривается как один из ключевых инструментов пространственного развития и диверсификации экономики удаленных регионов. Республика Саха (Якутия), обладая уникальным природным и культурным наследием, делает ставку на развитие туристической отрасли, что закреплено в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» [3] и соответствующей Стратегии развития туризма в регионе до 2030 года [5].

Особое место в этом процессе занимают арктические районы республики, потенциал которых до сих пор раскрыт не в полной мере. Город Верхоянск, обладающий статусом одного из «Полюсов холода» [5], представляет собой яркий пример территории с высоким, но нереализованным туристическим потенциалом. Актуальность данного исследования обусловлена наличием очевидного диссонанса между уникальным брендом Верхоянска и его слабой интегрированностью в реальную туристическую инфраструктуру региона. Возникает закономерный вопрос: каков механизм, который должен быть запущен, чтобы Верхоянск реально превратился в один из конкурентоспособных туристических центров Якутии?

Целью исследования является анализ существующей предпосылки и выявление барьеров развития туризма в Верхоянске и предложить комплекс мер в области управления территориальным развитием для реализации его потенциала.

### **Материалы и методы исследований**

Интерес научного сообщества к туристическому развитию Арктики и Якутии является достаточно высоким. За период с 2020 по 2025 год в научной электронной библиотеке eLibrary.ru было опубликовано более 10,5 тысяч публикаций по теме туризма. В рамках данного массива непосредственно Верхоянску и Верхоянскому району посвящен ряд значимых исследований, вышедших в последние годы. Среди них работы по когнитивному картированию северных городов [11], анализу привлекательности арктического туризма [1], исследованию туристского потенциала Верхоянска [9], а также изучению малых городов России [2] и развитию событийного туризма в Арктике [6].

На федеральном уровне стратегические ориентиры задают Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года [4] и национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [3]. В них развитие туризма рассматривается как инструмент снижения межтерриториальной дифференциации, реализация рекреационного потенциала и обеспечение транспортной доступности. Для Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны туризм назван одним из основных направлений развития [4].

На региональном уровне эти установки конкретизированы в Стратегии развития туризма в Республике Саха (Якутия) до 2030 года. В документе Верхоянский район четко идентифицирован как одна из ключевых точек роста, с акцентом на такие уникальные активы, как священные горы Кисилых, термокарстовый провал Батагайка и, прежде всего, статус Верхоянска как «Полюса холода» [5]. Таким образом, на нормативно-стратегическом уровне Верхоянск уже признан перспективным географическим объектом. Задача управления заключается в переводе этого формального статуса на практике.

### **Результаты и обсуждения**

Несмотря на сформированный на стратегическом и научном уровнях благоприятный контекст, эмпирические данные свидетельствуют о наличии структурных ограничений, препятствующих интеграции Верхоянска в региональную туристско-рекреационную систему. Проведенный анализ позволяет выявить три взаимосвязанные группы проблем.

Во-первых, проведенный опрос ведущих туроператоров Якутии («Wild\_yakutia», «inYakutia», «yakutiatrapp» и др.) показал, что лишь около 6,4% из них включают Верхоянск в свои туристические пакеты. Ключевая причина – экстремально сложная и дорогая логистика. Как следствие, стоимость тура для индивидуального туриста может достигать 250 000 рублей без учета проезда, что делает его продуктом для крайне узкой, «элитарной» аудитории и исключает массовый въездной и даже внутренний туризм.

Во-вторых, Верхоянск является одним из носителей бренда «Полюса холода», и в отличие от Оймякона, который активно развивает эту тему, Верхоянск проигрывает в конкурентной борьбе за туриста. В этих условиях прямая конкурентная борьба за статус «самого холодного места» представляется малоперспективной, актуализируя задачу поиска уникальной рыночной ниши в рамках существующего бренда.

В-третьих, фундаментальным барьером является критическое состояние базовой инфраструктуры, которое в основном характеризуется изношенными коммунальными системами. В 2022 году Верхоянск был серьезно затронут наводнением из-за прорыва дамбы. Это событие привело к временной эвакуации части населения и значительным повреждениям жилых и административных зданий, особенно в центре города Верхоянска, а также подчеркнуло уязвимость инженерной инфраструктуры, которая не была готова к такой экстремальной ситуации.

Ядром культурной и административной жизни города является его центральная площадь, где расположены основные объекты туристического интереса, музей, исторические здания XIX века постройки, и большое количество памятников. К примеру, в Верхоянске имеется один из уникальных музеев России - музей вечной мерзлоты «Полюс холода», где можно узнать о природе вечной мерзлоты, геологии и климате Северной Якутии. Важным местом как для местных жителей, так и для туристов, являются священные горы Кисилых с антропоморфными скальными образованиями. Туристам также предлагаются организованные путешествия, которые включают в себя наблюдение за дикой природой, походы, рыбалка на ручье и знакомство с традициями местных жителей.

Для верификации выявленных проблем и поиска путей их решения мы обратились к мнению трех экспертов. Первый эксперт – Александр Прокопьевич Андросов, начальник отдела по внешним связям и делам народов Окружной администрации города Якутска, который заинтересован в развитии партнерских отношений с Верхоянском в сфере внешних связей и развития туризма. Второй эксперт – опытный туроператор, одна из первых, кто начал организовывать для туристов знакомство с северным городом, Полюсом холода – Верхоянском. Третий эксперт – Марк Геллерштейн, студент Уральского государственного университета, участник всероссийской экспедиции «Открываем Россию заново» в составе команды «Путешествие на Полюс Холода, или, Здравствуй, Верхоянск» [8].

Анализ интервью А. П. Андросовым с начальником отдела по внешним связям и делам народов Окружной администрации города Якутска Александром Прокопьевичем Андросовым позволяет выделить ключевые тезисы, формирующие комплексное видение развития территории.

С точки зрения эксперта, уникальность Верхоянска носит комплексный характер и проистекает из симбиоза природных условий и человеческого капитала. «Если говорить об уникальности Верхоянска, то для меня она заключается в сочетании суровой северной природы и удивительной стойкости людей, которые там живут. Это место с сильным характером»

Важнейшим элементом этой идентичности выступает культурное наследие. Эксперт указывает на его материальные и нематериальные формы: «устные традиции, язык, народные ремесла, старинные постройки и музейные коллекции», отмечая, что все это «создает основу местной идентичности и требует бережного отношения». Ключевым условием его сохранения и трансляции, по мнению А.П. Андросова, является активное вовлечение местного сообщества. «Передать уникальность Верхоянска будущим поколениям можно только через живое общение и вовлечение людей... Главное – чтобы сами жители участвовали в этом процессе и чувствовали себя хранителями своей культуры». В качестве инструментов такой работы он предлагает «документальные проекты, фестивали, экспедиции, образовательные программы».

Экспертный анализ проблематики полностью согласуется с выводами, полученными в ходе исследования. А.П. Андросов констатирует: «Среди вызовов, с которыми сталкивается Верхоянск, я бы отметил ограниченную транспортную доступность, высокие затраты на снабжение и энергетику, а также необходимость обновления социальной инфраструктуры». При этом он видит в этих вызовах потенциал для развития нишевых направлений, таких как «развитие туризма, ремёсел и локальных инициатив».

Наиболее перспективным проектом эксперт считает «развитие экотуризма и экстремального туризма в Верхоянском районе», аргументируя это наличием «уникальной природы, чистоты, тишины, возможности испытать себя и прикоснуться к первозданному Северу». Реализация такого проекта, по его мнению, позволит достичь синергетического эффекта: «привлечь путешественников, создать новые рабочие места и при этом сохранить природный баланс региона».

В заключение А.П. Андросов подчеркивает необходимость комплексного подхода к управлению развитием, предполагающего скоординированные действия на трех уровнях: «На государственном уровне – поддерживать северные территории через программы развития и инфраструктуры. На региональном – развивать транспорт, энергетику, социальные объекты. А на местном – сохранять культурную самобытность и вовлекать людей в развитие своего города».

Второй эксперт, Л.Н. Попова, отметила, что за последние два года наблюдается рост развития туризма в городе. Так, появилась база для размещения до 12 туристов и два индивидуальных предпринимателя, ведущих туристическую деятельность. Количество туристов увеличивается из года в год: за 9 месяцев 2025

года Верхоянск посетили 40 туристов, в том числе иностранные. Например, турист из Германии приезжал с научной целью – изучить особенности поведения почв в условиях вечной мерзлоты. Также приезжали журналисты с телевидения Кувейта, чтобы снять фильм о двух Полюсах Холода – Верхоянске и Оймяконе. По реке Яна совершил сплав турист-экстремал, который спустился к морю Лаптевых. Кроме того, работала научная экспедиция, члены которой проводили разноплановые исследования на территории Верхоянска и прилегающих земель.

Лариса Николаевна также подчеркнула, что туристы часто выбирают для посещения зимний сезон, чтобы ощутить настоящий Полюс Холода. Наиболее популярными локациями являются поездки на буранах к термокарстовому провалу «Батагайка», сплавы по реке Яна, рыбалка на ручьях и научные наблюдения. В среднем за 4 дня пребывания в Верхоянске один турист тратит примерно 70 тысяч рублей на проживание и питание.

Известный туроператор Л.Н. Попова совместно с администрацией города Верхоянска в этом году выиграла грант от действующей на территории Верхоянского района добывающей компании АО «Полиметалл» на сумму 1 300 тысяч рублей. Средства направлены на восстановление здания купца А.Н. Шишлянникова, жившего в Верхоянске в XIX – начале XX века. Восстановление этого здания станет началом реконструкции других строений конца XIX – начала XX веков, расположенных в центре Верхоянска.

Будучи опытным туроператором, Л.Н. Попова выделяет следующие основные проблемы для развития туризма в Верхоянске: дорогой проезд, отсутствие кафе и мест для размещения больших групп туристов.

Далее проведенный анализ интервью с участником экспедиции Марка Геллерштейна позволяет выявить ключевые позиции относительно развития Верхоянска. Эксперт прямо указывает, что Верхоянск уникален как «известный мировой бренд самого холодного города мира». Его личные ассоциации включают образ мамонта, якутскую национальную чашу – чороон, верхоянскую породу лошадей, северное сияние и термометр как символ города. Также он подчеркивает ценность сложившегося архитектурного ландшафта, отмечая, что двухэтажные деревянные дома создают характерный облик города, а к элементам наследия относит условный центр Верхоянска с зданием почты и соседними историческими постройками.

Марк Олегович считает, что уникальность Верхоянска можно передать через «вау-эффект», предлагая конкретный механизм: приглашение популярных блогеров для съемок видео о жизни в самом холодном городе мира. Он уверен, что это повысит известность города, привлечет внимание международных СМИ и телеканалов. Дополнительно он предлагает использовать Верхоянск как полигон для тестирования различного оборудования и технологий в экстремальных зимних условиях.

Среди острых вызовов эксперт выделяет проблему проведения интернета, недостаток рабочих мест и сложности с реализацией молодежи. Главной проблемой он видит отсутствие позитивной перспективы, отмечая, что у жителей нет образа будущего развития города, что не способствует привлечению и удержанию молодежи.

Для образовательной сферы Марк Геллерштейн предлагает создать филиал колледжа или университета с гибридным форматом обучения, что откроет возможности для получения образования без необходимости переезда. В качестве личного проекта он рассматривает организацию глэмпинга со стеклянными крышами для наблюдения за полярным сиянием. Со стороны государства он считает необходимым предоставление статуса опорного населенного пункта, создание образовательных филиалов и разработку целевых программ грантовой поддержки локальных проектов.

Таким образом, позиция участника экспедиции четко определяет Верхоянск как территорию, чье развитие зависит от комплексного решения инфраструктурных проблем и стратегического продвижения его уникального статуса через современные коммуникационные каналы и целевые программы поддержки.

На основе проведенного исследования можно заключить, что Верхоянск стоит на пороге значительных преобразований, обладая всеми необходимыми предпосылками для превращения в конкурентоспособный туристический центр.

Проведенный анализ выявил комплекс структурных ограничений, ключевым из которых является экстремальная логистика, делающая туризм элитарным и сдерживающая его массовое развитие. Прямая конкуренция с Оймяконом за статус «самого холодного места» представляется малоперспективной, что актуализирует поиск уникальной рыночной ниши. Фундаментальной проблемой остается критическое состояние инфраструктуры, продемонстрировавшее свою уязвимость во время наводнения 2022 года.

Мнения экспертов сходятся в том, что успех возможен лишь при комплексном подходе, сочетающем усилия на государственном, региональном и местном уровнях. Перспективы видятся в развитии нишевых форм туризма – экологического, научного и экстремального, которые используют уникальные активы территории: суровую природу, аутентичный культурный ландшафт и научные объекты. Крайне важным усло-



вием является активное вовлечение местного сообщества, которое должно чувствовать себя хранителем культурного наследия.

### Выводы

Таким образом, реализация туристического потенциала Верхоянска требует не просто точечных улучшений, а целостной стратегии, направленной на создание современной инфраструктуры, развитие уникального туристического продукта и формирование привлекательного образа территории, способного заинтересовать как путешественников, так и инвесторов. Только такой путь позволит Верхоянску стать драйвером устойчивого развития этой арктической территории.

### Список источников

1. Винокурова М.А. Привлекательность арктического туризма на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2023. № 3. С. 68 – 79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56574101> (дата обращения: 11.08.2025)
2. Катровский А.П. Мельчайшие города в туристско-рекреационном пространстве России [Электронный ресурс] // Региональные исследования. 2024. № 2. С. 98 – 107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82608548> (дата обращения: 05.08.2025)
3. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»: утв. Правительством Российской Федерации 26 окт. 2022 г. № 2251-р [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210260016> (дата обращения: 12.08.2025)
4. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февр. 2019 г. № 207-р (ред. от 28.09.2023) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAQCZ9uI.pdf> (дата обращения: 07.08.2025)
5. Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Саха (Якутия) на период до 2030 года : распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 20 февр. 2025 г. № 111-р [Электронный ресурс]. URL: [https://yakutiakmns.ru/strategy\\_tourism\\_2030](https://yakutiakmns.ru/strategy_tourism_2030) (дата обращения: 07.08.2025)
6. Петров Г.И., Слепцов Л.В. Развитие событийного туризма в Арктических районах Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Арктика: экология и экономика. 2024. № 1. С. 145 – 158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=70852923> (дата обращения: 07.08.2025)
7. Потапова М.Х. Арктический туризм. Горы Кисилых Верхоянского района Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Проблемы региональной экологии. 2024. № 2. С. 112 – 118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72591426> (дата обращения: 12.08.2025)
8. Романова О.Д., Барашкова К.Д. Результаты всероссийской экспедиции "Путешествие на полюс холода, или, Здравствуй, Верхоянск" [Электронный ресурс] // География и туризм: сб. науч. ст. М., 2024. С. 45 – 53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75076777> (дата обращения: 04.08.2025)
9. Слепцова Е.М. Исследование туристского потенциала Верхоянска [Электронный ресурс] // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024. Т. 18. № 1. С. 76 – 85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82593189> (дата обращения: 09.08.2025)
10. Тотонова Е.Е., Атакова С.Г. Существующие и перспективные туристские маршруты в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 203 – 210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43082548> (дата обращения: 06.08.2025)
11. Хохолова И.С., Филиппова В.В. Когнитивное картирование северных городов для развития туризма на примере г. Верхоянск и г. Среднеколымск [Электронный ресурс] // Сервис plus. 2022. Т. 16. № 4. С. 61 – 74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49528197> (дата обращения: 08.08.2025)

### References

1. Vinokurova M.A. Attractiveness of Arctic tourism on the territory of the Verkhoyansk region of the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource]. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. 2023. No. 3. P. 68 – 79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56574101> (access date: 08/11/2025)
2. Katrovsky A.P. The smallest cities in the tourist and recreational space of Russia [Electronic resource]. Regional studies. 2024. No. 2. P. 98 – 107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82608548> (date of access: 05.08.2025)

3. National Project "Tourism and Hospitality Industry": approved by the Government of the Russian Federation on October 26, 2022, No. 2251-r [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210260016> (date of access: 08.12.2025)
4. On approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036: Order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019, No. 207-r (as amended on September 28, 2023) [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAQCZ9uI.pdf> (date of access: 08.07.2025)
5. On approval of the Strategy for the development of tourism in the Republic of Sakha (Yakutia) for the period until 2030: order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated February 20, 2025 No. 111-r [Electronic resource]. URL: [https://yakutiakmns.ru/strategy\\_tourism\\_2030](https://yakutiakmns.ru/strategy_tourism_2030) (date of access: 08.07.2025)
6. Petrov G.I., Sleptsov L.V. Development of event tourism in the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource]. Arctic: ecology and economics. 2024. No. 1. P. 145 – 158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=70852923> (date of access: 08.07.2025)
7. Potapova M.Kh. Arctic tourism. Kisilyakh Mountains of the Verkhoyansk region of the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource]. Problems of regional ecology. 2024. No. 2. P. 112 – 118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72591426> (date of access: 08.12.2025)
8. Romanova O.D., Barashkova K.D. Results of the All-Russian expedition "Journey to the Pole of Cold, or, Hello, Verkhoyansk" [Electronic resource]. Geography and tourism: Coll. sci. Art. Moscow, 2024. Pp. 45–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75076777> (date of access: 04.08.2025)
9. Sleptsova E.M. Study of the tourist potential of Verkhoyansk [Electronic resource]. Modern problems of service and tourism. 2024. Vol. 18. No. 1. Pp. 76–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82593189> (date of access: 09.08.2025)
10. Totonova E.E., Atakova S.G. Existing and prospective tourist routes in the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource]. Tourism and recreation: fundamental and applied research: proc. Int. scientific-practical. conf. St. Petersburg, 2020. P. 203 – 210. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43082548> (date of access: 06.08.2025)
11. Khokholova I.S., Filippova V.V. Cognitive mapping of northern cities for tourism development: the example of Verkhoyansk and Srednekolymsk [Electronic resource]. Service plus. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 61 – 74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49528197> (date of access: 08.08.2025)

### Информация об авторах

Болтунова Е.Е., Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

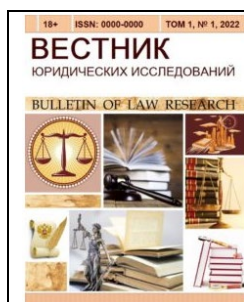
Николаева В.Е., Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Тимофеева А.И., Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Романова О.Д., кандидат социологических наук, доцент, Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

© Болтунова Е.Е., Николаева В.Е., Тимофеева А.И., Романова О.Д., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 352/354

### ***Стратегическое планирование городского развития: политические и правовые аспекты***

<sup>1</sup> Ибрагимов М.А., <sup>1</sup> Магомедов Г.Б.,

<sup>1</sup> Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

**Аннотация:** в статье анализируются политические аспекты стратегического планирования городского развития в современных условиях. Рассматриваются институциональные механизмы формирования стратегий, роль различных факторов в процессе принятия решений, а также проблемы согласования интересов участников городской политики. Особое внимание уделяется вопросам легитимации стратегических решений через механизмы общественного участия. Авторы выявляют ключевые противоречия между технократическим и партиципаторным подходами к стратегическому планированию. На основе анализа практики разработки и реализации стратегий развития российских городов определяются факторы, влияющие на эффективность стратегического планирования в политическом контексте. Делается вывод о необходимости институционализации механизмов общественного участия на всех этапах стратегического цикла и формирования коалиций заинтересованных сторон для обеспечения преемственности стратегических решений.

**Ключевые слова:** стратегическое планирование, городское развитие, публичная политика, городское управление, общественное участие, политические факторы, стратегии развития территорий, институциональные механизмы

**Для цитирования:** Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б. Стратегическое планирование городского развития: политические и правовые аспекты // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 27 – 32.

Поступила в редакцию: 7 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Strategic planning of urban development: political and legal aspects***

<sup>1</sup> Ibragimov M.A., <sup>1</sup> Magomedov G.B.,

<sup>1</sup> North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

**Abstract:** the article analyzes political aspects of strategic planning of urban development in modern conditions. The institutional mechanisms of strategy formation, the role of various actors in decision-making process, and problems of coordinating interests of urban policy participants are examined. Special attention is paid to legitimization of strategic decisions through public participation mechanisms. The author identifies key contradictions between technocratic and participatory approaches to strategic planning. Based on analysis of practice of development and implementation of development strategies in Russian cities, factors influencing effectiveness of strategic planning in political context are determined. The conclusion is made about necessity of institutionalization of public participation mechanisms at all stages of strategic cycle and formation of coalitions of stakeholders to ensure continuity of strategic decisions.

**Keywords:** strategic planning, urban development, public policy, urban governance, public participation, political actors, territorial development strategies, institutional mechanisms

**For citation:** Ibragimov M.A., Magomedov G.B. Strategic planning of urban development: political and legal aspects. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 27 – 32.

The article was submitted: September 7, 2025; Approved after reviewing: November 4, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Стратегическое планирование городского развития представляет собой комплексный механизм формирования долгосрочных приоритетов территориального развития, требующий согласования интересов различных факторов – органов власти, бизнес-сообщества и гражданского общества. В условиях урбанизации и возрастающей конкуренции между городами за инвестиции и человеческие ресурсы эффективное стратегическое планирование становится критическим фактором устойчивого развития муниципальных образований. Политические аспекты стратегического планирования связаны с процессами принятия решений, распределением полномочий между уровнями власти, механизмами общественного участия и согласования конфликтующих интересов различных социальных групп. Правовые аспекты охватывают нормативное регулирование процедур разработки и реализации стратегий, разграничение компетенций, механизмы правовой ответственности и судебной защиты интересов участников планировочного процесса.

Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью совершенствования институциональных основ городского планирования, повышения его прозрачности и результативности, а также поиска баланса между административным регулированием и инициативами местного сообщества в формировании городской среды.

### Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, регулирующие процессы стратегического планирования (Федеральный закон № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации", Градостроительный кодекс РФ, законы субъектов РФ), стратегии социально-экономического развития крупных городов России, аналитические документы и экспертные заключения профильных министерств, научные публикации отечественных и зарубежных исследователей по вопросам городского планирования и управления.

Методологическую основу составил системный подход, позволяющий рассматривать стратегическое планирование как многоуровневую систему взаимодействия политических, правовых и управленческих институтов.

В работе использованы следующие методы исследования: сравнительно-правовой анализ законодательных актов и практики их применения в различных муниципальных образованиях; контент-анализ стратегических документов городского развития; институциональный анализ механизмов принятия решений и распределения полномочий; кейс-метод для изучения конкретных практик разработки и реализации городских стратегий; экспертные интервью с представителями органов власти, профессионального сообщества и общественных организаций.

Комплексное применение данных методов обеспечивает всесторонний анализ политико-правовых основ стратегического планирования городского развития.

### Результаты и обсуждения

Стратегическое планирование городского развития представляет собой сложный политический процесс, в котором взаимодействуют множество факторов с различными интересами и ресурсами влияния. В условиях усложнения городских систем и возрастания неопределенности внешней среды вопросы политической организации процесса стратегирования приобретают особую актуальность.

Формально стратегическое планирование выступает как рациональный технократический инструмент определения целей развития и путей их достижения. Однако реальная практика разработки и реализации стратегий демонстрирует их глубокую политическую природу [9]. Выбор приоритетов развития, распределение ресурсов, определение механизмов реализации – все эти решения являются результатом политических процессов согласования и конфликта интересов.

Стратегическое планирование в городском контексте может быть концептуализировано через призму различных теоретических подходов. Теория рационального выбора рассматривает стратегирование как процесс оптимизации решений на основе анализа альтернатив. Неинституциональный подход акцентиру-

ет внимание на роли формальных и неформальных институтов, структурирующих процесс принятия решений [10]. Концепция политических сетей позволяет анализировать взаимодействие множественных факторов в процессе формирования стратегий.

Теория коммуникативного планирования подчеркивает значимость диалога и совместного создания смыслов между участниками стратегического процесса. Каждый из этих подходов раскрывает определенные грани политической динамики стратегирования, однако комплексное понимание требует их интеграции.

Особое значение в структурировании политического процесса стратегического планирования имеет правовой аспект. Правовые нормы выполняют несколько ключевых функций в контексте разработки и реализации городских стратегий [2].

Во-первых, правовое регулирование определяет институциональную архитектуру процесса стратегирования: полномочия органов власти различных уровней, процедуры принятия решений, механизмы участия заинтересованных сторон. Федеральное законодательство (в частности, Федеральный закон № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации") устанавливает общую рамку, в то время как региональное и местное нормотворчество конкретизирует порядок разработки стратегических документов [1].

Во-вторых, правовые нормы обеспечивают легитимацию стратегических решений, придавая им обязательный характер и создавая основу для последующего контроля исполнения. Стратегия, закрепленная в правовом акте, получает формальный статус и встраивается в систему документов территориального планирования и программирования.

В-третьих, правовое регулирование создает механизмы согласования интересов различных акторов через установление процедур общественных слушаний, экспертизы, межведомственного взаимодействия. Это особенно важно в условиях множественности заинтересованных сторон – от органов власти различных уровней до бизнес-сообщества и гражданских организаций.

В-четвертых, правовые нормы определяют ресурсное обеспечение реализации стратегий, устанавливая связь между стратегическими целями и бюджетным процессом, механизмами государственно-частного партнерства, инвестиционной политикой.

Однако правовое регулирование само по себе является объектом политической борьбы. Различные группы интересов стремятся влиять на формирование нормативной базы стратегического планирования, закрепляя выгодные для себя процедуры и механизмы [4]. Кроме того, между формальными правовыми нормами и реальной практикой их применения нередко существует значительный разрыв, обусловленный неформальными институтами и политическими обстоятельствами [5].

Таким образом, стратегическое планирование городского развития представляет собой политико-правовой процесс, в котором правовые нормы не только структурируют взаимодействие участников, но и сами являются результатом политического согласования. Эффективность стратегирования во многом определяется тем, насколько правовое регулирование способно обеспечить баланс между рациональностью планирования, политической гибкостью и демократической легитимностью принимаемых решений [3].

В рамках теории городского режима стратегическое планирование интерпретируется как результат формирования коалиций между государственными и негосударственными факторами для достижения определенных целей развития. Данный подход особенно продуктивен для анализа российской практики, где формальные институты планирования нередко дополняются неформальными механизмами согласования интересов.

Критическая теория планирования обращает внимание на властные отношения и механизмы доминирования определенных групп в процессе стратегирования [10]. С этой точки зрения, стратегический план представляет собой не нейтральный технический документ, а результат политической борьбы и компромиссов между различными интересами.

Институциональная структура стратегического планирования в российских городах формируется на пересечении федерального законодательства, региональных нормативных актов и муниципальных решений. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» устанавливает общую рамку процесса, однако оставляет значительное пространство для вариативности на локальном уровне [1].

Ключевым институциональным противоречием выступает расхождение между формальной процедурой разработки стратегий и реальными механизмами принятия решений. Формально документы стратегического планирования разрабатываются с привлечением общественности, проходят публичные обсуждения и утверждаются представительными органами. На практике значительная часть ключевых решений принима-

ется в рамках закрытых переговоров между административной элитой, бизнес-группами и региональной властью.

Институциональная фрагментация проявляется в слабой координации между различными документами стратегического планирования. Стратегия социально-экономического развития города, генеральный план, муниципальные программы, стратегия пространственного развития региона нередко содержат несогласованные или противоречивые положения. Это создает проблему множественности целей и приоритетов, снижающую эффективность стратегического управления.

Институциональная память представляет собой отдельную проблему [7]. Смена политического руководства часто влечет пересмотр стратегических приоритетов, что нарушает преемственность развития. Отсутствие механизмов институционализации достигнутых договоренностей приводит к нестабильности стратегических ориентиров.

Ключевой политической задачей в процессе стратегического планирования выступает согласование разнонаправленных интересов участников [11]. Различные факторы имеют несовпадающие представления о желаемом будущем города, приоритетных направлениях развития, распределении выгод и издержек [8].

Формальные механизмы согласования включают: Публичные слушания и общественные обсуждения, предусмотренные законодательством. Эффективность этого механизма ограничена формализованностью процедур, недостаточной информированностью граждан, отсутствием обязательности учета высказанных замечаний. Работа рабочих групп и комиссий по разработке стратегии с участием представителей различных заинтересованных сторон. Результативность зависит от реального влияния этих структур на принятие решений и от баланса представленных в них интересов. Согласование проектов документов с различными органами власти и организациями. Этот механизм обеспечивает учет позиций институциональных факторов, но не гарантирует вовлечения граждан и гражданского общества. Экспертиза стратегических документов специализированными организациями. Позволяет оценить качество и обоснованность стратегических решений, но не решает проблему легитимности в глазах населения [6].

Неформальные механизмы играют существенную роль в российской практике: Закрытые переговоры между ключевыми факторами (администрация, крупный бизнес, региональная власть) позволяют достигать договоренностей, которые затем оформляются в виде стратегических документов. Кризис легитимности усугубляется разрывом между декларируемыми в стратегиях целями и реальной политикой властей [7]. Когда практические решения противоречат заявленным стратегическим приоритетам, это разрушает доверие к институту стратегического планирования в целом.

Фундаментальное противоречие в организации процесса стратегического планирования связано с противопоставлением технократической и партиципаторной моделей.

Политическая воля руководства является необходимым условием реализации стратегии. Без последовательной поддержки со стороны главы города и ключевых должностных лиц стратегия остается формальным документом. Проблема заключается в том, что политические стимулы часто направлены на достижение краткосрочных видимых результатов, тогда как стратегические проекты требуют длительной работы.

Преемственность политического курса критична для долгосрочных стратегий. Смена политического руководства не должна автоматически влечь отказ от принятых стратегических решений. Институционализация стратегии через закрепление в нормативных документах, формирование широкой коалиции поддержки, встраивание в бюджетный процесс повышает устойчивость к политическим изменениям.

Гибкость стратегии необходима для адаптации к изменяющимся условиям. Излишняя жесткость целей и механизмов приводит к разрыву между стратегией и реальностью. Политическая задача заключается в том, чтобы обеспечить баланс между устойчивостью стратегических приоритетов и способностью реагировать на новые вызовы.

Ресурсное обеспечение стратегии является предметом политической борьбы в бюджетном процессе. Конкуренция за ограниченные финансовые ресурсы между различными направлениями требует политических решений о приоритетах. Отсутствие связи между стратегией и бюджетом превращает стратегическое планирование в формальное упражнение.

### Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современная система стратегического планирования городского развития в России находится на стадии институционального становления. Правовая база, сформированная Федеральным законом №172-ФЗ «О стратегическом планировании», создала необходимые формальные рамки, однако практика реализации выявляет существенные противоречия между декларируемыми принципами и реальными механизмами принятия решений.

Политический аспект стратегического планирования характеризуется доминированием вертикали исполнительной власти при формальном характере общественного участия. Разрыв между уровнями стратегического планирования препятствует согласованности документов и эффективной реализации стратегических целей.

Правовое регулирование отличается избыточной процедурной сложностью при недостаточной проработке механизмов ответственности за недостижение стратегических целей. Отсутствие действенных инструментов обеспечения преемственности стратегий при смене политического руководства снижает их практическую значимость.

Для совершенствования системы стратегического планирования городского развития целесообразно законодательное закрепление обязательного общественного обсуждения проектов стратегий с установлением минимального срока публичного рассмотрения и требованием к аргументированному учету поступивших предложений.

Необходимо развитие института стратегической экологической оценки документов территориального планирования с обязательным участием независимых экспертов и представителей гражданского общества.

Требуется разработка механизма политико-правовой ответственности органов власти за систематическое невыполнение показателей стратегий развития, включая возможность досрочного пересмотра документов при существенном отклонении от заявленных целевых индикаторов.

Представляется важным создание специализированных координационных структур для обеспечения согласованности стратегий различных уровней и межмуниципального взаимодействия в рамках городских агломераций.

Повышение эффективности стратегического планирования требует: институционализации механизмов общественного участия и общественного контроля, формирования широких коалиций поддержки стратегических решений, обеспечения преемственности стратегий при смене политического руководства, интеграции стратегического планирования в бюджетный процесс, развития институтов горизонтальной и вертикальной координации.

#### Список источников

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378. [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп.) [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р) [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
4. Бабун Р.В. Стратегическое планирование развития муниципального образования: методология, организация, практика // Муниципальная власть. 2020. № 2. С. 42 – 45.
5. Бабун Р.В. Организация местного самоуправления: учебное пособие. Санкт-Петербург: Питер, 2015. 336 с.
6. Высоковский А.А., Анимца Е.Г. Стратегическое планирование развития городов России: методология и организация // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 3. С. 76 – 89.
7. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. Москва: Юрайт, 2019. 598 с.
8. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. Москва: URSS, 2012. С. 23.
9. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента. СПб.: Питер, 2000. С.45.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 28.
11. Швецов А.Н. Систематизация инструментов территориального развития: концептуальный аспект // Регион: экономика и социология. 2019. № 2. С. 28 – 47.

### References

1. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378. [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
2. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation" (as amended and supplemented) [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
3. Spatial Development Strategy of the Russian Federation through 2025 (approved by RF Government Order of 13.02.2019 No. 207-r) [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/)
4. Babun R.V. Strategic Planning for the Development of a Municipality: Methodology, Organization, Practice. Municipal Power. 2020. No. 2. P. 42 – 45.
5. Babun R.V. Organization of Local Self-Government: A Study Guide. St. Petersburg: Piter, 2015. 336 p.
6. Vysokovsky A.A., Animitsa E.G. Strategic Planning for the Development of Russian Cities: Methodology and Organization. Bulletin of the Ural State University of Economics. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 76 – 89.
7. Velikhov L.A. Fundamentals of Urban Economy. General Theory of the City, Its Management, Finances, and Economic Methods. Moscow: Yurait, 2019. 598 p.
8. Leksin V.N., Shvetsov A.N. The State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development. Moscow: URSS, 2012. P. 23.
9. Mintzberg G., Ahlstrand B., Lampel J. Schools of Strategy. Strategic Safari: An Excursion Through the Wilds of Management Strategies. St. Petersburg: Piter, 2000. P. 45.
10. North D. Institutions, Institutional Changes, and the Functioning of the Economy. Moscow: Economic Book Foundation "Nachala," 1997. P. 28.
11. Shvetsov A.N. Systematization of Territorial Development Instruments: A Conceptual Aspect. Region: Economics and Sociology. 2019. No. 2. P. 28 – 47.

### Информация об авторах

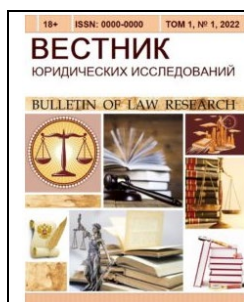
Ибрагимов М.А., кандидат политических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б., 2025

---





Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.212

### ***Федеральный проект «Профессионалитет», как элемент государственной политики в области развития системы профессионального образования (на примере ЯНАО)***

<sup>1</sup> Пинчук Ю.С.,

<sup>1</sup> Ямальский многопрофильный колледж

**Аннотация:** одной из современных важных проблем, требующей политического решения, выступает повышение результативности системы образования, в том числе в повышении качества образования и обеспечении рынка труда профессиональными кадрами. Проблема является комплексной и предполагает, в частности мероприятия, направленные на развитие системы профессионального образования в регионах России. Федеральный проект «Профессионалитет» представляет собой важный элемент государственной политики в области развития системы профессионального образования, направленный на удовлетворение текущих и будущих потребностей рынка труда в высококлассных специалистах. Цель статьи – проанализировать особенности внедрения проекта «Профессионалитет» в ЯНАО как примера адаптации федеральной образовательной политики к арктическим реалиям и оценить его влияние на трансформацию системы СПО. В статье проведен комплексный анализ реализации федерального проекта «Профессионалитет» в системе профессионального образования Ямало-Ненецкого автономного округа. Исследованы механизмы интеграции образовательных организаций с предприятиями реального сектора экономики, проанализированы показатели эффективности созданных образовательно-производственных кластеров. Особое внимание уделено нормативно-правовому обеспечению проекта, кадровым и инфраструктурным преобразованиям, а также оценке достижения целевых показателей в контексте решения задач регионального развития. Дальнейшее совершенствование реализации проекта «Профессионалитет» требует разработки конкретных мер по повышению заинтересованности учащихся и работодателей, расширения перечня профилей подготовки и внедрения цифровых инструментов оценки компетенций.

**Ключевые слова:** профессиональное образование, федеральный проект «Профессионалитет», региональная экономика, государственная образовательная политика

**Для цитирования:** Пинчук Ю.С. Федеральный проект «Профессионалитет», как элемент государственной политики в области развития системы профессионального образования (на примере ЯНАО) // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 33 – 39.

Поступила в редакцию: 10 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

***The federal project "Professionalism" as an element of state policy for the development of the vocational education system (using the example of the YNAO)***

<sup>1</sup> Pinchuk Yu.S.,

<sup>1</sup> Yamal Multidisciplinary College

**Abstract:** improving the effectiveness of the education system, including improving the quality of education and providing the labor market with qualified personnel, is a pressing contemporary issue requiring a political solution. This problem is complex and requires, in particular, measures aimed at developing the vocational education system in Russia's regions. The federal project "Professionalism" represents an important element of state policy for the development of the vocational education system, aimed at meeting the current and future needs of the labor market for highly qualified specialists. The purpose of this article is to analyze the implementation of the "Professionalism" project in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug as an example of adapting federal educational policy to Arctic realities and to assess its impact on the transformation of the vocational education system. This article provides a comprehensive analysis of the implementation of the federal "Professionalism" project in the vocational education system of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The mechanisms for integrating educational institutions with enterprises in the real sector of the economy are examined, and the performance indicators of the created educational and industrial clusters are analyzed. Particular attention is paid to the project's regulatory framework, personnel and infrastructure reforms, and the assessment of target achievement in the context of addressing regional development challenges. Further improvement of the "Professionalism" project requires the development of specific measures to increase student and employer engagement, expand the range of training profiles, and implement digital competency assessment tools.

**Keywords:** vocational education, federal "Professionalism" project, regional economy, state educational policy

**For citation:** Pinchuk Yu.S. The federal project "professionalism" as an element of state policy for the development of the vocational education system (using the example of the YNAO). Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 33 – 39.

The article was submitted: September 10, 2025; Approved after reviewing: November 8, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### **Введение**

Развитие системы профессионального образования выступает одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. В настоящее время перед государством и обществом стоит важная задача повышения результативности системы образования, результатом которой с одной стороны должно стать повышение качества самого образования, а с другой – востребованность профильных специалистов, выпускаемых образовательными учреждениями, на рынке труда. Наиболее актуальна данная ситуация для учреждений среднего профессионального образования, готовящих специалистов в прикладных сферах. Одним из направлений государственной политики в сфере образования выступает реализация Федерального проекта «Профессионалитет», который выступает флагманской инициативой в сфере СПО до 2030 года, и предполагает выстраивание новой модели взаимодействия образования и реального сектора экономики.

Современный рынок труда предъявляет высокие требования к квалификации работников, особенно в условиях цифровизации экономики и перехода к инновационным технологиям. Федеральная программа направлена на обеспечение подготовки квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями для успешного трудоустройства и карьерного роста. Основой проекта стало создание образовательно-производственных кластеров, объединяющих колледжи с ведущими предприятиями регионов. Данное партнерство взаимовыгодно: компании активно участвуют в управлении и формировании учебных программ, что гарантирует подготовку кадров под конкретные нужды, а образовательные учреждения, в свою очередь, интегрируют в процесс современные технологии и значительно укрепляют материальную базу. В кластере выделяется колледж, модернизируемый под ключ. В этом колледже при непосредственном участии опорного работодателя формируются управленческая структура, педагогический состав, разрабатываются новое содержание и структура образовательных программ, создаются учебно-производственные комплексы [1].

На площадках XXVI Петербургского международного экономического форума, проходившего в 2023 году, было озвучено, что общий объем средств федерального бюджета, в рамках федерального проекта «Профессионалитет», направляемых в учреждения среднего профессионального образования в целях подготовки кадров под конкретный заказ работодателей, к концу 2023 года составил порядка 21,2 миллиарда рублей, около 3,5 миллиарда из которых – это финансирование со стороны бизнеса. Исходя из этого, федеральная программа «Профессионалитет» задает новый вектор в развитии среднего профессионального образования, а также, является современной и эффективной площадкой для подготовки новых высококвалифицированных и компетентных кадров для экономики региона [2].

Целью данного исследования выступает изучение потенциала предполагающихся мероприятий и нововведений в рамках реализации Федерального проекта «Профессионалитет» и перспектив его применения для развития профессиональной образовательной системы России.

### **Материалы и методы исследований**

Исследование проводилось на основании анализа нормативно-правовых документов, регламентирующих реализацию Федерального проекта «Профессионалитет», а также публикаций отечественных ученых и экспертов в сфере профессионального образования. Анализ нормативно-правовых документов включает изучение содержания проекта «Профессионалитет» [3], а также Стратегию социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года [4] и Стратегию развития образования до 2036 года с перспективой до 2040 года [5]. Также проведенное исследование основывается на анализе опубликованной литературы, включающем оценку существующих исследований и научных статей, посвященных проблемам и перспективам реализации Федеральной программы «Профессионалитет».

В целом в исследовании был использован комплексный подход, сочетающий методы системного анализа и сравнительного правового анализа. Такая методологическая стратегия позволила всесторонне рассмотреть Федеральный проект «Профессионалитет» не только как административно-правовой механизм, но и как социально-экономический инструмент модернизации среднего профессионального образования (СПО) в контексте национальных приоритетов развития.

Научные исследования посвящены социально-экономическим [6, 7], политико-правовым [8] и педагогическим [9, 10, 11] аспектам реализации проекта «Профессионалитет». В целом исследователями наряду с положительными моментами реализации данного проекта отмечаются также трудности в достижении, которые нередко различаются в зависимости от региона. Данное исследование призвано показать региональные особенности реализации проекта «Профессионалитет» в Ямало-Ненецком Автономном округе

### **Результаты и обсуждения**

Прежде чем перейти к реализации проекта в региональных условиях, следует рассмотреть выделить ряд особенностей развития Ямало-Ненецкого Автономного округа. Согласно стратегии развития региона, выделяются четыре ключевых вызова для экономики в целом и для сферы образования в частности [4]:

1. Ориентация подготовки кадров на сервис ТЭК (спрос на выпускников ямальских колледжей падает в большом ТЭК, при этом растущий спрос со стороны сервиса ТЭК требует нового формата сотрудничества).

2. В регионе намечается строительство большого туристского комплекса на горе Рай-Из. Данный комплекс станет основой туристского кластера региона и его ключевым работодателем.

3. Запрос на соответствие инфраструктуры численности потенциальных абитуриентов (пик выпускников 9 классов придется на 2030 год, при этом наибольшее количество учебных мест СПО будет достигнуто только к 2035 году).

4. Кадровый голод в системе СПО (востребованность в реальном секторе экономики, высокая педагогическая нагрузка (1,6), низкая степень участия в преподавании представителей от компаний).

В свою очередь, согласно Стратегии развития образования до 2036 года с перспективой до 2040 года со стороны государства перед образованием в стране стоят следующие вызовы [5]:

1. Разрыв между потребностями рынка труда и наличием квалифицированных кадров
2. Зависимость показателей развития образования от демографической ямы
3. Разобщенность общественных групп
4. Необходимость обеспечения научно-технологического и производственного суверенитета
5. Цифровой скачок и масштабная цифровизация жизни
6. Экономико-административные барьеры: региональные диспропорции в оплате труда педагогов, бюрократизация образовательного процесса
7. Внешнее идеологическое давление на всех участников общества, необходимость усиления роли воспитания

8. Необходимость формирования отечественной системы образования как основы «мягкой» дипломатии России

9. Необходимость усиления мер по обеспечению безопасных условий организации образовательного процесса

10. Перекося социокультурной среды, объективные трудности в формировании образовательных траекторий и психологического благополучия.

В качестве ключевых механизмов решения задач, стоящих перед СПО для реальных нужд, выступают федеральные проекты: «Профессионалитет» (создание образовательно-производственных кластеров); «Молодежь и дети» (модернизация содержания образования) и «Кадры» (маршрутизация «школа-СПО-работодатель»).

В контексте развития СПО Ямало-Ненецкого автономного округа реализация ФП «Профессионалитет» призвана:

- создать эффективные механизмы взаимодействия образования и бизнеса,
- обеспечить практико-ориентированную подготовку специалистов,
- повысить качество образовательных программ за счет привлечения работодателей,
- увеличить уровень трудоустройства выпускников по приоритетным профессиям.

Такие задачи продиктованы необходимостью решения стратегической цели – обеспечения экономики Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) квалифицированными кадрами в условиях трансформации регионального рынка труда. Демографические прогнозы указывают на увеличение численности выпускников 9-х классов, выбирающих СПО, с 3 700 до 4 900 человек к 2030 году [4]. При этом наблюдается изменение потребностей экономики: снижение спроса на выпускников со стороны крупных предприятий ТЭК компенсируется растущей потребностью в кадрах для сервисных компаний, обслуживающих топливно-энергетический комплекс.

Идея проекта «Профессионалитет», как и сам термин, появилась на этапе обсуждения практического опыта взаимодействия учреждений СПО и предприятий-работодателей в сфере подготовки квалифицированных кадров. Именно на этом этапе остро осознается проблема дефицита квалифицированной рабочей силы, прежде всего в системных для отечественной экономики отраслях (железнодорожной, нефтегазовой, фармацевтической, горнодобывающей, машиностроительной, легкой и атомной промышленности, металлургии и сельском хозяйстве, химической отрасли), а также формируется понимание механизма решения этой проблемы [1].

Сегодня на базе 4 колледжей региона: ГБПОУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямальский многопрофильный колледж» (базовая организация), ГБПОУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Ноябрьский колледж профессиональных и информационных технологий», ГПОУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Надымский профессиональный колледж» и ГПОУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Новоуренгойский многопрофильный колледж» (сетевые организации) открыт кластер «Ямальский туризм», который создан на базе ФП «Профессионалитет». Кластер «Ямальский туризм» включает в себя: 14 предприятий – партнеров, 13 зон по видам работ в колледжах, всего по программе Профессионалитета в колледжах учатся более 400 студентов).

Кластерный подход, апробированный на базе Ямальского многопрофильного колледжа, показал положительную динамику в части решения основных проблем региона, стоящих перед сферой профессионального образования. в 2026 году планируется создание еще одного кластера «Кадры для ТЭКа и сервиса ТЭКа», в который войдут: 7 колледжей, 18 предприятий. Планируется, что к 2026 году в кластере будет обучаться 1860 студентов. Таким образом, 100% колледжей, составляющих систему СПО в регионе, войдут в федеральный проект «Профессионалитет», как в наиболее перспективное направление профессионального развития студентов. В новый кластер планируется привлечь 100 млн руб. федеральных средств, в кластер будет вложено из регионального бюджета 80 млн руб., планируется привлечь 20 млн руб. от предприятий.

Согласно стратегии к 2030 году прогнозируются:

- рост уровня трудоустройства выпускников до 81,3%;
- увеличение доли работающих по полученной профессии до 45%;
- рост средней заработной платы выпускников до 86 500 руб.

Реализуемая в ЯНАО стратегия развития кадрового потенциала, представляет собой комплексную модель адаптации региональной системы СПО к изменяющимся экономическим условиям. Ключевыми элементами успеха являются: синхронизация образовательных программ с потребностями экономики, кла-

стерный подход в организации подготовки кадров и программно-целевое финансирование инфраструктурных проектов.

Федеральный проект «Профессионалитет» [3] доказал свою эффективность как инструмент государственной политики в сфере профессионального образования. На примере Ямало-Ненецкого автономного округа продемонстрирована возможность создания устойчивой системы подготовки кадров, отвечающей потребностям региональной экономики. Дальнейшее развитие проекта должно быть направлено на расширение перечня охватываемых отраслей и совершенствование механизмов сетевого взаимодействия между участниками образовательного процесса. В табл. 1 представлены перспективы развития системы образования ЯНАО в контексте развития ФП «Профессионалитет» в регионе.

Таблица 1

Целевые показатели реализации ФП «Профессионалитет» до 2030 г.

Table 1

Target indicators for the implementation of the Professionalism program until 2030.

Показатель	2023 год	2024 год	Целевое значение 2030 год
Уровень трудоустройства выпускников «Профессионалитета», %	85	86	90
Доля выпускников, работающих по полученной профессии, %	75	78	85
Средняя заработная плата выпускников, руб.	77 216	78 500	86 500

Несмотря на явные положительные результаты выявлены системные вызовы, которые требуют решительных действий и своевременных решений:

- необходимость адаптации образовательных программ к быстро меняющимся требованиям экономики;
- развитие системы непрерывного профессионального образования;
- поддержание оптимального уровня оснащения зон по видам работ.

На данный момент работа с этими вызовами ведется в ежедневном режиме. Это необходимо, т.к. каждый новый вызов системе образования является аргументом в пользу будущих специалистов производств в различных отраслях экономики. Таким образом, преодоление этих вызовов является не просто устранением трудностей, а стратегической инвестицией в человеческий капитал. Эта работа закладывает основу для подготовки нового поколения профессионалов – гибких, компетентных и готовых продвигать отечественную промышленность и технологии. Уверенное решение этих задач укрепит конкурентные позиции наших выпускников и будет способствовать опережающему развитию экономики в целом.

Для достижения высоких результатов эта работа ведется по нескольким ключевым направлениям:

1. Внедрение гибких моделей обучения. Наши педагоги работают над решением практических кейсов, готовят ребят не к идеальным, а к реальным условиям, которые могут произойти с ними на работе.
2. Создание образовательных экосистем. В таких экосистемах активно развиваются компетенции студентов как внутри одного, так и в смежных направлениях, что позволяет добиться лучших результатов.
3. Чемпионатное движение. Именно соревновательная основа проведения чемпионатов в колледже и в стране в целом помогает обеспечить качественный практический опыт. Включение реальных работодателей в жюри чемпионатов помогает студентам лучше адаптироваться к производственным задачам, а демонстрационный экзамен - показывает уровень компетенций выпускников.

Это системный подход, который позволяет трансформировать вызовы в точки роста. Уверенное решение этих задач укрепит конкурентные позиции наших выпускников, обеспечит технологический суверенитет и будет способствовать опережающему развитию экономики в целом.

### Выводы

Федеральный проект «Профессионалитет» в Ямало-Ненецком автономном округе реализуется как стратегический инструмент государственной политики, направленный на преодоление системных дисбалансов на рынке труда в условиях арктической экономики и обеспечения кадровой устойчивости ключевых отраслей – нефтегазового комплекса, транспортной инфраструктуры и социальной сферы.

Региональная специфика определяет высокую эффективность «Профессионалитета» в ЯНАО. Благодаря концентрации крупных работодателей и их заинтересованности в стабильном притоке квалифицированных кадров, ЯНАО стал одним из лидеров по скорости и масштабу внедрения кластерной модели. Проект способствует синхронизации образовательных и производственных циклов. Внедрение «дорожных карт ком-

петенций», разработанных совместно с предприятиями, позволило сократить разрыв между требованиями работодателей и выпускными квалификациями. Арктическая адаптация образовательных программ выступает ключевым конкурентным преимуществом. В отличие от многих регионов, в ЯНАО реализуется принцип географически и климатически обусловленной специализации: в учебные планы включены модули по безопасности в экстремальных условиях, логистике в труднодоступных районах, межкультурной коммуникации с коренными малочисленными народами Севера.

Вместе с этим остаются системные вызовы, которые предполагают необходимость доработки проводимой политики. Так, для региона характерна низкая численность молодёжи (особенно в малых населённых пунктах и тундре), что несколько ограничивает масштабируемость кластеров «на местах». Заметной проблемой, с которой сталкиваются колледжи остается нехватка преподавателей с актуальным производственным опытом. Она может быть частично компенсирована привлечением наставников с предприятий, однако отсутствие у них педагогической подготовки снижает эффективность передачи знаний.

### Список источников

1. Савина Е.В. Профессионалитет – новая модель подготовки квалифицированных кадров // Образование: ресурсы развития // Вестник ЛОИРО. 2023. № 1. С. 90 – 93.
2. Кривоносов А.М., Басовский Д.А., Иванов С.И. Развитие среднего профессионального образования в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» // Сборник трудов конференции «Архитектура университетского образования: стратегические инициативы и эффективные решения. 2024. С. 84 – 90.
3. Минпросвещения России Федеральный проект «Профессионалитет». Режим доступа: [https://edu.gov.ru/activity/main\\_activities/additional\\_vocational\\_education](https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education) (дата обращения: 29.07.2025)
4. Стратегия развития образования до 2036 года с перспективой до 2040 года // интернет-источник, Режим доступа: [https://sh1-bodajbor138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat\\_files/userfiles/2/Education/Strategiya\\_razvitiya\\_obrazovaniya\\_do\\_2036\\_goda.pdf](https://sh1-bodajbor138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2/Education/Strategiya_razvitiya_obrazovaniya_do_2036_goda.pdf) (дата обращения: 29.07.2025)
5. Департамент образования ЯНАО Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года. Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/018e08421ad3d3b523173e61e2f3476b/23.04.2019yanao.pdf> (дата обращения: 29.07.2025)
6. Сатдыков А.И. Экономические аспекты реализации образовательных программ в рамках федерального проекта "Профессионалитет" // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2021. № 4 (56). С. 1 – 4.
7. Скачко А.В. Федеральный проект "Профессионалитет" как кузница кадров для российской промышленности // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 3. С. 389 – 396.
8. Каплюк М.А. Проблемы и перспективы реализации Федерального проекта "Профессионалитет" как инструмента развития среднего профессионального образования // Техник транспорта: образование и практика. 2023. Т. 4. № 2. С. 137 – 143.
9. Матвеева Н.В. Модернизация содержания обучения иноязычному общению при реализации федерального проекта "Профессионалитет" // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 132 – 138.
10. Ионина Н.Г. Федеральный проект "Профессионалитет" как разновидность технологии социального партнёрства в развитии среднего профессионального образования // Вестник ТОГИРРО. 2022. № 2 (49). С. 37 – 38.
11. Шимухаметова А.В. Федеральный проект "Профессионалитет" как инициатива, направленная на создание новой модели подготовки квалифицированных специалистов // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2022. № 4. С. 40 – 44.

### References

1. Savina E.V. Professionalism – a new model for training qualified personnel. Education: Development Resources. Bulletin of the Leningrad Institute of Education and Research. 2023. No. 1. P. 90 – 93.
2. Krivonosov A.M., Basovsky D.A., Ivanov S.I. Development of Secondary Vocational Education within the Framework of the Implementation of the Federal Project "Professionalism". Collection of Papers of the Conference "Architecture of University Education: Strategic Initiatives and Effective Solutions. 2024. P. 84 – 90.
3. Ministry of Education of the Russian Federation. Federal Project "Professionalism". Available at: [https://edu.gov.ru/activity/main\\_activities/additional\\_vocational\\_education](https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education) (date of access: 09.29.2025)

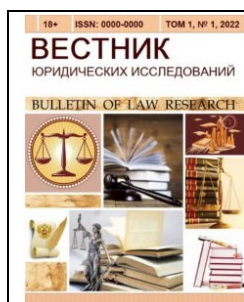
4. Education Development Strategy until 2036 with an Outlook until 2040. Internet source, Access mode: [https://sh1-bodajbo-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat\\_files/userfiles/2/Education/Strategiya\\_razvitiya\\_obrazovaniya\\_do\\_2036\\_goda.pdf](https://sh1-bodajbo-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2/Education/Strategiya_razvitiya_obrazovaniya_do_2036_goda.pdf) (accessed: 29.07.2025)
5. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug Department of Education. Strategy for the Socioeconomic Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug until 2030. Access mode: <https://www.economy.gov.ru/material/file/018e08421ad3d3b523173e61e2f3476b/23.04.2019yanao.pdf> (date accessed: 29.07.2025)
6. Satdykov A.I. Economic aspects of the implementation of educational programs within the framework of the federal project "Professionalism". Continuing professional education in the country and the world. 2021. No. 4 (56). P. 1 – 4.
7. Skachko A.V. The federal project "Professionalism" as a forge of personnel for Russian industry. Current issues of the modern economy. 2023. No. 3. P. 389 – 396.
8. Kapluk M.A. Problems and Prospects of Implementing the Federal Project "Professionalism" as a Tool for Developing Secondary Vocational Education. Transport Technician: Education and Practice. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 137 – 143.
9. Matveeva N.V. Modernization of the Contents of Teaching Foreign Language Communication in the Implementation of the Federal Project "Professionalism". Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2022. No. 9 (101). P. 132 – 138.
10. Ionina N.G. The Federal Project "Professionalism" as a Type of Social Partnership Technology in the Development of Secondary Vocational Education. TOGIRRO Bulletin. 2022. No. 2 (49). P. 37 – 38.
11. Shimukhametova A.V. The Federal Project "Professionalism" as an Initiative Aimed at Creating a New Model for Training Qualified Specialists. Modern Education: Current Issues and Innovations. 2022. No. 4. P. 40 – 44.

#### **Информация об авторе**

Пинчук Ю.С., заместитель директора по учебно-производственной работе, Ямальский многопрофильный колледж

© Пинчук Ю.С., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 332.143

### ***Роль информационных технологий в реализации приоритетных направлений государственной политики РФ***

<sup>1</sup> Боткин Д.Е.,

<sup>1</sup> Российский университет транспорта

**Аннотация:** статья посвящена анализу роли информационных технологий в реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в цифровой трансформации. На основе изучения научных публикаций 2019-2023 годов и ключевых стратегических документов раскрываются основные возможности и проблемы применения современных цифровых решений в органах государственного управления. Особое внимание уделено созданию единой цифровой среды, обеспечению технологического суверенитета, повышению прозрачности и открытости власти, а также преодолению кадровых, правовых и интеграционных барьеров. Показано, что информационные технологии выступают катализатором перехода к проактивному государственному управлению, стимулируют инновации и укрепляют позиции России в глобальной цифровой повестке. Выявлены основные пути решения существующих проблем: стандартизация платформ, подготовка квалифицированных кадров, усиление кибербезопасности и совершенствование нормативно-правовой базы. Исследование подтверждает, что без системного внедрения отечественных цифровых платформ и искусственного интеллекта достижение национальных целей до 2030 года оказывается невозможным. Успешная цифровизация государственного управления напрямую влияет на качество предоставления услуг гражданам, эффективность бюджетных расходов и уровень общественного доверия к власти. В заключение подчеркивается, что стратегическое развитие отечественных информационных технологий является необходимым условием достижения национальных целей развития до 2030 года и обеспечения устойчивого социально-экономического прогресса страны в цифровую эпоху.

**Ключевые слова:** цифровизация, государственное управление, информационные технологии, технологический суверенитет, кибербезопасность, открытость, трансформация, инновации

**Для цитирования:** Боткин Д.Е. Роль информационных технологий в реализации приоритетных направлений государственной политики РФ // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 40 – 45.

Поступила в редакцию: 11 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***The role of information technologies in the implementation of the priority directions of the state policy of the Russian Federation***

<sup>1</sup> Botkin D.E.,

<sup>1</sup> Russian University of Transport

**Abstract:** the article is devoted to the analysis of the role of information technologies in the implementation of priority directions of the state policy of the Russian Federation in the context of digital transformation. Based on the study of scientific publications from 2019-2023 and key strategic documents, the main opportunities, and problems of using modern digital solutions in public administration are revealed. Special attention is paid to creating a



unified digital environment, ensuring technological sovereignty, increasing transparency and openness of government, as well as overcoming personnel, legal and integration barriers. It is shown that information technologies act as a catalyst for the transition to proactive public administration, stimulate innovation and strengthen Russia's position in the global digital agenda. The main ways to solve existing problems have been identified: standardization of platforms, training of qualified personnel, strengthening cybersecurity and improving the regulatory framework. The study confirms that without the systematic implementation of domestic digital platforms and artificial intelligence, achieving national goals by 2030 is impossible. Successful digitalization of public administration has a direct impact on the quality of services provided to citizens, the effectiveness of budget expenditures, and the level of public trust in government. In conclusion, it is emphasized that the strategic development of domestic information technologies is a prerequisite for achieving national development goals until 2030 and ensuring sustainable socio-economic progress of the country in the digital age.

**Keywords:** digitalization, public administration, information technology, technological sovereignty, cybersecurity, openness, transformation, innovation

**For citation:** Botkin D.E. The role of information technologies in the implementation of the priority directions of the state policy of the Russian Federation. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 40 – 45.

The article was submitted: September 11, 2025; Approved after reviewing: November 9, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

В условиях современного общества информационные технологии стали одним из главных двигателей изменений в сфере государственного управления, позволяя постепенно уходить от привычных бумажных и личных форм взаимодействия между государством и гражданами к цифровым платформам и сервисам. В России этот процесс приобретает особое значение, поскольку он непосредственно связан с задачей построения цифровой экономики и достижением тех национальных целей, которые страна поставила перед собой на ближайшее десятилетие.

К числу приоритетных направлений государственной политики сегодня относятся цифровая трансформация органов государственной и муниципальной власти, создание надежной инфраструктуры кибербезопасности, подготовка квалифицированных специалистов для работы в цифровой среде, а также широкое внедрение новых технологий в повседневную жизнь в здравоохранение, образование, транспорт и другие социально значимые сферы. Эти ориентиры закреплены в целом ряде стратегических документов, и в первую очередь в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где цифровая трансформация прямо названа одной из пяти национальных целей. В этом документе подчеркивается, что повышение эффективности государственного управления должно достигаться за счет активного использования отечественных цифровых платформ, технологий искусственного интеллекта и больших данных.

Применение информационных технологий действительно позволяет существенно ускорить и упростить процессы принятия управленческих решений, делает работу органов власти более открытой и понятной для граждан, а государственные и муниципальные услуги – по-настоящему доступными в режиме «одного окна». Все это составляет содержание национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и отвечает тем ожиданиям, которые общество сегодня предъявляет к власти.

В то же время в мире происходят быстрые изменения: международные отношения все больше переводятся в цифровое измерение, а вопросы информационной безопасности выходят на первый план. В таких условиях использование современных технологий в органах государственной власти помогает находить разумный баланс между интересами граждан и задачами публичной власти, одновременно сокращая избыточную бюрократию и административные барьеры.

Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что, несмотря на очевидные успехи, процесс интеграции информационных технологий в повседневную практику государственного управления сопровождается целым рядом серьезных вызовов и ограничений. Именно поэтому настоящая статья ставит перед собой триединую задачу: во-первых, проанализировать, какую роль играют информационные технологии в реализации обозначенных государственных приоритетов; во-вторых, выявить основные проблемы и риски, с которыми сталкивается этот процесс; в-третьих, на основе изучения научной литературы и действующих стратегических документов предложить возможные пути преодоления выявленных трудностей.

### **Материалы и методы исследований**

Исследование основано на анализе десяти научных публикаций отечественных авторов (2019–2023 гг.) и ключевых стратегических документов Российской Федерации. Применены методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения теоретических и практических аспектов цифровизации государственного управления.

### **Результаты и обсуждения**

Информационные технологии сегодня стали главным рабочим инструментом, с помощью которого в России реализуются ключевые направления государственной политики. Именно они обеспечивают реальный переход к цифровому государству и позволяют заметно повысить качество и скорость управленческих процессов. В органах власти уже сформирована единая цифровая среда: электронный документооборот и автоматический межведомственный обмен данными существенно сокращают дублирование одних и тех же операций, ускоряют прохождение документов и заметно снижают административные затраты [1]. При этом весь вектор развития отечественной сферы ИТ четко ориентирован на достижение технологического суверенитета – через массовое внедрение российских программных продуктов и аппаратных решений, что в условиях глобальной цифровизации становится важнейшим условием защиты национальных интересов [2].

Вместе с тем одной из самых острых проблем остается слабая стыковка информационных систем разных ведомств. До сих пор отсутствует полноценная интеграция, что вынуждает создавать единые стандарты обмена данными и усиливать координацию на всех уровнях власти. Тем не менее даже в нынешнем виде цифровые технологии уже дают ощутимый эффект: они делают контроль за исполнением законов и подзаконных актов гораздо более оперативным, повышают прозрачность расходования бюджетных средств и позволяют быстро выявлять нарушения в управленческой практике [3, 4]. Однако массовое внедрение таких решений наталкивается на серьезные препятствия: государственные служащие зачастую недостаточно подготовлены к работе с новыми системами, уровень киберугроз остается высоким, а правовое регулирование обработки персональных данных все еще содержит пробелы. Выход видится в запуске полноценных программ профессиональной переподготовки и в построении многоуровневой системы информационной безопасности, охватывающей как технические, так и организационные меры [5].

Развитие интернет-технологий в сфере государственного управления идет по пути создания платформенных решений. Облачные сервисы, большие данные и искусственный интеллект объединяются в единые комплексы, которые способны в реальном времени анализировать запросы общества, прогнозировать социальные и экономические риски и формировать проактивную, а не реактивную политику [6, 7]. В более широкой перспективе именно информационные технологии выступают драйвером инновационного развития: они стимулируют межотраслевое сотрудничество, создают условия для появления новых бизнес-моделей и в конечном счете повышают глобальную конкурентоспособность страны. Особое место здесь занимает информационное сопровождение национальной политики: цифровые платформы позволяют вести постоянный мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, оперативно реагировать на возникающие конфликты и выстраивать позитивную повестку в многонациональном российском обществе [8].

Не менее важным направлением остается последовательное расширение информационной открытости власти. Увеличение функционала портала госуслуг, внедрение систем электронного участия, обратной связи и общественных обсуждений реально повышают уровень доверия граждан к государственным институтам и создают работающие механизмы общественного контроля [9, 10]. В итоге информационные технологии выступают катализатором формирования полноценных цифровых экосистем государственного управления – сред, в которых данные из самых разных источников собираются, агрегируются и используются для стратегического планирования, реализации национальных проектов и построения инфраструктуры экономики данных.

Подводя итог, можно утверждать, что успешная интеграция информационных технологий в приоритетные направления государственной политики возможна только при комплексном подходе. Правовые реформы должны идти рука об руку с технологическими новациями: необходимо ликвидировать фрагментацию информационных систем, преодолеть кадровый дефицит через системные государственные программы подготовки и переподготовки, выработать и внедрить единые стандарты защиты информации. Лишь при таком сочетании усилий Россия сможет не просто оптимизировать текущие управленческие процессы, но и создать прочный фундамент для долгосрочного технологического лидерства, обеспечив устойчивое и безопасное развитие в условиях глобальной цифровой трансформации.

### **Выводы**

Информационные технологии по праву занимают центральное место в реализации приоритетных направлений государственной политики России, выступая главным инструментом перехода к цифровому

государству и обеспечивая качественно новый уровень эффективности публичного управления. Их целенаправленное применение в ключевых областях – цифровой трансформации органов власти, развитии кибербезопасности, подготовке квалифицированных кадров и последовательном расширении информационной открытости – напрямую работает на достижение национальных целей развития, поставленных до 2030 года.

Да, процесс этот сопровождается целым комплексом серьезных вызовов: организационной разобщенностью информационных систем, сохраняющимся дефицитом компетенций у государственных служащих, пробелами в правовом регулировании и постоянно растущими киберугрозами. Тем не менее анализ показывает, что все эти проблемы вполне разрешимы при условии системного подхода: создания единых технических стандартов, запуска масштабных программ профессиональной переподготовки, совершенствования законодательства и построения многоуровневой системы защиты информации.

В итоге стратегическое развитие отечественных информационных технологий не только укрепляет технологический суверенитет страны, но и позволяет выстраивать более сбалансированные отношения между обществом и властью, повышать доверие граждан к государственным институтам и создавать реальные механизмы общественного контроля. Именно в этом сочетании технологических, правовых и кадровых мер закладывается фундамент устойчивого социально-экономического развития России в условиях цифровой эпохи – развития, которое опирается на собственные силы и ориентировано на долгосрочные национальные интересы.

#### Список источников

1. Солдаткина О.Л. Возможности и проблемы применения современных информационных технологий в органах государственной власти // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов: XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), в 5 ч., Москва, 26-29 ноября 2019 года. Том Часть 4. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. С. 417 – 420.
2. Козлова А.В. Развитие сферы информационных технологий в России // Инновационные научные исследования 2023: естественные и технические науки: Сборник материалов XXVI международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2023 года. Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. С. 59 – 61.
3. Пирушкин А.А., Зайченко Д.Е., Манжула Т.Ю. Актуальные проблемы применения информационных технологий в процессе государственного управления // Уфимский гуманитарный научный форум «Гуманитарная миссия обществознания на пороге нового индустриального общества»: Сборник статей международного научного форума, Уфа, 30 июня – 20 2020 года. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2020. С. 219 – 223. DOI 10.47309/2713–2358\_2020\_5\_219
4. Костылев А.К. Использование цифровых информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 123 – 128.
5. Болотова А.Ю. Применение информационных технологий в деятельности органов государственного управления: проблемы и пути решения // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 28-29 апреля 2022 года. Барнаул: Типография управления делами Администрации Алтайского края, 2022. С. 9 – 10.
6. Малышева К.В. Совершенствование использования интернет-технологий в государственном управлении // Актуальные проблемы управления: сборник научных статей по итогам VII Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 19 ноября 2020 года / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 417 – 422.

7. Маткурбанова А.А. Роль информационных технологий в развитии государства // *Аллея науки*. 2020. Т. 1. № 4 (43). С. 702 – 704.

8. Абаев А.Л., Иванюшин Д.В. Информационное сопровождение государственной национальной политики // *Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России*. Москва: РГГУ, 2023. С. 395 – 418.

9. Дружинина Д.С. Перспективы развития информационной открытости государственных органов Российской Федерации // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция: тезисы докладов, Самара, 11-22 апреля 2022 года / Министерство образования и науки Самарской области; Совет ректоров вузов Самарской области; Ассоциация вузов Самарской области. Том 2. Санкт-Петербург: ООО «Эко-Вектор», 2022. С. 366 – 367.

10. Блажевич О.Г., Викторова А.А. Информационные технологии в развитии государственного управления // *Финансы хозяйствующих субъектов: современные проблемы и пути их решения: Сборник трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов по материалам IV Межкафедрального научно-практического семинара*, Симферополь, 19 февраля 2020 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. С. 25 – 29.

### References

1. Soldatkina O.L. Possibilities and Problems of Applying Modern Information Technologies in Government Bodies. Rights and Obligations of Citizens and Public Authorities: Searching for a Balance of Interests: XVII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and the XX International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), at 5 a.m., Moscow, November 26-29, 2019. Volume Part 4. Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2020. P. 417 – 420.

2. Kozlova A.V. Development of the Information Technology Sphere in Russia. Innovative Scientific Research 2023: Natural and Technical Sciences: Collection of Materials of the XXVI International In-Person and Correspondence Scientific and Practical Conference, Moscow, April 19, 2023. Moscow: Scientific Publishing Center "Imperia", 2023. P. 59 – 61.

3. Pirushkin A.A., Zaychenko D.E., Manzhula T.Yu. Actual problems of the application of information technologies in the process of public administration. Ufa Humanitarian Scientific Forum "Humanitarian Mission of Social Science on the Threshold of a New Industrial Society": Collection of articles from the international scientific forum, Ufa, June 30 – 20, 2020. Ufa: Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, 2020. P. 219 – 223. DOI 10.47309/2713-2358\_2020\_5\_219

4. Kostylev A.K. Use of Digital Information and Communication Technologies in Public Administration. Current Issues of Administrative and Administrative-Procedural Law (Sorokin Readings): A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Yuri Efremovich Avrutin on the Occasion of His 75th Birthday, St. Petersburg, March 25, 2022. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 123 – 128.

5. Bolotova A.Yu. Application of Information Technologies in the Activities of Government Bodies: Problems and Solutions. Russia in the 21st Century: Strategy and Tactics of Socio-Economic, Political, and Legal Reforms: Materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Barnaul, April 28–29, 2022. Barnaul: Printing House of the Administration of Altai Krai, 2022. P. 9 – 10.

6. Malysheva K.V. Improving the Use of Internet Technologies in Public Administration. Actual Problems of Management: Collection of Scientific Articles Following the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 19, 2020. National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021. P. 417 – 422.

7. Matkurbanova A.A. The Role of Information Technologies in State Development. Alley of Science. 2020. Vol. 1. No. 4 (43). P. 702 – 704.

8. Abaev A.L., Ivanyushin D.V. Information Support of the State National Policy. Interethnic and Interfaith Relations in Modern Russia. Moscow: RSUH, 2023. P. 395 – 418.

9. Druzhinina D.S. Prospects for the Development of Information Transparency of Government Bodies of the Russian Federation. XLVIII Samara Regional Student Scientific Conference: Abstracts of Papers, Samara, April 11-22, 2022. Ministry of Education and Science of the Samara Region; Council of Rectors of Universities of the Samara Region; Association of Universities of the Samara Region. Volume 2. St. Petersburg: Eco-Vector LLC, 2022. P. 366 – 367.

10. Blazhevich O.G., Viktorova A.A. Information technologies in the development of public administration. Finances of economic entities: modern problems and solutions: Collection of works of teachers, graduate students, undergraduates, and students based on the materials of the IV Interdepartmental Scientific and Practical Seminar, Simferopol, February 19, 2020. Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2020. P. 25 – 29.

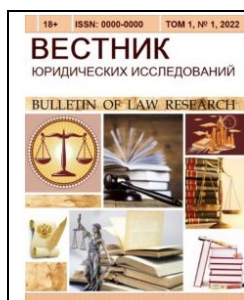
#### **Информация об авторе**

Боткин Д.Е., аспирант, Российский университет транспорта, [botkin.danila@yandex.ru](mailto:botkin.danila@yandex.ru)

© Боткин Д.Е., 2025

---

## ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.1

### *Нравственно-императивные основы уголовного законодательства России по трудам ученых-правоведов 19 – начала 20 века*

<sup>1</sup> Бочаров И.Е., <sup>1</sup> Хомченко В.В.,

<sup>1</sup> Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

**Аннотация:** в статье реконструируются нравственно-императивные основания российской уголовно-правовой доктрины второй половины XIX – начала XX века по работам ведущих ученых-правоведов. Анализируются представления о справедливости и возмездии, вине и личной ответственности, гуманизме наказания, превенции и защите правопорядка, а также об автономии личности и правосознании.

Показано, что нормативная аргументация исследователей соединяла этико-правовые категории с задачами кодификации и судебной реформы, задавая ценностные ориентиры для Уложения о наказаниях 1845 года и Уголовного уложения 1903 года.

Предлагается интерпретационная модель, в которой моральные императивы выступают «скрытыми переменными» кодификации: они структурируют понятия преступления и наказания, влияют на выбор санкций, пределы усмотрения суда и пределы уголовно-правовой охраны.

Сделан вывод о преемственности этих оснований в современном российском праве, прежде всего в принципах законности, вины, гуманизма и справедливости.

**Ключевые слова:** нравственный императив, вина, справедливость, гуманизм, превенция, правосознание, российское уголовное право, Уложение 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, российская юридическая мысль

**Для цитирования:** Бочаров И.Е., Хомченко В.В. Нравственно-императивные основы уголовного законодательства России по трудам ученых-правоведов 19 – начала 20 века // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 46 – 51.

Поступила в редакцию: 3 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### *The moral imperative foundations of Russian criminal law based on the works of scientists from the 19th and early 20th centuries*

<sup>1</sup> Bocharov I.E., <sup>1</sup> Khomchenko V.V.,

<sup>1</sup> Yelets State University named after I.A. Bunin

**Abstract:** the article reconstructs the moral and imperative foundations of the Russian criminal law doctrine of the second half of the 19th – early 20th century based on the works of leading scientists. The ideas of justice and retribution, guilt and personal responsibility, the humanism of punishment, prevention and protection of law and order, as well as personal autonomy and legal awareness are analyzed.

It is shown that the researchers' normative argumentation combined ethical and legal categories with the tasks of codification and judicial reform, setting value guidelines for the Penal Code of 1845 and the Criminal Code of 1903.

An interpretive model is proposed in which moral imperatives act as "hidden variables" of codification.: they structure the concepts of crime and punishment, influence the choice of sanctions, the limits of discretion of the court and the limits of criminal law protection.

The conclusion is made about the continuity of these foundations in modern Russian law, primarily in the principles of legality, guilt, humanism and justice.

**Keywords:** moral imperative, guilt, justice, humanism, prevention, legal awareness, Russian criminal law, Code of 1845, Criminal Code of 1903, Russian legal thought

**For citation:** Bocharov I.E., Khomchenko V.V. The moral imperative foundations of Russian criminal law based on the works of scientists from the 19th and early 20th centuries. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 46 – 51.

The article was submitted: September 3, 2025; Approved after reviewing: November 1, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Историческая эволюция российского уголовного права во второй половине XIX – начале XX века совпала с модернизацией государства и судостроительства, что придало теоретическим дискуссиям выраженный нормативный характер. Юристы обсуждали не только технику кодификации, но и основания, которые делают уголовный закон обязательным и справедливым [2]. Труды ведущих ученых того времени сформировали «внутреннюю конституцию» уголовного закона, где ключевыми категориями оказались вина как субъективное основание ответственности, справедливость как требование соразмерности, гуманизм как пределы карательного воздействия и превенция как задача охраны правопорядка. Эта система взглядов замещала прежнюю казуистику нравственным стандартом и тем самым переводила наказание из сферы устрашения и сословной репрессии в сферу юридически очерченной ответственности [5].

Особое место занимала идея автономии личности и правосознания. Исследователи связывали обязанность государства карать с обязанностью уважать человеческое достоинство, ограничивая жестокость и произвол [8]. Поэтому обсуждение смертной казни, телесных наказаний, каторжных работ, института помилования и условного осуждения велось в связи с вопросом о нравственном оправдании боли и лишений. Вскрывалась двойственная природа уголовной репрессии: с одной стороны, она защищает порядок и права других лиц, с другой – легко превращается в самоцель, если утрачивает связь со справедливостью и соразмерностью. Так возникал моральный императив гуманизации, поддержанный возрождением интереса к личности преступника, его мотивам, возрасту, душевному состоянию и исправимости [6].

Православная этика милосердия и покаяния задала гуманистический вектор доктрины и практики уголовного права Российской империи: наказание понималось не как самоцель возмездия, а как правовое средство защиты порядка с приоритетом исправления лица. Это обусловило акцент на индивидуализации ответственности, расширение круга смягчающих обстоятельств, развитие институтов помилования и смягчения наказаний, а также переосмысление целей тюремного заключения в воспитательно-исправительном ключе.

В трудах ведущих юристов рубежа веков морально-императивные начала формулируются как ограничения карательной власти государства принципами справедливости, соразмерности и целесообразности. Оглашённые ими установки согласуются с христианским пониманием достоинства личности и идеей возможности нравственного исправления, что институционально проявилось в курсе на смягчение санкций и в поддержке мер, направленных на предупреждение преступлений и ресоциализацию осуждённых [9].

В этой интеллектуальной атмосфере формировалась новая правовая техника. Понятия преступления и состава приобретали системность, вина отделялась от объективной опасности, а намерение и неосторожность требовали дифференциации санкций. Развивалась доктрина цели наказания, в которой возмездие и превенция переставали быть конкурирующими крайностями и рассматривались как взаимодополняющие основания. Ученые пытались наметить способ примирить требование справедливого воздаяния с необходимостью предупреждения новых посягательств и защиты общества, определяя роль исправления и воспитания. Нравственная аргументация играла здесь роль критерия допустимости новых институтов, таких как условное осуждение, отсрочка исполнения наказания или расширение пробационных практик [2].

Влияние названных идей проявлялось не только в университетских лекциях и монографиях, но и в подготовке проектов кодификации. Уголовное уложение 1903 года стало выразителем стремления к ясности понятий, уменьшению сословных различий, расширению судебного усмотрения при одновременной регламентации критериев соразмерности. Научная литература обеспечивала для этого ценностную опору, формируя «правовую чувствительность» к границам допустимого [4]. В итоге уголовный закон осмыслялся как нравственно ориентированная система: он должен охранять порядок без разрушения личности и поддерживать уважение к праву.

### **Материалы и методы исследований**

Исследование опирается на реконструктивный анализ текстов российских правоведов второй половины XIX – начала XX века с фокусом на аргументации о нравственных основаниях уголовного закона.

Методологически используется историко-догматический подход в сочетании с контент-анализом ключевых понятий, позволяющий выявить устойчивые смысловые ядра и проследить их нормативную проекцию в кодификационных актах.

### **Результаты и обсуждения**

В российской уголовно-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века в качестве опорной рамки постепенно оформлялась система нравственно-императивных представлений о вине, справедливости и гуманизме наказания. Исследователи той эпохи рассматривали уголовный закон как инструмент охраны правопорядка, ограниченный требованиями соразмерности и уважения к человеческому достоинству, а также связывали легитимность карательных мер с наличием субъективного основания ответственности [1]. В научной литературе этого периода фиксировалась тенденция к согласованию воздаяния и превенции, что отражалось в проектах кодификации и судебной практике, не устраняя полностью полемики, но задавая общую ценностную ориентацию правоприменения [3].

И.Я. Фойницкий подчёркивал, что «цель наказания состоит преимущественно в предупреждении преступлений и исправлении преступника, а не в одном лишь возмездии» [10].

Переход от казуистического и сословно-стратифицированного наказания к построению уголовного закона на основе вины, соразмерности и гуманизма прослеживается при сравнительном чтении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, судебных уставов 1864 года с их уголовно-процессуальными гарантиями и Уголовного уложения 1903 года. Уложение 1845 года зафиксировало решающую для эпохи попытку систематизации, в которой наказание понималось как юридически очерченная реакция государства на общественно опасное деяние, однако структура санкций и разграничение составов сохраняли следы сословной дифференциации и репрессивной традиции [9]. Именно в этой кодификации проявилась ранняя правовая артикуляция субъективной стороны преступления: внимание к намерению, неосторожности и обстоятельствам, уменьшающим вину, что открывало путь доктринальному утверждению личной ответственности. Внутренняя логика Уложения обусловила последующую модернизацию наказаний, включая сокращение жестоких мер и отказ от телесных наказаний в отношении значительной части населения, что интерпретировалось современной наукой как институциональный шаг к гуманизму.

Судебные уставы 1864 года, хотя и относились к процессуальному праву, оказали прямое воздействие на нравственную легитимацию уголовного закона. Введение суда присяжных, гласности и состязательности создало пространство, в котором уголовная ответственность стала восприниматься как результат публично проверяемой оценки доказательств и мотивов, а не выражение административного усмотрения [12].

Нормативная форма процессуальных гарантий усилила значение вины и справедливости как критериев законной репрессии, потому что вынесение обвинительного приговора требовало не только формального подтверждения факта, но и убеждения суда в виновности, соотносимой с назначаемой мерой. Через процессуальные институты уголовное право получило нравственную опору: наказание объяснялось обществу, а его пределы связывались с доказанной личной ответственностью.

Уголовное уложение 1903 года стало кульминацией догматической перестройки понятий преступления и наказания. Его конструкция выражала идею, согласно которой в центре уголовной ответственности стоит вина, дифференцированная по формам, а наказание назначается в границах, обеспечивающих соразмерность с учетом характера деяния и особенностей личности.

Уложение системно изложило положения о стадиях преступной деятельности, об участии и соисполнительстве, о невменяемости и возрастных особенностях, что укрепило этическую нить в правовом тексте: государство карает только в той мере, в какой доказана свободная и осознанная причастность к посягательству. Несмотря на то что нормы Уложения вводились в действие не полностью и поэтапно, сама нормативная логика демонстрировала отказ от механического устрашения в пользу рационально мотивированного воздаяния и предупреждения [5].



Сопоставление этих актов позволяет увидеть, как нравственно-императивные категории получили юридическую форму. Принцип законности вышел за пределы декларации и был обеспечен системной кодификацией составов и санкций, а вместе с судебными гарантиями обеспечил проверяемость обвинения.

Требование справедливости и соразмерности материализовалось в шкалах наказаний, в мотивировке приговоров и в ограничении самых тяжких мер. Идея гуманизма отразилась в постепенно расширявшемся спектре альтернатив лишению свободы, в институтах условного освобождения и смягчения ответственности при наличии обстоятельств, уменьшающих вину [7].

Превентивная функция перестала отождествляться с жестокостью: предупреждение стало пониматься как результат не только устрашения, но и исправления, а также как следствие ясности закона и неизбежности разумной ответственности. Эти нормативные решения не устраняли противоречий эпохи, однако задавали устойчивое направление развития, в котором уголовный закон виделся не инструментом произвольно-го принуждения, а правовым механизмом защиты личности и порядка в рамках нравственно допустимых границ [11].

Таблица 1

Нравственно-императивные категории, их содержание в доктрине и нормативный эффект.

Table 1

Moral imperative categories, their content in doctrine and normative effect.

Категория нравственного императива	Содержание по доктрине XIX – начала XX века	Нормативный эффект в кодификации и судебной практике
Вина и личная ответственность	Ответственность вытекает из свободного выбора и психического отношения к деянию; различаются умысел и неосторожность; исключаются объективные вменения	Дифференциация составов и санкций, признание субъективной стороны обязательным элементом, ограничение коллективной ответственности
Справедливость и соразмерность	Наказание должно соответствовать тяжести посягательства и степени вины, не допускаются чрезмерные меры	Развитие шкал санкций, расширение мотивировки при назначении наказания, ослабление сословной казуистики
Гуманизм и пределы карательного воздействия	Уважение к человеческому достоинству, недопустимость жестокости, ориентация на исправление	Сокращение жестоких мер, развитие альтернатив лишению свободы, обсуждение условного осуждения и probation
Превенция и охрана правопорядка	Уголовное право предупреждает новые посягательства и защищает общество при сохранении границ дозволенного	Баланс воздаяния и предупреждения, закрепление целей наказания, обоснование усиления мер при рецидиве
Правосознание и автономия личности	Закон должен укреплять уважение к праву и свободе личности, а власть ограничена нормой	Усиление принципа законности, повышение роли суда и мотивировки, отход от сословных привилегий

Реконструкция доктринальных позиций показывает, что ядро нравственного императива российской уголовно-правовой мысли составили три взаимно поддерживающих основания. Первое основание – признание вины как нравственно-психологического условия наказания. Через эту категорию правоведы вводили в уголовный закон понятие личной ответственности, отделяя наказуемое деяние от абстрактной опасности и коллективной вины. Это требование изменяло сам тип правовой аргументации: санкция должна отвечать не только внешнему вреду, но и внутреннему отношению лица, что делало наказание осмысленным в глазах общества и выстраивало доверие к суду.

Второе основание – связка справедливости и гуманизма. Справедливость задавала рамку соразмерности, а гуманизм определял предел допустимой боли. В научных дискуссиях постепенно складывалась формула, по которой наказание не может разрушать личность и должно стремиться к исправлению, иначе его нравственная легитимность исчезает. Такая позиция смещала центр тяжести с устрашения к воспитательному и защитному смыслу наказания, одновременно оставляя за государством право применять строгие меры при опасных посягательствах, но под контролем критерия необходимости.

Третье основание – превентивная направленность при уважении автономии личности. Исследователи стремились вывести уголовный закон из логики «карательного администрирования» и подчинить его задаче охраны свободы и правопорядка через ясные правила и мотивированное судебное усмотрение. В этой связи обсуждалась необходимость системной кодификации и публикации понятных норм, способных влиять на правосознание. Уголовное уложение 1903 года стало плодом этого понимания: оно укрепило си-

стемность понятий, равенство перед законом и предсказуемость наказаний, что имело не только техническое, но и моральное значение.

Указанные основания меняли границы уголовно-правовой охраны. С одной стороны, расширялась защита личности и собственности, где соразмерность и вина требовали точной типизации деяний. С другой стороны, нравственные аргументы препятствовали безбрежному росту репрессии и призывали к осторожности в криминализации. Тем самым доктрина формировала культуру ограниченного и мотивированного наказания. Эта культура заложила основу для современной интерпретации принципов гуманизма, законности, справедливости и вины в российском уголовном праве.

### Выводы

Нравственно-императивные основания, сформированные российской юридической мыслью конца XIX – начала XX века, задали ценностный профиль уголовного законодательства и судебной практики. Категории вины, справедливости, гуманизма, превенции и автономии личности образовали интегральную систему, которая легитимировала наказание как юридически ограниченное воздаяние, ориентированное на защиту правопорядка и уважение к человеческому достоинству.

Уголовное уложение 1903 года закрепило значимую часть этой системы, а современное российское право сохраняет ее в принципах законности, вины, справедливости и гуманизма. Историко-догматический анализ показывает, что устойчивость уголовного закона обеспечивается не только техникой норм, но и нравственными императивами, которые формируют доверие к правосудию и удерживают репрессию в пределах необходимого.

Преимуществом указывает на потенциал развития российского уголовного права по линии укрепления мотивированного судебного усмотрения, уточнения шкал соразмерности и поддержки институтов, ориентированных на исправление без разрушения личности.

### Список источников

1. Асадуллина А.А. Принцип равенства всех перед законом и судом в системе принципов уголовного судопроизводства: сущность и системные взаимосвязи // Система научных ценностей российского общества. 2025. С. 29.
2. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 4 – 23.
3. Ефремова Н.Н. Из истории возникновения российской судебной системы (XVIII в.). к столетнему юбилею судебной реформы 1922 г // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 6 – 9.
4. Зинатуллин Т.З. Этика адвоката-защитника: учеб. пособие. 2022. 380 с.
5. Овчинников А.И., Фетисов Т.А. Принцип светскости в статье 14 конституции Российской Федерации: постсекулярный подход // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 9 – 20.
6. Рудаева Ю.С., Подопригора А.А. Нравственные основы уголовного судопроизводства // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 6 (82). С. 161 – 165.
7. Сергеев Ю.С. Конституционно-правовая политика в сфере защиты трудовых прав граждан // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 21 – 26.
8. Сирякова Е.О. Уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительное право Учредители: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. Т. 17. № 2. С. 152 – 159.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902.
10. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889.
11. Шаблова Е.Г. и др. Основы правового государства: учебное пособие. 2022. 412 с.
12. Щербакова О.В. Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений. Монография. "Издательство" Проспект", 2022. 612 с.

### References

1. Asadullina A.A. The Principle of Equality of All Before the Law and the Court in the System of Principles of Criminal Procedure: Essence and Systemic Interrelations. The System of Scientific Values of Russian Society. 2025. P. 29.
2. Vinogradov V.A., Larichev A.A. The Index of Ethical Law as an Applied Tool for Assessing the Relationship between Law and Morality. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 5. P. 4 – 23.

3. Efremova N.N. From the History of the Emergence of the Russian Judicial System (18th Century). To the Centenary of the Judicial Reform of 1922. *Law and State: Theory and Practice*. 2022. No. 7 (211). P. 6 – 9.
4. Zinatullin T.Z. *Ethics of a Defense Attorney: Textbook*. 2022. 380 p.
5. Ovchinnikov A.I., Fetisov T.A. The Principle of Secularity in Article 14 of the Constitution of the Russian Federation: A Post-Secular Approach. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 9 – 20.
6. Rudayeva Yu.S., Podoprigora A.A. Moral Foundations of Criminal Proceedings. *Skif. Issues of Student Science*. 2023. No. 6 (82). P. 161 – 165.
7. Sergienko Yu.S. Constitutional and Legal Policy in the Sphere of Protecting Citizens' Labor Rights. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 21 – 26.
8. Siryakova E.O. Criminal-executive law. *Criminal-executive law Founders: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 152 – 159.
9. Tagantsev N.S. *Russian criminal law: Lectures. General part*. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902.
10. Foinitsky I.Y. *The doctrine of punishment in connection with prison science*. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1889.
11. Shablova E.G. et al. *Fundamentals of the rule of law: a textbook*. 2022. 412 p.
12. Shcherbakova O.V. The influence of moral norms and ethical principles on the legal regulation of labor relations. *Monograph. "Prospect Publishing House"*, 2022. 612 p.

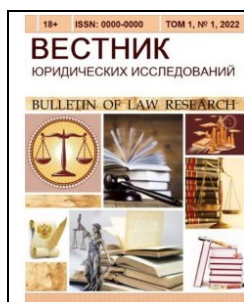
#### **Информация об авторах**

Бочаров И.Е., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, [ilyabocharov1998@mail.ru](mailto:ilyabocharov1998@mail.ru)

Хомченко В.В., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

© Бочаров И.Е., Хомченко В.В., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.21: 316.752

### ***Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей***

<sup>1</sup> Воробьева Н.В., <sup>1</sup> Филина Н.В.,

<sup>1</sup> Омский государственный университет путей сообщения

**Аннотация:** целью данного исследования является комплексный анализ современной российской модели взаимодействия государства и гражданского общества в рамках реализации политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей (ТДНЦ). В работе выявлены системные проблемы правового, организационного и социокультурного характера, препятствующие эффективной консолидации общества. Методологическую основу составили системный анализ, сравнительно-правовой метод, классификация, контент-анализ стратегических документов и статистических данных. Результаты исследования демонстрируют, что декларируемое партнерство на практике реализуется в форме модели «управляемого партнерства», характеризующейся фундаментальным противоречием между заявленным развитием гражданских институтов и усилением государственного регулирования. Ключевыми проблемами модели являются правовая неопределенность понятия ТДНЦ, создающая риск подмены права моралью; недостаточная межведомственная координация; ценностный разрыв между поколениями и вызовы, связанные с интеграцией мигрантов. Практическая значимость работы заключается в выявлении системных дисфункций, что позволяет сформулировать рекомендации для выстраивания более сбалансированного диалога между государством и гражданским обществом. Перспективы дальнейших исследований видятся в применении качественных методов (глубинные интервью, экспертные опросы) для анализа субъективного измерения взаимодействия и мотивации его акторов.

**Ключевые слова:** традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственная политика, гражданское общество, национальная безопасность, суверенитет, культурный суверенитет, патриотизм, управляемое партнерство, некоммерческие организации

**Для цитирования:** Воробьева Н.В., Филина Н.В. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 52 – 61.

Поступила в редакцию: 4 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Interaction between the state and civil society in the context of traditional spiritual and moral values***

<sup>1</sup> Vorobyeva N.V., <sup>1</sup> Filina N.V.,

<sup>1</sup> Omsk State Transport University

**Abstract:** the purpose of this study is a comprehensive analysis of the modern Russian model of interaction between the state and civil society within the framework of the policy for the preservation and strengthening of Traditional Spiritual and Moral Values (TSMV). The work identifies systemic problems of a legal, organizational, and socio-cultural nature that hinder the effective consolidation of society. The methodological basis comprises systems

analysis, comparative legal method, classification, and content analysis of strategic documents and statistical data. The results of the study demonstrate that the declared partnership is, in practice, implemented in the form of a "managed partnership" model, characterized by a fundamental contradiction between the declared development of civil institutions and the strengthening of state regulation. Key problems of the model include the legal uncertainty of the TSMV concept, which creates a risk of substituting law with morality; insufficient interagency coordination; a generational value gap; and challenges related to the integration of migrants. The practical significance of the work lies in identifying systemic dysfunctions, which allows for formulating recommendations for building a more balanced dialogue between the state and civil society. Prospects for further research are seen in the application of qualitative methods (in-depth interviews, expert surveys) to analyze the subjective dimension of the interaction and the motivation of its actors.

**Keywords:** traditional Russian spiritual and moral values, state policy, civil society, national security, sovereignty, cultural sovereignty, patriotism, managed partnership, non-commercial organizations

**For citation:** Vorobyeva N.V., Filina N.V. Interaction between the state and civil society in the context of traditional spiritual and moral values. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 52 – 61.

The article was submitted: September 4, 2025; Approved after reviewing: November 2, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

На современном этапе развития Российская Федерация рассматривает сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ТДНЦ) в качестве стратегического национального приоритета, непосредственно связанного с обеспечением государственного суверенитета и безопасности [1; 2]. Актуальность данной темы обусловлена глобальным цивилизационным и ценностным кризисом, который ведет к утрате традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов. На фоне этой нестабильности базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, а также институт брака и семейные ценности подвергаются разрушительному воздействию. Как отмечается в стратегических документах, активные нападки на ТДНЦ осуществляются со стороны США, их союзников, транснациональных корпораций и иностранных неправительственных организаций, которые распространяют идеологию и социальные установки, квалифицируемые в официальном дискурсе как противоречащие традиционным ценностям народов РФ [2]. Информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета, понимаемого как совокупность факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность и быть защищенными от деструктивного идеологического воздействия [1].

Конституционной основой традиционных российских духовно-нравственных ценностей является статья 67.1 Конституции РФ [3]. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 определяет 17 ключевых ценностей, с помощью которых выстраивается взаимодействие государственной власти и гражданского общества [1]. Те же ценности фундаментально определяют понятие «культурный суверенитет», закрепленное в «Основах государственной культурной политики» в 2023 г. [2]. Официально-государственная трактовка традиционных российских духовно-нравственных ценностей внесена в важнейшие стратегические документы государства и напрямую связана с фундаментальным понятием национального суверенитета и безопасности [18, с. 36].

Целью данной статьи является комплексный анализ современной модели взаимодействия государства и гражданского общества в рамках политики по сохранению и укреплению ТДНЦ, выявление проблем правового, организационного и социокультурного характера и определение перспектив их преодоления. Центральным вопросом исследования является: как модель «управляемого партнерства» влияет на укрепление общероссийской идентичности и культурного суверенитета, и какой ценой для самостоятельности и разнообразия гражданского общества это достигается? Основная гипотеза состоит в том, что, несмотря на создание разветвленной системы институтов и финансирования, доминирование государственного заказа и идеологический контроль могут приводить к формализации взаимодействия, сужению спектра общественных инициатив и ограничению потенциала гражданского общества как независимого актора.

### Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели и решения задач в работе был применен комплекс общенаучных и частнонаучных методов, позволивших обеспечить достоверность и обоснованность полученных результатов.

На теоретическом уровне использовались: метод системного анализа, для изучения взаимодействия государства и гражданского общества как целостной системы в контексте укрепления традиционных ценностей; сравнительно-правовой метод, для анализа нормативно-правовой базы и выявления правовых коллизий в регулировании деятельности институтов гражданского общества; метод классификации, для структурирования традиционных ценностей, проектных направлений НКО и типов возникающих проблем.

На эмпирическом уровне были применены: контент-анализ стратегических документов (Указ Президента РФ № 809, Основы государственной культурной политики) и публичной отчетности фондов (ФПГ, ПФКИ) за период 2021-2025 гг; статистический анализ данных Росстата и Минэкономразвития о вкладе НКО в экономику России, а также официальных реестров Минюста России; анализ конкретных случаев для глубокого изучения успешных практик взаимодействия на примере конкретных поддержанных грантовых проектов, представленных в табл. 1.

### Результаты и обсуждения

Конституционной основой традиционных российских духовно-нравственных ценностей является статья 67.1 Конституции РФ [1]. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 определяет 17 ключевых ценностей, с помощью которых выстраивается взаимодействие государственной власти и гражданского общества [2]. Те же ценности фундаментально определяют понятие «культурный суверенитет», закрепленное в «Основах государственной культурной политики» в 2023 г. Кроме этого, ссылки на аксиологический базис российской цивилизации встречаются в ряде важных стратегических НПА, к примеру, в государственной стратегии противодействия экстремизму [3, 4].

В современной научной литературе гражданское общество рассматривается как самостоятельный субъект гражданского права, обладающий способностью к правовому взаимодействию с государством. Как отмечается в исследованиях [5, 6], связи между гражданским обществом и государственными структурами опираются на широкий социальный и ценностный фундамент. Такая трактовка подчеркивает, что устойчивость общественно-государственных отношений во многом зависит от согласованности правовых норм с духовно-нравственными ценностями [20, с. 22].

Я.И. Солодских обращает внимание на необходимость деятельного участия институтов гражданского общества в управлении национальной безопасностью, прежде всего через участие в законотворческой деятельности и осуществление общественного контроля [7]. Исследователь исходит из предположения, что только вовлечение гражданских структур в процессы выработки и реализации государственных решений способно обеспечить подлинную согласованность интересов государства и общества.

Одновременно в научной среде подчеркивается неоднородность и неоднозначность форм гражданского участия. Я.И. Солодских и ряд других авторов выделяют правовые и неправовые формы гражданской активности [8, 9]. К первым относятся политические механизмы: участие в выборах, деятельность общественных палат, законотворческие инициативы; ко вторым – митинги, кампании общественного давления, деятельность некоммерческих организаций. При этом подчеркивается, что далеко не все инициативы гражданского общества являются легитимными в правовом смысле, что порождает необходимость их институционализации и правового контроля.

Особое внимание в исследованиях уделяется вопросам функционирования неправительственных организаций (НКО). В статье М.С. Савченко подчеркивается, что одной из ключевых проблем их деятельности является зависимость от зарубежных источников финансирования [10]. Такая зависимость, по мнению автора, ведет к ангажированности прозападной повесткой, что подрывает доверие к НКО и создает угрозу национальному суверенитету.

Анализ представленных позиций позволяет выявить фундаментальное противоречие современной российской модели взаимодействия государства и гражданского общества. С одной стороны, декларируется необходимость развития гражданских институтов как основы демократии и общественного контроля, с другой – усиливаются механизмы государственного регулирования и контроля за ними. В результате складывается модель «управляемого партнерства», при которой гражданское общество включается в систему государственного управления, но в строго определенных, нормативно установленных рамках.

Такое положение отражает общую тенденцию к институционализации гражданской активности. Деятельность НКО регулируется Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ и может быть ограничена. Деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, содействующая распространению деструктивной идеологии, представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации. Некоммерческим организациям, внесенным в реестр иностранных агентов, Роскомнадзор блокирует доступ к сайту проекта на территории РФ [11].

На 23 сентября 2025 г. в «Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими» внесены 128 организаций [12]. НКО, признанные экстремистскими по вступившем в силу решению суда, в этом случае деятельность организации запрещена и участие в ней уголовно наказуемо. НКО ликвидированные судом как организации «оправдывающие экстремизм/терроризм», к примеру правозащитный центр «Мемориал» (решение Московского городского суда от 05.04.2022) [13]. 270 организаций и движений внесены в «Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» [14].

НКО по российскому финансовому законодательству получают значительные налоговые преференции и льготы. Согласно данным Росстата и Минэкономразвития, в 2024 г. вклад НКО в экономику России превысил 2,8 трлн рублей [15, 22, 23].

Рассмотрим подробнее вопрос о формах реализации НКО указа Президента № 809. Инициативы, идущие снизу-вверх, реализуемые общественными группами, и инициативы, идущие сверху вниз, продвигаемые властями, часто переплетаются или сливаются.

Одним из источников финансирования является государственная поддержка через фонды. Фонд Президентских грантов (ФПГ) и Президентский фонд культурных инициатив (ПФКИ) аккумулируют заявки на социально-значимые проекты НКО с 2025 г. ввели новый обязательный элемент в конкурсной заявке: соискатели должны отметить, какая из этих 17 ценностей отражена в их проекте, тем самым фонд увязал конкурсную политику с положениями Указа № 809 [16; 17]. Ключевым требованием стало, чтобы авторы проектов разделяли традиционно-нравственные ценности и транслировали их через конкретные инициативы.

Соотнесение традиционных российских духовно-нравственных ценностей с примерами реализации гражданским обществом проектных инициатив может быть представлена в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в социально-ориентированных поддержанных проектах некоммерческих организаций.

Table 1

Traditional Russian spiritual and moral values in socially oriented supported projects of non-profit organizations.

Ценность (Указ № 809)	Примеры проектных направлений	Примеры поддержанных заявок ФПГ, ПФКИ (URL; ссылка на номер заявки)
Жизнь	Здоровый образ жизни, профилактика рисков	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=336896f5-3797-4f96-8f3c-10d67e4aa3b0/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=336896f5-3797-4f96-8f3c-10d67e4aa3b0/</a> Фонд президентских грантов/ 2025
Достоинство	Проекты поддержки, формирования и развития правовой культуры	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=b8ea5612-d8c6-4377-b47f-4256fed63301/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=b8ea5612-d8c6-4377-b47f-4256fed63301/</a> Фонд президентских грантов/ 2025
Права и свободы человека	Гражданское просвещение, помощь заключенным	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=ba0eb4ff-d756-4bdf-8565-9bf0eee34efe/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=ba0eb4ff-d756-4bdf-8565-9bf0eee34efe/</a> / Фонд президентских грантов/ 2025
Патриотизм	Военно-исторические реконструкции, патриотические акции и проекты	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6e7f77e5-d59b-4998-a90a-c5acbe6d5988/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6e7f77e5-d59b-4998-a90a-c5acbe6d5988/</a> ФПГ/2025
Гражданственность	Повышение гражданской вовлеченности в социальную среду	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=a00857fe-bf9e-4515-a4e9-1cc8571ed389/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=a00857fe-bf9e-4515-a4e9-1cc8571ed389/</a> ФПГ/ 2025
Служение Отечеству	Волонтерские проекты, коммеморативные практики	Места памяти // ПФКИ-23-С1-004792 от 12.07.2023
Ответственность за судьбу Отечества	Проекты по сохранению природного и культурного наследия	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=199db839-a6d6-493f-8745-2a473d9fae30/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=199db839-a6d6-493f-8745-2a473d9fae30/</a> ФПГ/ 2025
Высокие нравственные идеалы	Творческие фестивали, поддержка молодых талантов в области науки и искусства	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9c02869d-79e4-4d7b-b485-cc26df0058ee/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9c02869d-79e4-4d7b-b485-cc26df0058ee/</a> ФПГ/ 2021
Крепкая семья	Фестивали семейных традиций, клубы семейного досуга, программы поддержки отцовства, материнства и детства	<a href="https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=e3b09ce8-ee4d-474c-a3dd-4c643b6b07f0/">https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=e3b09ce8-ee4d-474c-a3dd-4c643b6b07f0/</a> / ФПГ/2025

Продолжение таблицы 1  
Continuation of Table 1

Созидательный труд	Молодежные трудовые отряды, проекты профориентации, мастерские ремесел	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=92243194-ef1a-4353-97f9-dd78b48b862d/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=92243194-ef1a-4353-97f9-dd78b48b862d/ФПГ/2025</a>
Приоритет духовного над материальным	Культурно-просветительские проекты, благотворительность религиозных организаций	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=f9134d7b-e6eb-476f-8e9d-b2b4dd771ea1/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=f9134d7b-e6eb-476f-8e9d-b2b4dd771ea1/ФПГ/2025</a>
Гуманизм	Социальные акции помощи, работа с уязвимыми группами	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=db442942-a65c-4def-9e5b-6ca7cf713916/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=db442942-a65c-4def-9e5b-6ca7cf713916/ФПГ/2025</a>
Милосердие	Волонтерские центры помощи пожилым и инвалидам	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=66c3db20-9ccf-44cd-abe0-11a7d4055ac8/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=66c3db20-9ccf-44cd-abe0-11a7d4055ac8/ФПГ/2025</a>
Справедливость	Правозащитные проекты	Документальный патриотический фильм о событиях на Донбассе // ПФКИ-23-С1-004792 от 12.07.2023
Коллективизм	Командные молодежные инициативы, студотряды, волонтерские лагеря	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=f3069cc8-f692-4ca7-9c2b-154ed71149ac/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=f3069cc8-f692-4ca7-9c2b-154ed71149ac/ФПГ/2025</a>
Взаимопомощь и взаимоуважение	Проекты помощи нуждающимся, социально незащищенным группам	<a href="https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=542adb22-4c27-4345-a8be-82509ccf145f/ФПГ/2025">https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=542adb22-4c27-4345-a8be-82509ccf145f/ФПГ/2025</a>
Историческая память и преемственность поколений	Музейные проекты, архивные инициативы, сохранение устной истории и национальной памяти	ПФКИ-22-С4-004421 от 12.09.2022
Единство народов России	Межнациональные фестивали, этнокультурные центры, интеграционные проекты для мигрантов	ПФКИ-23-С1-002266 от 12.07.2023

Репрезентативный потенциал проектов НКО состоит в формировании и укреплении российской идентичности через коммеморативные практики. По форме представления – это, в основном, медиа-проекты (документальные фильмы, выставки, публичные акции), способные в сжатые сроки и непосредственно директивно донести информацию и достичь поставленной цели. Проекты, финансируемые государственными фондами используются как инструмент контр влияния общественно-опасным нарративам и способствуют социокультурной консолидации российского общества. Зачастую НКО действуют в рамках сетевого партнерства с органами местного самоуправления, ветеранскими организациями и бюджетными учреждениями культуры, что дает им необходимую инфраструктурную опору.

Взаимодействие государства и гражданского общества происходит как мобилизация ресурсов гражданских активистов, создающих культурные продукты, направленные на коммеморативные практики коллективной памяти и национального самосознания. Проекты, финансируемые ФПГ, ПФКИ в 2022-2025 гг., рассмотренные нами в качестве примера взаимодействия, занимают стратегически важную нишу в формировании публичной памяти и идеологического фундамента гражданского общества. Они выступают не просто как культурные инициативы, но как инструменты государственной политики памяти и идентичности.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет выявить несколько тенденций: доминирование патриотической и исторической тематики. Наиболее массово поддерживаются проекты, связанные с ценностями «патриотизм», «историческая память», «служение Отечеству» и «единство народов России». Общий нарратив поддержанных проектов часто связан с образом защитника Отечества, затрагивая темы Победы в Великой Отечественной войне и специальной военной операции. Основным адресатом проектов является молодежь. По форме представления – это, в основном, медиа-проекты (документальные фильмы, выставки, публичные акции). Важной характеристикой является сетевой характер реализации таких инициатив. Зачастую НКО действуют в партнерстве с органами местного самоуправления, ветеранскими организациями и бюджетными учреждениями культуры. Ретрансляция проектов в образовательную сферу происходит посредством включения их в школьные или вузовские воспитательные программы.



Таким образом, проекты, финансируемые ФПГ и ПФКИ, занимают стратегически важную нишу в формировании публичной памяти и идеологического фундамента. Они выступают не просто как культурные или социальные инициативы, но как инструменты государственной политики памяти и идентичности, целенаправленно внедряющие ценности Указа № 809 в общественное сознание.

Несмотря на создание комплексной нормативной базы и разветвленной системы финансирования, реализация государственной политики по укреплению ТДНЦ сталкивается с рядом системных проблем, которые носят правовой, организационный и социокультурный характер.

Проблемой является отсутствие четкого правового механизма реализации конституционных норм и стратегических документов, наполненных «моральным ядром». Юридическое закрепление ТДНЦ как правовой категории требует тщательной научной проработки самого понятия и выработки соответствующих дефиниций [18, с. 37].

Существует серьезный риск подмены норм права нормами морали. Поскольку ценности являются в значительной степени морально-этической категорией, их легитимация в правоприменительной практике требует точного юридического наполнения. «Предпочтение норм морали нормам закона, осуждение «не по закону, а по совести», прямо противоречит конституционным положениям и может нарушить принципы справедливости и законности» [2]. Цена вероятной ошибки в данном случае крайне высока, так как расплывчатость формулировок и широта толкования могут привести к правовой неопределенности и произволу [19, с. 16].

На сегодняшний день, как отмечают эксперты, в базовых отраслевых законах, например, в Основах законодательства о культуре, ничего не говорится о традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Следовательно, реализация Указа Президента РФ № 809 требует серьезных изменений в законодательстве, комплексной ревизии и обновления законодательных и подзаконных актов на предмет защиты традиционных ценностей [21, с. 5].

Для эффективной реализации Госполитики необходима межведомственная координация и взаимодействие органов власти всех уровней. Однако недостаточная эффективность этой координации продолжает оставаться одной из основных проблем реализации государственной культурной политики в целом.

Хотя задачи защиты ТДНЦ в наибольшей степени отнесены к полномочиям регионов, анализ показывает, что некоторые стратегические задачи, например, по «защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия», не всегда в полной мере находят отражение в региональных стратегиях планирования.

Проведенные социологические исследования выявляют устойчивый ценностный разрыв между поколениями. С одной стороны, большинство россиян (65% опрошенных) стабильно выражают согласие с тем, что важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности. Абсолютным приоритетом для всех поколений остается крепкая семья [24; 26].

С другой стороны, молодежь (поколение цифры и младшие миллениалы) значительно чаще ставит под сомнение безусловный приоритет традиции. Среди молодежи до 25 лет доля несогласных с утверждением о необходимости всегда следовать принципам составляет 53%. В то время как старшие поколения в большинстве своем поддерживают и сохраняют традиции, молодежь чаще акцентирует ценности самореализации и дружбы. Данный разрыв указывает на необходимость поиска новых, адекватных форм и каналов трансляции ТДНЦ молодежной аудитории [24, 26].

Миграция представляет собой сложный вызов для сохранения ценностного единства. Приток мигрантов, имеющих мировоззрение, сформированное в иной социокультурной среде, может оказать негативное воздействие на систему ТДНЦ, если эти лица не разделяют или отрицают их. Это неминуемо ведет к «столкновению ценностей, порождающему социальную напряженность» [2]. В связи с этим предлагается ориентировать миграционную политику на юридический приоритет традиционных ценностей. Мерами видятся: усиление работы на «предмиграционном этапе» по подготовке потенциальных мигрантов к русскому языку, традициям и культуре России, в том числе в партнерстве со странами исхода; рассмотрение возможности проверки отношения новых граждан к ТДНЦ при получении гражданства РФ [25, с. 15].

Таким образом, на пути консолидации общества вокруг традиционных ценностей стоит комплекс взаимосвязанных проблем, требующих не точечных мер, но системного и сбалансированного подхода.

### Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в современной России сформировалась модель взаимодействия государства и гражданского общества, которую можно определить, как «управляемое партнерство». Эта модель является прямым следствием признания традиционных российских духовно-

нравственных ценностей (ТДНЦ) основой культурного и государственного суверенитета [18, с. 38; 20, с. 24].

Система «управляемого партнерства» функционирует через дихотомию стимулов и ограничений. С одной стороны, создаются финансовые и организационные стимулы для лояльных институтов гражданского общества. С другой стороны, в отношении нежелательных организаций применяется комплекс жестких ограничительных мер.

Таким образом, декларируемая модель «партнерства» на практике является моделью государственного идеологического контроля. Основное противоречие между заявленными целями и реальными механизмами регулирования является системным свойством данной модели. Ее «проблемы» – это прямые следствия логики управляемости, которая ставит лояльность выше автономии.

Однако эффективность этой модели ограничивается рядом серьезных проблем:

1. Правовые проблемы, основной из которых является отсутствие четких юридических дефиниций ТДНЦ [18, с. 37; 19, с. 17].

1. Организационные проблемы, связанные с недостаточной межведомственной координацией.

2. Социокультурные вызовы, такие как ценностный разрыв между поколениями.

Таким образом, дальнейшее укрепление России возможно лишь при условии планомерного преодоления этих дисфункций. В качестве перспективы для дальнейшей разработки темы видится проведение глубинных интервью и экспертных опросов с руководителями НКО, представителями государственных органов и членами общественных палат.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что модель «управляемого партнерства» является эффективным инструментом для мобилизации гражданского общества и формирования единого идеологического поля. Однако ее эффективность в достижении подлинной консолидации общества остается под вопросом.

Устранение выявленных дисфункций требует пересмотра самого подхода к роли гражданского общества. В долгосрочной перспективе устойчивость отношений будет зависеть от способности государства признать за гражданским обществом право на автономию и конструктивную критику. Таким образом, перспектива дальнейших исследований видится в анализе того, как в рамках существующей модели могут быть созданы условия для более равноправного диалога [21, с. 12].

#### Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (дата обращения: 09.08.2025)

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 27.09.2025)

3. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 27.08.2025)

4. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации" / Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 27.08.2025)

5. Чуйченко К.А., Кропачев Н.М., Кондуров В.Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-rossiyskie-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-kontekste-sovremennoy-pravovoy-politiki> (дата обращения: 11.07.2025).

6. Васильев С.А. Гражданское общество и его институты в теории соотношения субъектов конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-ego-instituty-v-teorii-sootnosheniya-subektov-konstitutsionnogo-prava> (дата обращения: 11.07.2025)

7. Солодских Я.И. Обеспечение национальной безопасности в контексте совершенствования управленческой деятельности гражданского общества посредством доступных правовых механизмов // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-v-kontekste-sovershenstvovaniya-upravlencheskoy-deyatelnosti-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 11.07.2025)

8. Орлов К.А. Формы связи государства и гражданского общества // Наука. Общество. Государство. 2025. № 1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-svyazi-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 11.07.2025)

9. Самородов В.Ю. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества в ракурсе общих тенденций цифровизации в правовой сфере (постановка проблемы) // Вестник СГЮА. 2025. № 2 (163). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-sotvorchestvo-publichnoy-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva-v-rakurse-obschih-tendentsiy-tsifrovizatsii-v-pravovoy-sfere> (дата обращения: 11.07.2025)
10. Савченко М.С., Малиновский О.Н., Чешин А.В., Гончаров В.В. О некоторых вопросах деятельности филиалов и представительств международных неправительственных организаций в области поддержки гражданского общества // Вестник Марийского государственного университета. Серия: «Исторические науки. Юридические науки». 2025. Т. 11. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-deyatelnosti-filialov-i-predstavitelstv-mezhdunarodnyh-nepravitelstvennyh-organizatsiy-v-oblasti-podderzhki> (дата обращения: 11.07.2025)
11. Реестр иностранных агентов: Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 11.07.2025)
12. Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими: Министерство юстиции Российской Федерации. <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 23.07.2025)
13. Информация по делу № За-2667/2021 | Информация по административным делам первой инстанции | Информация по судебным делам | Сервисы | Московский городской суд | Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы // <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/efb978c1-41f7-11ec-b0f8-39fae42e77fc?participants=Мемориал> (дата обращения: 27.07.2025)
14. Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации: Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 27.07.2025)
15. Количество СОНКО в 2024 году превысило 133 тысяч организаций | Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: [https://www.economy.gov.ru/material/news/kolichestvo\\_sonko\\_v\\_2024\\_godu\\_prevysilo\\_133\\_tysyach\\_organizatsiy.html](https://www.economy.gov.ru/material/news/kolichestvo_sonko_v_2024_godu_prevysilo_133_tysyach_organizatsiy.html) (дата обращения: 27.07.2025)
16. Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/?host=https> (дата обращения: 27.07.2025)
17. Президентский фонд культурных инициатив. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/> (дата обращения: 27.07.2025)
18. Ежов Д.А. Традиционные ценности как объект правовой защиты // Современное право. 2024. № 4. С. 36 – 39.
19. Кашкина Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Часть первая // Российский судья. 2024. № 9. С. 16 – 19.
20. Кузнецова А.А. Духовно-нравственные ценности в праве России: конституционные основы становления и развития // Современное право. 2025. № 1. С. 22 – 25.
21. Митин А.Н., Лебедев Д.В. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве // Современное право. 2024. № 9. С. 5 – 17.
22. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб./Росстат. М., 2024. 630 с.
23. Социально-экономическое положение России: январь-август 2025 года / Федер. служба гос. статистики. М.: Росстат, 2025. 279 с.
24. Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс]: аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 20.03.2025)
25. Хужина О.Н. Миграционные процессы в России сквозь призму традиционных духовно-нравственных ценностей: теоретико-правовой аспект // Миграционное право. 2024. № 4. С. 14 – 17.
26. Ценности современного российского общества [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-sovremennogo-rossijskogo-obshhestva> (дата обращения: 20.03.2025)

## References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). ConsultantPlus. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (date of access: 09.08.2025)
2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (date of access: 27.09.2025)
3. Decree of the President of the Russian Federation of 24.12.2014 No. 808 President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (date of access: 27.08.2025)
4. Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation". President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (date of access: 27.08.2025)
5. Chuychenko K.A., Kropachev N.M., Kondurov V.E. Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Context of Modern Legal Policy. Jurisprudence. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-rossiyskie-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-kontekste-sovremennoy-pravovoy-politiki> (date of access: 11.07.2025).
6. Vasiliev S.A. Civil society and its institutions in the theory of the relationship between subjects of constitutional law. Actual problems of Russian law. 2025. No. 3 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-ego-instituty-v-teorii-sootnosheniya-subektov-konstitutsionnogo-prava> (date of access: 11.07.2025)
7. Solodskikh Ya.I. Ensuring national security in the context of improving the management activities of civil society through available legal mechanisms. Eurasian Advocacy. 2025. No. 1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-v-kontekste-sovershenstvovaniya-upravlencheskoy-deyatelnosti-grazhdanskogo-obschestva> (date of access: 11.07.2025)
8. Orlov K.A. Forms of communication between the state and civil society. Science. Society. State. 2025. No. 1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-svyazi-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obschestva> (date of access: 11.07.2025)
9. Samorodov V.Yu. Legal Co-creation of public authorities and civil society in the context of general trends of digitalization in the legal sphere (problem statement). Bulletin of SSLA. 2025. No. 2 (163). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-sotvorchestvo-publichnoy-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva-v-rakurse-obschih-tendentsiy-tsifrovizatsii-v-pravovoy-sfere> (date of access: 11.07.2025)
10. Savchenko M.S., Malinovsky O.N., Cheshin A.V., Goncharov V.V. On some issues of the activities of branches and representative offices of international non-governmental organizations in the field of civil society support. Bulletin of the Mari State University. Series: "Historical Sciences. Legal Sciences". 2025. Vol. 11. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-voprosakh-deyatelnosti-filialov-i-predstavitelstv-mezhdunarodnyh-nepравителstvennykh-organizatsiy-v-oblasti-podderzhki> (date of access: 11.07.2025)
11. Register of foreign agents: Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (date of access: 11.07.2025)
12. List of organizations recognized as extremist in accordance with the legislation of the Russian Federation: Ministry of Justice of the Russian Federation. <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (date of access: 23.07.2025)
13. Information on case No. 3a-2667/2021. Information on first-instance administrative cases | Information on court cases. Services. Moscow City Court. Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/efb978c1-41f7-11ec-b0f8-39fae42e77fc?participants=Мемориал> (accessed on July 27, 2025)
14. List of foreign and international organizations whose activities are recognized as undesirable in the Russian Federation: Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (accessed on July 27, 2025)
15. The number of non-profit organizations in 2024 exceeded 133 thousand organizations. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: [https://www.economy.gov.ru/material/news/kolichestvo\\_sonko\\_v\\_2024\\_godu\\_prevysilo\\_133\\_tysyach\\_organizatsiy.html](https://www.economy.gov.ru/material/news/kolichestvo_sonko_v_2024_godu_prevysilo_133_tysyach_organizatsiy.html) (date of access: 27.07.2025)
16. Presidential Grants Fund. URL: <https://преследскиегранты.рф/?host=https> (date of access: 27.07.2025)
17. Presidential Fund for Cultural Initiatives. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/> (date of access: 27.07.2025)
18. Yezhov D.A. Traditional Values as an Object of Legal Protection. Modern Law. 2024. No. 4. P. 36 – 39.

19. Kashkina E.V. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as an Object criminal-legal protection. Part one. Russian judge. 2024. No. 9. P. 16 – 19.
20. Kuznetsova A.A. Spiritual and moral values in Russian law: constitutional foundations of formation and development. Modern law. 2025. No. 1. P. 22 – 25.
21. Mitin A.N., Lebedev D.V. Spiritual and Moral Values in Russian Legal Documents: Reflection in the Information Space. Modern Law. 2024. No. 9. P. 5 – 17.
22. Russian Statistical Yearbook. 2024: Statistical Collection. Rosstat. Moscow, 2024. 630 p.
23. Socioeconomic Situation in Russia: January-August 2025. Federal State Statistics Service. Moscow: Rosstat, 2025. 279 p.
24. Traditional Values: Expectations and Reality [Electronic resource]: Analytical Review. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (date of access: 20.03.2025)
25. Khuzhina O.N. Migration processes in Russia through the prism of traditional spiritual and moral values: theoretical and legal aspect. Migration law. 2024. No. 4. P. 14 – 17.
26. Values of modern Russian society [Electronic resource]. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-sovremennogo-rossijskogo-obshhestva> (date of access: 20.03.2025)

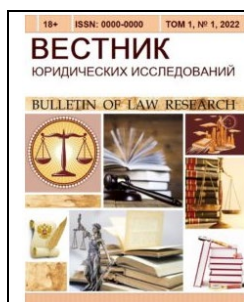
### **Информация об авторах**

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения

Филина Н.В., кандидат политических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения

© Воробьева Н.В., Филина Н.В., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.1

### ***Концепция реализации принципов законного и справедливого государства на современном этапе в Российской Федерации***

<sup>1</sup> Бочков П.В.,

<sup>1</sup> Уральский институт государственной противопожарной службы МЧС России

**Аннотация:** во все времена отечественной истории борьба с преступностью была одной из главных функций российского государства. Её формы и методы менялись в зависимости от исторической обстановки и общественного развития, а успехи достигались упорной профессиональной работой специальных органов, занятых расследованием преступлений. Актуальность темы обусловлена в полном либо частичном несоблюдении принципов работы следственных органов. Большинство уголовных дел, дошедших на сегодняшний момент до суда, считаются незначительными преступлениями. В правоприменительной практике малое количество применения мер пресечения, альтернативного содержанию под стражей.

**Ключевые слова:** общеправовые принципы, преступления, законное и справедливое государство, РФ, открытость расследований, меры наказания

**Для цитирования:** Бочков П.В. Концепция реализации принципов законного и справедливого государства на современном этапе в Российской Федерации // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 62 – 67.

Поступила в редакцию: 6 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***The concept of implementing the principles of a legitimate and just state at the present stage in the Russian Federation***

<sup>1</sup> Bochkov P.V.,

<sup>1</sup> Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

**Abstract:** throughout Russian history, the fight against crime has been one of the main functions of the Russian state. Its forms and methods varied depending on the historical situation and social development, and successes were achieved through the hard professional work of special agencies involved in the investigation of crimes. The relevance of the topic is due to the complete or partial non-compliance with the principles of the investigative authorities. Most of the criminal cases that have reached court so far are considered minor crimes. In law enforcement practice, there is a small number of use of preventive measures as an alternative to detention.

**Keywords:** general legal principles, crimes, a lawful and fair state, the Russian Federation, openness of investigations, penalties

**For citation:** Bochkov P.V. The concept of implementing the principles of a legitimate and just state at the present stage in the Russian federation. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 62 – 67.

The article was submitted: September 6, 2025; Approved after reviewing: November 3, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### **Введение**

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин многократно затрагивал тему «справедливого и гуманного наказания», а именно: «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошёл на тяжкое преступление, нанёс ущерб жизни людей, интересам общества и государства. И конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [8]. Сказав тезисно отметим- необходима гуманизация права и его применения.

Далее, в начале прошлого 2024 года, в своем Послании Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н, Глава государства акцентировал внимание на проведении предварительного расследования, в которой в частности имеется системная проблема в виде различного рода нарушений законных принципов исполнения своих полномочий, на которые контролирующие органы не обращают внимания [9].

### **Материалы и методы исследований**

Внедрение основополагающих принципов законности и справедливости в деятельность государственного механизма остаётся приоритетной задачей для Российской Федерации в текущей периодически изменяющейся политической, экономической и социальной среде. В таких условиях необходимость в поддержании высокой эффективности работы властных институтов и органов правосудия выходит на первый план.

Конституционные права и свободы граждан, равноправие перед законом, независимость суда, а также ответственность властных структур перед гражданами выступают как основополагающие принципы для законопослушного и честного государства. Важность адаптации данных концепций к современным временным рамкам и учет специфики российского социума в данном контексте несомненна.

### **Результаты и обсуждения**

Фундаментальные компоненты любого национального устройства, включая Российскую Федерацию, составляют основные принципы законности и справедливости. Определение взаимоотношений между государственными структурами и гражданами, регулирование прав и обязанностей индивидов, а также установление порядка соблюдения законодательства и неприкосновенность человеческих прав—все это они формируют [3]:

- Верховенство права, являющееся основным принципом законности и справедливости на территории современной России, подразумевает равенство всех граждан перед законом, независимо от их статуса или профессиональной деятельности. Никто не имеет право стоять выше законных рамок или освободиться от ответственности в случае их нарушения. Такой принцип играет ключевую роль в обеспечении справедливого судебного рассмотрения каждой ситуации и в защите прав каждого человека [5].

- Принцип разделения властей является второстепенной основой законности и справедливости, утвержденной в Конституции Российской Федерации. Он заключается в делении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [4]. Разделяя власти на эти три структуры, документ подчеркивает, что каждая из них должна соблюдать сферу своих уполномочий, не вторгаясь в полномочия другой ветви. Такой порядок служит защитой от волюнтаризма, предоставляя гражданам возможность защищать свои права, обращаясь в надлежащие властные структуры [5].

- Основываясь на законах, презумпция невиновности действует как третий краеугольный камень в фундаменте законности и справедливости. Каждый обвиняемый сохраняет статус невиновности до судебного определения его вины. Статус этого принципа способствует защите законных прав любого гражданина России на справедливое, непредвзятое рассмотрение дела в суде, гарантируя возможности для оправдательной аргументации и предоставления доказательств невинности. Презумпция невиновности служит одним из столпов справедливой законной судебной системы РФ.

- Один из основных принципов, обеспечивающих законность и справедливость, это свобода суда. Согласно Конституции РФ, судебная власть функционирует на расстоянии от других властей, гарантируя непрерывную независимость [1, 2]. Не подлежит судебная система воздействиям снаружи и любым вмешательствам, что основателен в крепости судебных инстанций при осуществлении вердиктов и охране от давлений, будь то политические или другие. Важность свободы суда стоит особняком в контексте поддержания регламентов правового порядка и справедливости на территории современной России.

- Принцип справедливости и законности, являющийся пятым в списке, особенно выделяет значение правосудия в том числе его реформирование. В Российской Федерации проведению реформ и совершенству в системе правопорядка уделяется пристальное внимание. В результате продолжительной работы и компромиссов приоритетно стремятся к соблюдению процедурные нормы, снижению времени рассмотрения дел, повышению стандартов качества правосудных решений и гарантии защиты правовых интересов участников процесса.

В качестве заключения отметим значимость основ государственной деятельности в обществе как справедливости и законности, несущих ключевую роль в укреплении основ Российской Федерации, гарантирующих защиту прав и свобод граждан. Стремление к адаптации данных принципов к современным изменениям в социуме и научно-техническом прогрессе, а также усовершенствование этих столпов, все это привносит вклад в создание благоприятных условий для формирования справедливого и законного государственного строительства в России.

Фундаментальный принцип законного и справедливого государства составляет основу современного правового государства, заключающееся в том, что действие власти подчинено законам и направлено на справедливость. Важнейшие аспекты данной концепции раскрываются следующим образом:

- Законность подразумевает выполнение всех государственными структурами своих функций строго в соответствии с нормами права и под наблюдением общественности. Законы формируются путем демократических процедур и доступны для осмысления каждого члена общества.
- Обязанности государства включают обеспечение справедливости в распределении благ и бремен среди граждан, а также в сфере судопроизводства.
- Защита индивидуальных и политических прав, благосостояние свобод человека и гражданина воспринимается как ведущая обязанность государства, ответственного за права и свободы.
- Ответственность органов власти: Ответственными за решения и действия перед населением являются представители власти. В целях исключения возможности злоупотреблений функционирует механизм сдержек и противовесов.
- Культура правовая: Устойчивое поддержание высоких стандартов в области правовой культуры и осознания населением правовых норм укрепляет принципы законности и справедливости.

В современной реальности данные принципы находят своё воплощение через развитие демократических институтов, независимость судебной системы, свободу СМИ и активность гражданского общества. Это обстоятельство обуславливает возможности непрерывного диалога между государственными структурами и обществом, что, в свою очередь, способствует более эффективной и честной организации управленческих процессов.

Осуществление принципов законности и справедливости в РФ считается принципиальной задачей, текущей государственной политики. Достижение данной намеченной цели подразумевает активацию правовых и социальных инструментов, его залог – соблюдение установленного законодательства, обеспечение защиты индивидуальных прав и интересов граждан, и при этом, гарантия справедливого и равноправного положения перед лицом закона.

Основу для реализации идеи справедливого и законного государственного управления вселило уважение ко правовым нормам. В это вписывается деятельность государственных учреждений, которым выпало действовать рамками законности, учитывая не только права, но и свободы населения, при этом отказываясь от произвольности в решениях. Такой порядок обязует уважать право на защиту через судебные органы, а также гарантирует неприкосновенность личного пространства и конфиденциальность переписки. Содействие соблюдению норм и правил этим обеспечивает функционирование власти в правовых рамках, что укрепляет основы правового государства.

Не только соблюдение правовых норм важно для функционирования законного и справедливого государства, но и наличие эффективной судебной системы. Ключевую роль в этой системе играет суд, имеющий полномочия по разрешению споров и конфликтов, защите прав граждан и наказанию преступников, основываясь на законах. Эффективность и справедливость этой системы напрямую зависят от обеспечения независимости и неприкосновенности судей, а также от доступности правосудия для всех слоев населения. Многочисленные механизмы, такие как гарантии независимости судебной власти, презумпция невиновности, и право на защиту определяют принципы функционирования судебной системы в Российской Федерации. Тем не менее, стремление к реализации полной концепции справедливого государства подталкивает к непрерывному совершенствованию судебной системы, улучшению качества работы и обеспечению доступности правосудия для всех граждан.



Не только правовые, но и социальные механизмы существенны для воплощения идеи законного и справедливого государства, представляя собой направленные усилия по установлению равенства, справедливости и защите социальных прав граждан. Основным элементом в арсенале социальных механизмов служит государственная социальная политика, включающая в себя комплекс мер по социальной поддержке, помощи малообеспеченным слоям населения и улучшению качества жизни. В ее рамках, кроме того, предусмотрены программы противодействия коррупции, укрепления прозрачности и открытости в принципах государственного управления, контролируемых за выполнением соответствующих инициатив.

Способствование реализации концепции государства, основанного на законности и справедливости, направлено также на образование. Оно тесно связано с глубоким усвоением основ права, правил социального взаимодействия, а образовательный процесс направлен на возрастание правосознания. В связи с этим, кроме того, важное значение приобретает интеграция правовых дисциплин в школьные программы, правовая пропаганда, оказывающая влияние на уровень юридической осведомленности, формирование уважения к правам человека, что подкрепляется проведением тематических мероприятий для формирования правовой культуры.

При этом, достижение принципа справедливости и законности в устройстве государства в России осуществляется через интеграцию механизмов правового и социального плана. Совместная работа в области образовательных программ, судебной и социальной деятельности, контроля за законностью становится основой для создания идеалов правового, справедливости ориентированном государстве.

За последние несколько десятилетий, Российская Федерация находилась под воздействием непрекращающихся перемен и проводилась серия реформ. В этот период страна испытала значительные трансформации в политической, экономической и социальной сферах. В таком контексте, особо актуальным становится ведение диалога о направлениях дальнейшего развития и совершенствования принципов правового и справедливого общества в условиях Российской Федерации.

Одна из ключевых целей для улучшения представляющей собой концепцию - это модернизация, а также дальнейшее развитие системы правовых норм в государстве. Непрерывная работа по укреплению и усовершенствованию законодательной базы необходима для установления ясных, прозрачных правил и законов, служащих фундаментом деятельности государства и защиты прав граждан. Кроме того, следует сформировать независимую и эффективную судебную систему, обеспечивающую справедливое и непрерываемое рассмотрение дел.

Дальнейшим вектором совершенствования идеи законности и справедливости в РФ может стать укрепление основ гражданского общества. Считается значимым участником в процессах формулирования государственной политики и осуществления контроля за действиями государственных органов. Усиление и рост гражданского общества способствует не только увеличению участия общественности в решении вопросов, но и, кроме того, повышает общую активность в его рамках.

Одним из аспектов совершенствования концепции легитимного государства в Российской Федерации выступает борьба против коррупции, серьезно угрожающей принципам законности и справедливости; реализация системных реформ в государственных учреждениях, направленных на осуществление условий прозрачности и открытости, остаётся приоритетной для достижения поставленных целей [10]. Наряду с укреплением ответственности и наращиванием полномочий правоохранительных структур, решение указанной проблемы предполагает существенное ужесточение мер наказания за коррупционные проступки, что способствует повышению общей эффективности контрольно-надзорных функций.

Обеспечивать развитие концепции справедливого и законного государства означает гарантировать равные права и свободы каждому индивиду в рамках закона. Фокус на работе по охране прав как уязвимых групп, так и меньшинств обязателен. В рамках устранения насилия и дискриминации, очень важно также стремиться к предоставлению равных возможностей для всех жителей страны [11].

Укрепление интернациональных связей считается перспективным направлением развития для улучшения концепции легитимного и честного государства в Российской Федерации. Как неотъемлемая часть мирового сообщества, Россия имеет задачу активного участия в решении универсальных изменений и добавлении к международным легислативным и юридическим стандартам. Внешнеполитическое сотрудничество обуславливает возможности для обменивания практиками и передачи передовых методик, что повышает качество концепции легитимного и справедливого государственного строя.

### Выводы

Связь между укреплением государственной справедливости и законности в Российской Федерации и совершенствованием правовой базы, заключается в многоаспектности: укрепление базовых гражданских структур, активная борьба с коррупционными явлениями, стремление к равным условиям перед силой закона, защита прав человека, а также расширение международных партнёрств. Вкупе, все эти направления способны поднять планку справедливости и законности, что, важно учитывая насущные вызовы современного мира и требования общества.

### Список источников

1. Бабурин С.Н. На пути к нравственному государству: представления о справедливом обществе без государства // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2020. № 1 (23). С. 20 – 28. DOI 10.21777/2587-9472-2020-1-20-28
2. Бекиева М.О., Пovyшева А.М. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод граждан: значение конституционной реформы 2020 года // Лига исследователей МГПУ: сборник статей студенческой открытой конференции: в 4 т., Москва, 21-25 ноября 2022 года. Т. 1. Москва: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 253 – 261.
3. Городилов А.А. Государственное устройство и право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Директ-Медиа, 2023. 428 с. ISBN 978-5-4499-3412-3.
4. Ковалев А.В. Место исполнительной власти в механизме разделения властей и ее соотношение с государственным управлением // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2022. № 4 (46). С. 43 – 46.
5. Кудрявцев Ю.А. Верховенство права в условиях современного демократического государства: базовый принцип, субъективное право или законный интерес? // Проблемы защиты прав: история и современность: XV Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 29 октября 2020 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 33 – 35.
6. Лобжанидзе С.Н., Ефремов Г.Г. Верховенство закона как основа правового государства // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2020. № 17. С. 42 – 47.
7. Протасов В.Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 368 с.
8. Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015 г. б/н [Электронный ресурс] – Доступ из официального сайта «Президент России». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения: 06.07.2025)
9. Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н [Электронный ресурс] – Доступ из официального сайта «Президент России». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1> (дата обращения: 06.07.2025)
10. Румянцева Е.Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 322 с.
11. Хохлова А.Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы // Юридические исследования. 2025. № 4. С. 78 – 92. DOI 10.25136/2409-7136.2025.4.74320

### References

1. Baburin S.N. Towards a Moral State: Concepts of a Just Society without a State. Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2, Legal Sciences. 2020. No. 1 (23). P. 20 – 28. DOI 10.21777/2587-9472-2020-1-20-28
2. Bekieva M.O., Povyshcheva A.M. The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Protecting the Rights and Freedoms of Citizens: The Significance of the 2020 Constitutional Reform. League of Researchers of Moscow City Pedagogical University: Collection of Articles from a Student Open Conference: in 4 volumes, Moscow, November 21–25, 2022. Vol. 1. Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2022. P. 253 – 261.
3. Gorodilov A.A. State structure and law: textbook. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Direct-Media, 2023. 428 p. ISBN 978-5-4499-3412-3.
4. Kovalev A.V. The place of executive power in the mechanism of separation of powers and its relationship with public administration. Russian science and education today: problems and prospects. 2022. No. 4 (46). P. 43 – 46.

5. Kudryavtsev Yu.A. The rule of law in a modern democratic state: a basic principle, a subjective right, or a legitimate interest? Problems of rights protection: history and modernity: XV International scientific and practical conference, St. Petersburg, October 29, 2020. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2021. P. 33 – 35.

6. Lobzhanidze S.N., Efremov G.G. The Rule of Law as the Basis of a Rule of Law State. Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law. 2020. No. 17. P. 42 – 47.

7. Protasov V.N. Theory of State and Law: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 368 p.

8. Address of the President of the Russian Federation dated December 3, 2015, no. number [Electronic resource] – Accessed from the official website of the "President of Russia". Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (date accessed: 06.07.2025)

9. Message of the President of the Russian Federation dated 29.02.2024 without number [Electronic resource] – Access from the official website "President of Russia". Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1> (date accessed: 06.07.2025)

10. Rumyantseva E.E. Anti-corruption: textbook and practical training for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 322 p.

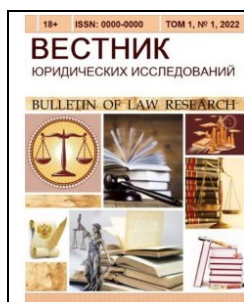
11. Khokhlova A.D. Protection of legitimate (lawful) expectations as a key aspect of the principle of maintaining citizens' trust in the law and state actions: foreign and Russian approaches. Legal studies. 2025. No. 4. P. 78 – 92. DOI 10.25136/2409-7136.2025.4.74320

#### **Информация об авторе**

Бочков П.В., кандидат экономических наук, доцент, Уральский институт государственной противопожарной службы МЧС России

© Бочков П.В., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.8

### *Современные тенденции преступности несовершеннолетних в России*

<sup>1</sup> Павлов С.И.,

<sup>1</sup> Международный юридический институт

**Аннотация:** преступность несовершеннолетних – это самостоятельный вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений и лиц, которые их совершили. Данное противоправное явление – результат существующей в стране ситуации, степень выраженности негативных явлений и процессов, происходящих в государстве, опасность противоречий, которые становятся причинами криминальных настроений. Несмотря на общее снижение уровня подростковой преступности на 3,4 % в 2024 году, наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений на 22 %, а также увеличение групповой преступности. Цель исследования – выявить ключевые тенденции и детерминанты преступности несовершеннолетних в современной России и разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию системы профилактики и разработки целевых программ в данном направлении. В ходе исследования было определено, что элементом политики предупреждения преступности несовершеннолетних во все времена была социализация личности. Социализация личности – как процесс интеграции индивида в социальную среду и усвоения ее норм, правил и ценностей, происходит постепенно. По мере того, как продолжается или завершается обучение в школе, колледже юноша или девушка начинают понимать свою роль в обществе, получают все больший опыт межличностных отношений, все лучше ориентируются в социальных нормах и правилах поведения. К сожалению, так происходит не всегда, так как процесс социализации личности может быть не только позитивно направленным, но и негативным.

**Ключевые слова:** преступность, несовершеннолетние, рецидив, групповая преступность, девиация, подросток, профилактика, факторы

**Для цитирования:** Павлов С.И. Современные тенденции преступности несовершеннолетних в России // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 68 – 74.

Поступила в редакцию: 7 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### *Current trends in juvenile delinquency in Russia*

<sup>1</sup> Pavlov S.I.,

<sup>1</sup> International Law Institute

**Abstract:** juvenile delinquency is an independent type of crime, which is a combination of crimes and the persons who committed them. This illegal phenomenon is the result of the existing situation in the country, the degree of severity of negative phenomena and processes taking place in the state, the danger of contradictions that become the causes of criminal sentiments. Despite an overall 3.4% decrease in juvenile delinquency in 2024, there has been a 22% increase in serious and especially serious crimes, as well as an increase in group crime. The purpose of the study is to identify key trends and determinants of juvenile delinquency in modern Russia and to develop scientifically sound proposals for improving the prevention system and developing targeted programs in this area. In the

course of the study, it was determined that the socialization of personality has always been an element of juvenile delinquency prevention policy. Personality socialization is the process of integrating an individual into a social environment and understanding its norms, rules, and values. It occurs gradually. As a young man or woman continues or completes his studies at school or college, he or she begins to understand his or her role in society, gains more and more experience in interpersonal relationships, and becomes better versed in social norms and rules of behavior. Unfortunately, this does not always happen, since the process of socialization of a person can be not only positively directed, but also negative. The research methodology is based on an interdisciplinary approach combining criminological, sociological and legal analysis. Methods of statistical data processing, comparative legal analysis of legislation, as well as the study of sociological research materials were used.

**Keywords:** crime, minors, recidivism, gang crime, deviation, teenager, prevention, factors

**For citation:** Pavlov S.I. Current trends in juvenile delinquency in Russia. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 68 – 74.

The article was submitted: September 7, 2025; Approved after reviewing: November 4, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

В настоящее время девиантное поведение подростков вызывает особую озабоченность в обществе. К уже существующим формам девиации все время добавляются новые формы. Такие формы проявления девиантного поведения несовершеннолетними зачастую шокируют общественность уровнем агрессии и жестокости. Отмеченная нами проблема занимает ведущие позиции рейтинга самых актуальных вопросов на сегодняшний день. История показывает, что криминализация общества возрастает на фоне социально-экономических и внутривнутриполитических преобразований, происходит в т.ч. рост безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних. При этом стоит отметить, что ранняя преступность представляет собой социально опасное явление, т.к. имеет рецидивный характер.

### Материалы и методы исследований

При написании работы использовались официальные статистические данные, информация сети Интернет, затрагивающие различные аспекты исследуемой темы. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, сочетающем криминологический, социологический и правовой анализ. Использовались методы статистической обработки данных, сравнительно-правовой анализ законодательства, а также изучение материалов социологических исследований.

### Результаты и обсуждения

Официальные параметры статистики позволяют констатировать, не смотря на то, что уровень преступности несовершеннолетних за 2024 год в сравнении с предшествующим годом сократился на 3,4%, но число особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними выросло на 22%. Сокращение доли общем числе преступлений не является показателем снижения подростковой преступности, так как динамика трансформируется под влиянием изменений возрастной структуры населения. Отличительным признаком современного состояния преступности несовершеннолетних является групповой способ совершения преступления (доля групповых преступлений в среде подростков составляет более 40%), также в последнее время наблюдается тенденция увеличения числа преступлений, характеризующихся жестокостью, цинизмом, изощренными издевательствами, а также убежденностью в правильности своих действий.

Также в 2024 году наблюдался рост числа преступлений подростков из семей мигрантов на 10 %, среди которых большинство отнесены к категории особо тяжких деяний.

На данный момент в нашей стране более 400000 подростков состоят на профилактическом учете, а четверть из них совершают правонарушения повторно. Это свидетельствует о недостаточной организации профилактической работы, так как большую часть повторных преступлений дают несовершеннолетние, ранее отбывавшие наказания в воспитательных колониях. Недостатки в проведении усовершенствованной профилактической работы с несовершеннолетними, которые ранее уже совершали преступления и состоят на учете, являются значительной проблемой, на которую необходимо обращать особое внимание отвечающим за профилактическую систему. Полиция в большей степени сосредоточена главным образом на выявлении несовершеннолетних, которые находятся в социально опасном положении. Тем не менее, для сдерживания роста преступности среди подростков необходимо проводить комплексную профилактику, которая также включает в себя раннее предупреждение преступлений, который совершают несовершеннолетние.

Феномен детской преступности и разработка мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей формировались в рамках длительного историко-правового развития, отражая эволюцию представлений о справедливости и социальной ответственности. Уже в трудах античных философов и мыслителей эпохи Просвещения прослеживалось осознание приоритета превентивных стратегий над репрессивными мерами. Чезаре Беккариа в своей классической работе акцентировал, что истинная цель законодательства заключается не в наказании, а в предотвращении преступлений через создание условий для достижения общественного блага. Эта концепция, связывающая эффективность правовых норм с их способностью минимизировать социальные противоречия, заложила методологическую основу для современных криминологических исследований. Теоретические основы государственного регулирования девиантного поведения разрабатывались в контексте взаимодействия правовых и этических механизмов. С.Г. Чаадаев, анализируя природу социального контроля, выделял два взаимодополняющих вектора: формирование нравственных ориентиров через институты гражданского общества и применение формализованных правовых процедур государственными структурами. Современные интерпретации этой дихотомии, как отмечает А.Н. Харитонов, предполагают системную деятельность уполномоченных органов по нейтрализации общественно опасных форм поведения, где правовое принуждение сочетается с воспитательно-профилактическими методами. Ключевой задачей такой деятельности, по убеждению В.Н. Кудрявцева, становится достижение управляемой динамики преступности через поэтапное сокращение её количественных показателей и смягчение качественных характеристик в региональном и видовом аспектах. Данный подход интегрирует исторический опыт философско-правовой мысли с требованиями современной криминологической политики, ориентированной на комплексную трансформацию причин делинквентного поведения [12].

Развитие и воспитание несовершеннолетних признается одной из главных задач современного государства, закрепленных в Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах. Государство обязано создавать необходимые условия для всестороннего развития личности несовершеннолетнего, используя для этого инструменты семейного законодательства, системы образования, учреждений культуры, спорта и дополнительного образования. Важной функцией государства является осуществление превенции, которая представляет собой комплекс мероприятий, реализуемых различными государственными учреждениями и ведомствами (органами внутренних дел, образования, социальной защиты населения, здравоохранения, культуры, спорта, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав и др.) в целях предупреждения детской безнадзорности, беспризорности и правонарушений.

По мнению доктора педагогических наук С.А. Ветошкина, правовая защита детства является комплексным понятием и включает в себя обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних в таких сферах, как материнство и детство, образование, здравоохранение, труд, социальное обеспечение, организация досуга, отдыха, а также профилактика безнадзорности, беспризорности, а также правонарушений несовершеннолетних [1]. Конституционные основы государственной политики в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних и предупреждения детской преступности закреплены в статье 7 (часть 2) Конституции РФ, которая провозглашает государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Примеры конкретных мер социальной поддержки, реализуемых государством, включают адаптацию, социальную интеграцию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказание помощи в трудоустройстве выпускникам детских домов, других социальных учреждений, создание и функционирование различных социозащитных учреждений для несовершеннолетних и их семей, реализацию программ обеспечения бесплатным питанием обучающихся в образовательных организациях (данная мера была особенно актуальна в сложные социально-экономические периоды 90-х и начала 2000-х годов) [7].

Влияние общественных факторов на уровень детской преступности является значительным и обусловлено состоянием демократического и правового пространства, характером взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества, степенью разобщенности или консолидации интересов различных социальных групп, а также наличием или отсутствием криминогенных угроз, таких как организованная преступность, распространение наркомании, алкоголизма и других негативных социальных явлений. Межкультурная разобщенность, нетерпимость, ксенофобия, а также уязвимая социальная среда, в которой формируется личность несовершеннолетнего, могут оказывать негативное влияние и способствовать совершению правонарушений. В целях определения стратегических направлений государственной политики (в сфере обеспечения безопасности детей, предупреждения детской преступности) принимаются важные нормативные правовые акты. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. N 358 "Об утверждении Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года" определяет основные цели, задачи, направления государственной политики (в области обеспечения безопасности детей), включая создание безопасных условий их жизни, здоровья, обеспечение их всестороннего развития, воспитания,

подготовку к самостоятельной жизни, а также защиту от негативных факторов и угроз. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" также содержит положения, касающиеся защиты прав и интересов несовершеннолетних, сохранения народа России, развития человеческого потенциала, создания безопасного информационного пространства, защиты от деструктивного информационно-психологического воздействия, укрепления духовно-нравственных ценностей российского общества. В качестве национальных приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности определены государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, а также защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры, исторической памяти. В контексте предупреждения детской преступности особое значение имеют задачи по предупреждению радикализма и экстремизма, профилактике преступлений (как среди несовершеннолетних, так и среди молодежи в целом), направленные на обеспечение государственной и общественной безопасности.

Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, стал важным шагом в направлении соответствия международным стандартам, касающимся борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Он основывается на накопленном опыте в области уголовного права и криминологии, что позволяет ему более эффективно решать проблемы, связанные с преступлениями, совершенными молодыми людьми. Одной из ключевых новаций данного кодекса является четкое определение понятия «несовершеннолетний». Согласно статье 87, несовершеннолетними считаются лица, достигшие 14 летнего возраста, но не старше 18 лет на момент совершения преступления. Это новшество стало важным шагом в правоприменительной практике и позволило более точно регулировать вопросы уголовной ответственности для этой возрастной категории. Кроме того, в УК РФ была введена отдельная глава, посвященная особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних, что подчеркивает важность индивидуального подхода к этой группе правонарушителей.

Необходимость выделения преступности несовершеннолетних можно объяснить рядом причин. Во-первых, особенностями в генезисе и мотивации преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обусловленные спецификой их воспитания и жизнедеятельности (относительно ограниченный период формирования личности, быстрая смена социального положения, круга и содержания социальных функций, ограниченная дееспособность и т.д.), особенностями их формирования как личности и их мотивацией. Эти особенности влияют на уровень. Структуру и динамику преступности среди молодежи, а также на причины и условия, сопутствующие совершению правонарушения. Во-вторых, предупреждение правонарушений среди молодежи представляет собой одну из важнейших задач как для государственных структур, так и для общества в целом. Эффективность этой работы напрямую влияет на состояние преступности в будущем, а также на моральный климат в обществе [2].

Преступность несовершеннолетних отличается динамичностью, высокой степенью активности подростков. Люди, вставшие на путь совершения преступлений в юном возрасте, трудно поддаются исправлению и перевоспитанию и, как правило, представляют собой резерв для взрослой преступности. Очень часто отмечается, что между детской и взрослой преступностью существует тесная связь. Ведь действительно, формирование личности начинается еще в детском возрасте, когда играют очень большую роль воспитание, а также внешняя среда и ценности. В литературе свидетельствуется о том, что преступность несовершеннолетних представляет собой будущую преступность [3]. Следует отметить, что преступность несовершеннолетних, согласно современным научным концепциям, представляет собой социально значимый негативный феномен, связанный с совершением правонарушений лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Возраст здесь выступает не только биологическим маркером, но и ключевым фактором, определяющим как специфику криминального поведения, так и методы его профилактики. Юридически данный критерий выполняет двойную функцию: он отражает социально-психологические особенности подросткового этапа развития и служит основанием для дифференциации правовых последствий. В правовой доктрине проблема рассматривается через призму возрастной дифференциации субъектов уголовной ответственности [10]. Так, с достижением 14 лет подростки становятся субъектами права в отношении отдельных видов преступлений. В возрасте 14-16 лет их ответственность ограничивается деяниями, характеризующимися повышенной общественной опасностью, тогда как с 16 до 18 лет применяются общие нормы Уголовного кодекса.

С юридической точки зрения, феномен охватывает специальные нормативные регламенты, касающиеся расследования дел, назначения и исполнения наказаний с учетом возрастных особенностей. В криминологическом контексте акцент смещается на анализ причин, мотиваций, личностных детерминант и криминогенных факторов, свойственных молодежной среде. Здесь исследуются как формы и виды преступлений, так и эффективность профилактических мер, направленных на снижение девиантного поведения [9].

Преступность несовершеннолетних целесообразно определять, как устойчивое социально-правовое явление, обладающее исторической обусловленностью и общественной опасностью. Она проявляется в системе преступных действий, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия, в конкретных территориально-временных рамках. Ее значимость усугубляется необходимостью решения стратегических задач государства, связанных с социализацией молодежи и коррекцией деструктивных тенденций в подростковой среде. Актуальность проблемы сохраняется вне зависимости от колебаний статистических показателей — будь то уровень рецидива, динамика преступлений или их структура. Вопросы ювенальной преступности и мер реагирования на нее остаются ключевыми в повестке общества, требуя междисциплинарного подхода. Это подразумевает не только совершенствование правовых механизмов, но и глубокий анализ социально-психологических аспектов, влияющих на формирование криминального поведения.

### Выводы

Феномен преступности несовершеннолетних требует системного изучения и комплексных мер, сочетающих юридическую строгость с пониманием возрастных особенностей личности. Его решение напрямую связано с укреплением правопорядка и формированием условий для гармоничного развития подрастающего поколения и социализации подростков.

Социализация играет ключевую роль в профилактике детской преступности, формируя личность через усвоение социальных норм, ценностей и правил поведения — данный процесс определяет мировоззрение, отношение к окружающим, понимание прав, обязанностей. Успешная социализация создает баланс между интересами личности, а также общества, развивает способность адекватно реагировать на социальные ситуации и передает опыт поколений. Она может быть позитивной (законопослушное поведение) и негативной (асоциальные установки). Основные институты социализации — семья, образование, сверстники, СМИ, трудовые коллективы. Через них дети усваивают социальные роли, нормы, учатся ответственности, эмпатии и уважению к правам других — это напрямую снижает риски противоправного поведения.

Причины преступности несовершеннолетних коренятся в самой структуре общества, в его острых противоречиях, а также в социальной несправедливости и неравенстве, которые трудно преодолеть в рамках существующего социального порядка. В разные исторические эпохи некоторые из этих противоречий удавалось минимизировать или даже преодолеть, однако на их месте неизменно возникают новые с большей остротой и криминологические значимые антагонизмы [11].

Законодательную основу профилактической деятельности формируют: ФЗ №120 от 24.06.1999 «О системе профилактики безнадзорности несовершеннолетних»; ФЗ №124 от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка»; ФЗ №256 от 29.12.2006 о государственной поддержке семей с детьми; Указ Президента №606 от 07.05.2012 о демографической политике.

Инвестиции в социальные программы для молодежи следует рассматривать как стратегически значимый вклад в формирование здорового поколения, разделяющего гуманистические идеалы и гражданские ценности. Однако диссонанс между декларируемыми приоритетами и их реализацией сохраняется вследствие хронического недофинансирования. При этом экономические потери от роста преступности и сопутствующих расходов на содержание правоохранительной инфраструктуры многократно превышают затраты на превентивные меры.

Предупреждение преступлений строится на трёх уровнях: 1. Предотвращение — устранение причин, которые могут подтолкнуть к нарушениям. 2. Помощь группам риска — работа с теми, кто уже оступился, чтобы не допустить повторного нарушения. 3. Поддержка после правонарушений — реабилитация тех, кто столкнулся с законом.

Для этого важную роль играют: согласованность между ведомствами, методы, проверенные наукой, постоянная оценка результатов работы.

Предупреждение детской преступности является многоаспектной проблемой, требующей комплексного подхода и согласованных усилий со стороны всех субъектов профилактики. Краткое обобщение основных положений текста показывает: исторический опыт борьбы с детской преступностью в Советском государстве, начиная от создания гуманистически ориентированных комиссий по делам о несовершеннолетних и заканчивая усилением роли пенитенциарных учреждений, свидетельствует о постоянном поиске наиболее эффективных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Современные подходы к предупреждению детской преступности опираются на теоретические разработки в области криминологии, педагогики, психологии и социологии, учитывают влияние социальных, экономических, политических и культурных факторов, а также стратегические направления государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей и национальной безопасности в целом. Подчеркивание важности комплексного подхода к предупреждению детской преступности с учетом исторического опыта, современных реалий — ключе-



вой момент, ввиду того что только совместные усилия государства, семьи, образовательных учреждений, общественных организаций, а также самих несовершеннолетних могут привести к позитивным результатам в этой сфере.

Основным условием успешной профилактики остается координация действий различных ведомств. Модель «социального сопровождения», которая объединяет усилия комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки, образовательных учреждений и некоммерческих организаций, нуждается в официальном закреплении через разработку региональных стандартов. Опыт зарубежных стран, например, шотландская система Early Intervention Framework показывает, что создание единой информационной системы для обмена данными между различными службами является оправданным шагом, при этом необходимо строго придерживаться принципов GDPR.

Современная система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних нуждается в глубоком переосмыслении традиционных методов, которые использовались ранее, и во внедрении новых, инновационных стратегий. Эти стратегии должны учитывать психосоциальные особенности подростков, а также динамику криминализации молодежной среды и влияние цифровых технологий на их жизнь. В этом контексте одной из наиболее значимых концепций, которая появляется на горизонте, является «ресурсно-ориентированная профилактика». Эта концепция меняет фокус с дефицитарного подхода, который сосредоточен на исправлении недостатков и проблем, на выявление и развитие внутренних потенциалов подростка.

#### Список источников

1. Волосова Н.Ю., Филиппова Е.О., Журкина О.В. Проблемы предупреждения преступлений, совершенных несовершеннолетними // Российский судья. 2022. № 1. С. 23 – 26.
2. Куринова Я.И. Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 17
3. Криминология: учебник для вузов / под ред. Проф. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. С. 338.
4. Нечаев В.В. Патриотическое воспитание как направление профилактики девиантного поведения подростков // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 9 (78). С. 243 – 255.
5. Овчинников О.М. Укрепление традиционных ценностей как фактор профилактики противоправного поведения школьников // Глобальный научный потенциал. 2023. № 6 (147). С. 40 – 42.
6. Орлова И.В., Аверкиева Е.В. Роль социально-проектной деятельности институтов гражданского общества в процессе формирования ценностных ориентаций российской молодежи // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 62 – 72.
7. Окутина Н.Н. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114 – 121.
8. Павленко К.Д. Инновация в области преступности несовершеннолетних как позитивная девиация // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 7 (64). С. 149 – 152.
9. Петрынин А.Г. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа деятельности по профилактике и коррекции девиантно-криминального поведения несовершеннолетних // Наука и образование. Вестник Хабаровского края. 2023. № 2. С. 11 – 17.
10. Садовникова Н.Е., Худойкина Т.В. Правовое сознание несовершеннолетних: социально-педагогический и правовой аспект в исследовании // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 14 – 18.
11. Сторублевцева Т.С. О понятии преступности несовершеннолетних // Барометр экономики, управления и права. 2023. № 3 (35). С. 41 – 43.
12. Судакова Т. М. Нейронаука и нейрокриминология: методологические принципы интеграции // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 179 – 186.
13. Туманов Д.О. Взаимодействие органов внутренних дел государственными органами и учреждениями системы профилактики преступности несовершеннолетних // Правда и закон. 2023. № 1 (23). С. 71 – 77.
14. Усманов А.К. Психологические особенности личности несовершеннолетнего преступника // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 49 – 51.
15. Харитонов А.Н. Государственный контроль над преступностью: Теоретические и правовые проблемы. Омск: ЮИ МВД РФ, 1997. С. 10.

### References

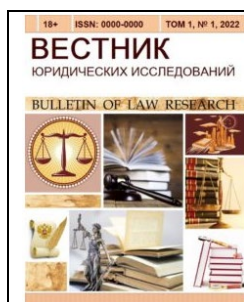
1. Volosova N.Yu., Filippova E.O., Zhurkina O.V. Problems of Prevention of Crimes Committed by Minors. Russian Judge. 2022. No. 1. P. 23 – 26.
2. Kurinova Ya.I. Modern Juvenile Delinquency: Criminological Characteristics and Prevention: Diss. ... Cand. of Law. Rostov-on-Don, 2011. P. 17.
3. Criminology: Textbook for Universitiesю edited by Prof. V.D. Malkov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: ZAO Yustitsinform, 2006. p. 338.
4. Nechaev V.V. Patriotic Education as a Direction in the Prevention of Deviant Behavior of Adolescents. Science Herald. 2024. Vol. 2. No. 9 (78). P. 243 – 255.
5. Ovchinnikov O.M. Strengthening Traditional Values as a Factor in Preventing Unlawful Behavior of Schoolchildren. Global Scientific Potential. 2023. No. 6 (147). P. 40 – 42.
6. Orlova I.V., Averkieva E.V. The Role of Social Project Activities of Civil Society Institutions in the Process of Forming Value Orientations of Russian Youth. Social and Political Sciences. 2024. Vol. 14. No. 6. P. 62 – 72.
7. Okutina N.N. Juvenile Delinquency in Russia: Status and Prevention Measures. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 114 – 121.
8. Pavlenko K.D. Innovation in the Field of Juvenile Delinquency as a Positive Deviation. Science Bulletin. 2023. Vol. 3. No. 7 (64). P. 149 – 152.
9. Petrinin A.G. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as the Basis for the Prevention and Correction of Deviant-Criminal Behavior of Minors. Science and Education. Bulletin of Khabarovsk Krai. 2023. No. 2. P. 11 – 17.
10. Sadovnikova N.E., Khudoikina T.V. Legal Consciousness of Minors: Social, Pedagogical, and Legal Aspects in the Research. World of Science and Education. 2015. No. 4. P. 14 – 18.
11. Storublevtseva T.S. On the Concept of Juvenile Delinquency. Barometer of Economics, Management and Law. 2023. No. 3 (35). P. 41 – 43.
12. Sudakova T.M. Neuroscience and Neurocriminology: Methodological Principles of Integration. Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. No. 2 (88). P. 179 – 186.
13. Tumanov D.O. Interaction of Internal Affairs Agencies with State Bodies and Institutions of the Juvenile Delinquency Prevention System. Pravda i Zakon. 2023. No. 1 (23). P. 71 – 77.
14. Usmanov A.K. Psychological Characteristics of the Personality of a Juvenile Offender. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 6 (234). P. 49 – 51.
15. Kharitonov A.N. State Control over Crime: Theoretical and Legal Problems. Omsk: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1997. P. 10.

### Информация об авторах

Павлов С.И., аспирант, Международный юридический институт

© Павлов С.И., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.98

### ***Опасность: киберугрозы и фишинговые сайты***

<sup>1</sup> Хачатурова С.С.,

<sup>1</sup> Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

**Аннотация:** целью данной работы является изучение одной из ключевых проблем современности — *киберпреступлений и фишинга*. Работа направлена на выявление последствий существующих видов угроз, ознакомление пользователей Интернета с современными способами мошенничества, повышение цифровой грамотности и обеспечение надежной защиты персональных данных.

Автор отмечает, что с приходом новых технологий вместе с простотой выполнения повседневных задач и быстротой связи посредством телефона, мессенджеров и интернета в целом, пришла новая угроза под названием – *киберпреступность*. Эффективность противодействия снижается из-за низкой информированности пользователей и постоянного появления новых форм мошеннических схем, нацеленных на получение конфиденциальной информации с целью последующей эксплуатации её в преступных целях. Несмотря на рост числа жертв киберпреступлений и угроз, пока отсутствуют проверенные и эффективные методы для борьбы с подобными преступлениями. Тем не менее правительства разных стран предпринимают активные шаги для решения указанных проблем.

Очевидно, что даже простая утечка персональных данных может грозить негативными экономическими последствиями. Злоумышленники могут шантажировать жертву, вымогать деньги, взламывать счета в банках [10]. Наибольшую сложность вызывает возможность потери доступа к учетной записи и контроля над личной информацией без восстановления.

В статье приводятся разновидности *киберпреступлений* и способы борьбы с ними, особенности и типы фишинговых сайтов, а также способы защиты личной информации. Автор подчеркивает, что особые меры предосторожности сэкономят время, финансы и здоровье граждан.

**Ключевые слова:** киберпреступления, фишинг, фишинговые сайты, угроза, информационное общество, Интернет-мошенничество, информационная безопасность

**Для цитирования:** Хачатурова С.С. Опасность: киберугрозы и фишинговые сайты // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 75 – 79.

Поступила в редакцию: 9 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Danger everywhere: cyber threats and phishing sites***

<sup>1</sup> Khachaturova S.S.,

<sup>1</sup> Plekhanov Russian University of Economics

**Abstract:** the purpose of this paper is to examine one of the key contemporary problems—*cybercrime and phishing*. It aims to identify the consequences of existing threats, familiarize internet users with modern fraud methods, improve digital literacy, and ensure reliable protection of personal data.

The author notes that with the advent of new technologies, along with the ease of performing everyday tasks and the speed of communication via telephone, instant messaging, and the internet in general, has emerged a new threat called *cybercrime*. The effectiveness of countermeasures is diminished by low user awareness and the constant emergence of new fraudulent schemes aimed at obtaining confidential information for subsequent criminal exploitation. Despite the growing number of victims of cybercrime and threats, proven and effective methods for combating such crimes are still lacking. Nevertheless, governments around the world are taking active steps to address these issues.

Clearly, even a simple leak of personal data can have negative economic consequences. Attackers can blackmail victims, extort money, and hack bank accounts [10]. The greatest challenge is the potential loss of account access and control over personal information without recovery.

This article describes the types of *cybercrime* and how to combat them, the characteristics and types of phishing sites, and ways to protect personal information. The author emphasizes that special precautions will save citizens time, money, and health.

**Keywords:** cybercrime, phishing, phishing sites, threat, information society, internet fraud, information security

**For citation:** Khachaturova S.S. Danger everywhere: cyber threats and phishing sites. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 75 – 79.

The article was submitted: September 9, 2025; Approved after reviewing: November 5, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

В эпоху стремительной цифровой трансформации, когда информационные технологии глубоко проникают во все сферы жизнедеятельности современного общества, включая и юридическую практику, пропорционально возрастает и риск киберпреступлений. Этот процесс, охватывающий все от повседневных коммуникаций до сложных финансовых операций, создает благоприятную почву для развития новых форм киберугроз, направленных на хищение данных, мошенничество и нанесение ущерба как частным лицам, так и организациям.

Стоит заметить, что различные государства предлагают разные трактовки понятию *киберпреступление*, исходя из особенностей своего законодательства.

Например, в США под *киберпреступлениями* понимаются любые противоправные нарушения законодательства с помощью информационных девайсов, имеющих соединение с сетью. Такие преступления подразделяются на три категории, когда электронная техника является: целью, оружием и источником хранения.

Законодательство Федеративной Республики Германия относит данные виды преступления к имущественным, но с учетом использования технических устройств, как средства совершения правонарушения.

Российское законодательство обладает рядом правовых инструментов, которые позволяют осуществлять эффективное противодействие киберпреступлениям, защищая интересы граждан, организаций и государства в целом. Эти инструменты включают в себя положения Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за различные виды преступлений, которые могут быть совершены с использованием киберугроз.

### Материалы и методы исследований

Для изучения *киберпреступлений* и *фишинга* используются разнообразные научные и практические методы, такие как анализ кейсов и судебной практики, использование специальных инструментов и программного обеспечения, позволяющие выявить следы преступной активности, а также возможности восстановления удаленных файлов и исследования механизмов распространения вредоносного программного обеспечения.

Методы исследований позволяют комплексно изучить природу *киберпреступлений* и *фишинговых атак*, а также разработать эффективные меры безопасности, профилактики и противодействия проблемным действиям.

Киберпреступление определяется как преступная деятельность, в рамках которой компьютер, компьютерная сеть или сетевое устройство являются либо целью, либо инструментом для совершения других противоправных действий [4].

Статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [9], посвященная мошенничеству, играет ключевую роль в преследовании киберпреступлений, поскольку определяет противоправные действия, направ-

ленные на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Статья 273 Уголовного кодекса Российской Федерации [9], озаглавленная «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», играет важную роль в борьбе с фишингом, поскольку значительная часть фишинговых атак связана с применением вредоносного программного обеспечения (ПО). Завладение данными пользователей – это ключевая цель фишеров, и для достижения этой цели они нередко прибегают к разработке, распространению и использованию вредоносных программ, способных причинить существенный вред компьютерным системам и информации, хранящейся на них [5].

Жертвой правонарушителей в сети Интернет становятся люди независимо от возраста, образования или профессиональной деятельности. Граждане и организации, пострадавшие от фишинговых атак и понесшие в результате имущественный ущерб или моральный вред, обладают законным правом на защиту своих интересов и вправе обратиться в суд с исками к лицам, совершившим данные преступные действия, с требованием о возмещении причиненных убытков и компенсации морального вреда. Этот механизм правовой защиты позволяет жертвам фишинга добиваться восстановления своих нарушенных прав и компенсации понесенных потерь, независимо от привлечения виновных лиц к уголовной ответственности [3].

### Результаты и обсуждения

*Фишинг* – это вид *киберпреступлений*, в основе которого лежит добыча конфиденциальной информации жертв, посредством создания фальшивых веб-сайтов, массовой рассылки писем с вложениями или ссылками, при переходе по которым происходит заражение программного обеспечения девайса.

Фишинг-мошенничество увеличивается с каждым месяцем. В настоящее время фишинговая атака нацелена на аудиторию, размер которой варьируется в широких пределах – от массовых рассылок (до миллионов адресов электронной почты по всему миру) до целевых групп клиентов, перечисленных на небольших по размерам розничных веб-сайтах с кликами, имеющих пробелы в области безопасности [1].

Мошенники создают благоприятную атмосферу с жертвой, воздействуя на ее психологическую сторону, посредством втирания в доверие с помощью убедительности слов, достоверной на первый взгляд информации или же создания условий, про которых пользователь должен мгновенно отреагировать во избежание пагубных последствий [6].

Одним из методов реализации *фишинга* является создание *фальшивых сайтов*. Обычно странички известных организаций требуют совершения платежей, поэтому именно их киберпреступникам выгодно в точности копировать, дабы невнимательный клиент переводил им свои денежные средства.

Социальные сети открывают перед мошенниками двери для массового распространения их посланий, к примеру, в личных сообщениях, в комментариях, в постах. Такие извещения содержат вредоносные ссылки или вложения, при переходе по которым осуществляется передача личных данных преступникам. Примером данного метода является вид *фишинга* – *Email/spam/smishing*, благодаря которому осуществляется массовое распространение сообщений.

Не стоит забывать о телефонных звонках, в которых злоумышленники уверяют жертву в вымышленных проблемах и агитируют незамедлительно решить ее с их помощью и необходимо предоставить персональные данные. Такой вид *фишинга* называется *Vishing*, что означает обман по телефону, голосовой фишинг, целью которого также являются добыча персональной информации.

Выделим основные методики и технику *фишинга* [7]:

✓ *spear phishing* – данный тип означает персональную рассылку. Сообщение с вирусной ссылкой или вложением отправляется определенному лицу в организации, чтобы создалась визуальная связь с отправителем и получателем для построения доверительных отношений в целях получения требуемой информации;

✓ *whaling* – суть данного вида *фишинга* заключается в вредоносных сообщениях с ссылками – вложениями, но нацеленными не на рядовых сотрудников, а на руководство организации, поскольку они, в свою очередь, имеют более обширный круг информации о компании. Чтобы привлечь внимание такого значимого лица, сообщение как правило содержит сверхважные данные, находящиеся в сфере его функциональных обязанностей.

✓ *BCO* – данный тип *фишинга* подразумевает под собой *аферу*, производимую злоумышленником, который незаконным образом получает доступ к аккаунту руководителя организации и впоследствии осуществляет рассылку писем подчиненным для осуществления денежного потока или с инструкцией на работу, которая нанесет компании большой ущерб.

✓ *clone Phishing* – данный тип подразумевает копирование письма из оригинального сервера. Злоумышленники подделывают точно такое же письмо, заменяя ссылки на вирусные, и отправляют его по-

вторно, якобы с того же официального канала. Вторую рассылку объясняют допущенными ошибками в первом письме, что, казалось бы, не должно создавать вопросов и вызывает чувство доверия.

✓ *evil twin phishing* - суть данного типа *фишинга* заключается в том, что мошенники создают фальшивую сеть Wi-Fi, которая является двойником оригинальной. Обычно, такие сети не зашифрованы паролем. Подключаясь к ней, пользователя перебрасывает на специальный мошеннический сайт, запрашивающий персональную информацию для осуществления входа. Получается, преступник захватывает данные, подключается к сети и получает необходимую ему информацию из-за незащищенности трафика.

✓ *Web Based Delivery* – это один из видов *фишинга*, который сложно предугадать. Правонарушитель находится между поддельной вирусной страницей и официальным сайтом, в котором покупатель проводит оплату за товар, но при этом не догадываясь о том, что мошенник все это время следит за его действиями, в результате чего получает информацию о данных банковской карты.

✓ *content injection* – данный вид *фишинга* осуществляется мошенником посредством замены части информации на сайте официального источника. Сложно предугадать, что ссылка на доверенных страничках может перенести пользователя с надежного ресурса на фишинговый сайт посредством заполнения персональными данными.

### Выводы

Ознакомившись с серьезностью *киберпреступлений*, верным решением является принятие комплекса мер надежной защиты персональных данных от несанкционированного доступа:

- ✓ использование современных антивирусных программ;
- ✓ постоянное обновление программного обеспечения;
- ✓ бдительность при вводе и передаче личных данных по сети Интернет;
- ✓ проверка доменов сайтов перед введением платежных данных;
- ✓ использование проверенных Wi-Fi соединений, др.

Согласно мерам профилактики, предлагаемым «Лабораторией Касперского», необходимо использовать разные пароли к разным сайтам, рекомендуется воспользоваться двухфакторной аутентификацией, избегать чрезмерного общения в социальных сетях и мессенджерах [8], не переходить по ссылкам, полученным на электронную почту

Фишинговые атаки, нацеленные на личностей, могут нанести сильный урон. Само по себе незаконное присвоение доступа к данным третьими лицами является риском, поскольку мошенники наносят вред не только финансовому положению, но и моральному состоянию жертвы. Фотографии или видеоролики могут использоваться для публичной демонстрации, вызывая недопонимание окружающих или провоцируя травлю - буллинг. Такое поведение неизбежно оказывает негативное влияние на психическое состояние потерпевших, а для известных персон и публичных фигур подобный инцидент способен привести к значительным репутационным потерям, включая потерю статуса и доверия аудитории вследствие распространения ложной информации.

Фишинговые атаки осуществляются и в отношении организаций, нанося большой непоправимый ущерб. Компании отвечают за конфиденциальность данных клиентов, а при утечке этих сведений, организация может столкнуться с судебным разбирательством и потерей доверия со стороны потребителей. Потеря корпоративных данных, «перегрузка сайта» из-за которых организация не может исправно функционировать, тем самым теряя клиентов, вредят бизнесу, вплоть до его банкротства.

К сожалению, от фишинга не существует универсального, абсолютно надежного способа защиты, гарантирующего полную неприкосновенность личной информации. Однако, несмотря на это, существует целый ряд эффективных мер и практических рекомендаций, которые позволяют значительно снизить риск стать жертвой фишинга и обезопасить свои персональные данные. Главное оружие в борьбе с фишингом – это постоянная бдительность и критическое мышление при работе в интернете [2].

Эффективная борьба с киберпреступлениями требует комплексного подхода, сочетающего в себе технические, организационные и правовые меры. Важным фактором является повышение осведомленности пользователей о фишинговых угрозах и обучение их правилам безопасного поведения в интернете. Только совместными усилиями государственных органов, юридических организаций и частных лиц можно создать надежную систему защиты от фишинговых атак и обеспечить безопасность информационной среды.

#### Список источников

1. Акулич М. URL <https://www.livelib.ru/book/390610/readpart-fishing-imarketing-margarita-akulich?ysclid=man02x3k3225787869>. <https://www.livelib.ru/book/390610/readpart-fishing-imarketing-margarita-akulich?ysclid=man02x3k3225787869> (дата обращения: 11.08.2025)
2. Антонова Т.С., Смирнов В.М. Фишинг как неизученное киберпреступление // StudNet. 2021. Т. 4. № 6.
3. Батюшкин М.В. "Фишинг" – компьютерное мошенничество? // Символ науки: международный научный журнал. 2021. № 1. С. 90 – 93.
4. Булгаков С.С., Поздняков А.Н. О новых терминах в сфере отечественной правоохранительной деятельности: "киберпреступность" // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 76 – 82.
5. Гриднев Н.С. Профилактика киберпреступлений в Российской Федерации // Научный альманах «В зеркале права»: Сборник научных трудов. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 322 – 324.
6. Гусейнов Т.А. Проблемы и особенности расследования киберпреступлений // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 348 – 357.
7. Кетов А.А., Смоленцева Л.В. Что такое фишинг и как от него защититься // Сборник трудов молодых ученых УВО "Университет управления "ТИСБИ": Сборник статей. Казань: Университет управления "ТИСБИ" (Татарский институт содействия бизнесу), 2022. С. 177 – 182.
8. Лаборатория Касперского»: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/> (дата обращения: 26.03.2025)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/?ysclid=man142ywv1327451144](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=man142ywv1327451144) (дата обращения: 11.08.2025)
10. Ясуев И.Р., Евсвтефеев М.М., Верщицкая Г.В. Особенности расследования экономических киберпреступлений // Человек. Социум. Общество. 2023. № 5. С. 139 – 145.

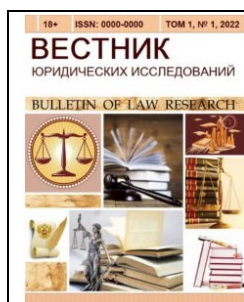
#### References

1. Akulich M. URL <https://www.livelib.ru/book/390610/readpart-fishing-imarketing-margarita-akulich?ysclid=man02x3k3225787869>. <https://www.livelib.ru/book/390610/readpart-fishing-imarketing-margarita-akulich?ysclid=man02x3k3225787869> (date of access: 11.08.2025)
2. Antonova T.S., Smirnov V.M. Phishing as an unstudied cybercrime. StudNet. 2021. Vol. 4. No. 6.
3. Batyushkin M.V. "Phishing" – computer fraud? Symbol of Science: International Scientific Journal. 2021. No. 1. P. 90 – 93.
4. Bulgakov S.S., Pozdnyakov A.N. On New Terms in the Sphere of Domestic Law Enforcement: "Cyber-crime". Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (64). P. 76 – 82.
5. Gridnev N.S. Prevention of Cybercrimes in the Russian Federation. Scientific Almanac "In the Mirror of Law": Collection of Scientific Papers. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2024. P. 322 – 324.
6. Guseinov T.A. Problems and Features of Cybercrime Investigation. Issues of Russian Justice. 2020. No. 6. P. 348 – 357.
7. Ketov A.A., Smolentseva L.V. What is phishing and how to protect yourself from it. Collection of works of young scientists of the UVO "University of Management "TISBI": Collection of articles. Kazan: University of Management "TISBI" (Tatar Institute for Business Assistance), 2022. P. 177 – 182.
8. Kaspersky Lab: official website [Electronic resource]. URL: <https://www.kaspersky.ru/> (date of access: 03.26.2025)
9. Criminal Code of the Russian Federation. ConsultantPlus. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/?ysclid=man142ywv1327451144](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=man142ywv1327451144) (date of access: 08/11/2025)
10. Yasuev I.R., Evsvtefeev M.M., Vershchitskaya G.V. Features of the investigation of economic cybercrimes. Man. Society. Obshchestvo. 2023. No. 5. P. 139 – 145.

#### Информация об авторе

Хачатурова С.С., кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

© Хачатурова С.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.7+314

### ***Правовое регулирование демографической политики в Хабаровском крае в советский период: правовые меры, направленные на переселение граждан в 1950-1980 гг.***

<sup>1</sup> Ильиных А.В., <sup>1</sup> Смоляров А.С.,

<sup>1</sup> Дальневосточный институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

**Аннотация:** в статье исследуется правовое регулирование демографической политики по привлечению переселенцев в Хабаровский край в 1950-1980-е годы. В рамках исследования рассмотрена и дана оценка демографической обстановке в Хабаровском крае в начале 1950-х гг. Исследованы меры правового регулирования СССР, направленные на прирост населения в Хабаровском крае: организованный набор, привлечение переселенцев в добровольном и самостоятельном порядке с помощью установления многочисленных льгот и социальных гарантий, а также на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Рассмотрена эффективность правовых мер по привлечению переселенцев: результаты и допущенные ошибки. В результате исследования выявлены направления совершенствования современного правового регулирования демографической политики России в Хабаровском крае.

**Ключевые слова:** демографическая политика, правовое регулирование, Хабаровский край, миграционный прирост населения, привлечение переселенцев, Постановление Совета Министров СССР

**Для цитирования:** Ильиных А.В., Смоляров А.С. Правовое регулирование демографической политики в Хабаровском крае в советский период: правовые меры, направленные на переселение граждан в 1950-1980 гг. // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 80 – 87.

Поступила в редакцию: 9 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Legal regulation of demographic politics in the Khabarovsk territory in the Soviet period: legal measures directed at residence of citizens in 1950-1980***

<sup>1</sup> Ilyinykh A.V., <sup>1</sup> Smolyarov A.S.,

<sup>1</sup> Far Eastern Institute (branch) of The All-Russian State University of Justice,

**Abstract:** the article examines the legal regulation of demographic policy aimed at attracting immigrants to the Khabarovsk Territory since 1950s till 1980s. The study provides an overview and assessment of the demographic situation in the Khabarovsk Territory in the early 1950s. The article examines the legal measures taken by the USSR to increase the population in the Khabarovsk Territory including organized recruitment, voluntary and independent migration and the establishment of numerous benefits and social guarantees as well as the construction of the Baikal-Amur Mainline. The article also examines the effectiveness of legal measures to attract migrants including the results and mistakes made. The article identifies areas for improving the current legal regulation of Russia's demographic policy in the Khabarovsk Territory.

**Keywords:** demographic policy, legal regulation, Khabarovsk Territory, migration growth of the population, attraction of immigrants, Resolution of the USSR Council of Ministers



**For citation:** Ilyinykh A.V., Smolyarov A.S. Legal regulation of demographic politics in the Khabarovsk territory in the Soviet period: legal measures directed at residence of citizens in 1950-1980. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 80 – 87.

The article was submitted: September 9, 2025; Approved after reviewing: November 6, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 1950 году население Хабаровского края (в современных границах) составляло 608,1 тыс. человек. Однако, десятилетием ранее в 1941 году население было на 12% больше – 697,4 тыс. человек [1].

В течение 1941-1950 гг. наблюдалось сокращение населения Хабаровского края, что скорее всего приводило к дефициту рабочих и специалистов на предприятиях.

По данным З.И. Сидоркиной, приводимым в исследовании «Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке», политика по переселению граждан на Дальний Восток была вызвана острым дефицитом трудовых кадров, общей потребностью народного хозяйства в рабочей силе, которая с 1951 по 1965 г. составила 2 млн человек [2, с. 13-14]. В.В. Сви́дерская в своей работе «Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60-е-80-е годы XX века)» добавляет следующее: высокие темпы индустриализации края, вовлечение в эксплуатацию новых территорий и ресурсов, ориентировала на непрерывное привлечение рабочей силы и её закрепление [3, с. 97].

В рассматриваемый период население Хабаровского края было урбанизированным. 478,6 тыс. чел. проживало в городах, и лишь 187,2 тыс. чел. – в сельской местности. Это также свидетельствует о высоком уровне индустриализации края.

Накануне 1950-го года в Хабаровском крае наблюдалась убыль населения, острый дефицит трудовых кадров при высоких темпах индустриализации. Эти проблемы требовали скорейшего решения со стороны государства.

В период 1950 по 1980 гг. правовое регулирование было направлено на реализацию демографической политики советского государства в Хабаровском крае по привлечению переселенцев и осуществлялось по следующим направлениям:

- 1) привлечение переселенцев с помощью организованного набора;
- 2) привлечение переселенцев в добровольном и самостоятельном порядке с помощью установления многочисленных льгот и социальных гарантий;
- 3) привлечение переселенцев на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Рассмотрим далее перечисленные направления в рамках основной части исследования.

### Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о миграции населения в Хабаровском крае, содержащиеся в Планово-экономическом Атласе Дальневосточного экономического района, в отчётности Росстата. В качестве нормативно-правовой основы работы использованы акты органов государственной власти СССР и РСФСР. Ряд аналитических материалов взят из научных источников.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), и специальные методы исследования. Так, обращение к историко-правовому методу позволило рассмотреть всю совокупность нормативных актов, определявших демографическую политику в Хабаровском крае в 1950-80 гг., и дать оценку демографической обстановке в Хабаровском крае в начале 1950-х гг. Метод компаративистики (сравнительно-правовой метод) обусловил исследование мер правового регулирования СССР, направленных на прирост населения в Хабаровском крае, и возможность их реализации в современный период посредством оценки их эффективности, что способствовало выявлению тех из них, которые обладают потенциалом для применения в современной демографической политике.

### Результаты и обсуждения

По сведениям В.В. Сви́дерской, организованный набор рабочих проводился в соответствии с планом вселения. Этот план разрабатывался местными властями и утверждался Главным управлением переселения при Совмине РСФСР [3, с. 97].

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 532 от 3 августа 1956 года ключевые задачи по организованному набору рабочих были возложены на Главное управление. В его обязанности входило не только проведение набора на предприятия, но и руководство, а также контроль за обеспечением переселенцев жильём и созданием для них необходимых бытовых условий [4].

Политика организованного набора была подтверждена в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 638 от 08.08.1967 г. В данном нормативном правовом акте были поставлены задачи по ускоренному развитию промышленных предприятий, сельского хозяйства и строительной индустрии на территории Хабаровского края в период с 1967 по 1975 г. В Постановлении предусматривалось организованное переселение рабочих на предприятия Хабаровского края, удовлетворение первоочередных хозяйственных нужд и строительство жилых домов для переселенцев, а также своевременное строительство объектов социальной инфраструктуры: детских садов, школ, больниц и др. [5].

Переселенцам выплачивалось денежное пособие, выдавался кредит на строительство жилого дома с оплатой 50% задолженности за счёт государства, предоставлялись жилые помещения с освобождением переселенцев от квартирной платы в течение двух лет, а также были предусмотрены льготы по уплате налогов [5].

Кроме того, правовое регулирование организованного набора граждан, осуществлялось с помощью распределения выпускников высших и средних специальных учебных заведений на предприятия Дальнего Востока. В Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1840 указывалось, что направление молодых специалистов должно осуществляться преимущественно на предприятия, находящиеся на периферии, которые испытывают острый дефицит кадров. Специалисты, окончившие высшие и средние специальные заведения, обязаны были проработать на этих предприятиях по государственному распределению не менее 3-х лет [6].

Таким образом, в условиях плановой экономики Советского Союза государство осуществляло переселение граждан организованным набором – на предприятия Хабаровского края в тех количествах, в которых просили местные органы власти. Одновременно на предприятия направлялись, как обычные рабочие, так и специалисты. Переселенцам гарантировались многочисленные льготы, местные органы власти обеспечивали их доступным жильём, осуществляли строительство социальной инфраструктуры.

Правовое регулирование добровольного и самостоятельного переселения в Хабаровский край осуществлялось благодаря установлению многочисленных льгот и социальных гарантий. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. № 517 были установлены для переселенцев следующие льготы [7]:

- 1) государство полностью оплачивало дорогу до места вселения, а также перевозку багажа и груза;
- 2) единовременное пособие: размер пособия в Хабаровском крае зависел от района и составлял от 1000 до 3000 рублей для главы семьи и от 300 до 600 рублей для каждого её члена;
- 3) переселенцы обеспечивались жильём, а также выдавался кредит на строительство собственного дома и приобретения скота для сельского хозяйства под 2% годовых. При этом государство брало на себя обязательство по погашению 50% от суммы кредита.

Постановление Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. утратило силу в 1973 году в связи с принятием нового Постановления от 31 мая 1973 года № 364 «О льготах по переселению». В сравнении с предыдущим нормативным правовым актом устанавливались новые льготы и преимущества для переселенцев [8]:

- 1) освобождение от налогов на 8 лет для семей, переехавших в колхозы или совхозы;
- 2) новая система кредитования жилья, при которой государство и совхозы полностью оплачивали задолженность в течение 15 лет, начиная с 6-го года действия кредита;
- 3) повышение качества жизни по строительству социальных объектов и комплексному благоустройству населённых пунктов.

С целью повышения привлекательности переселения граждан на Дальний Восток и сокращения обратной миграции были упорядочены льготы в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 года [9] и принятых к нему дополнений в Указе от 26 сентября 1967 года № 1908-VII [10] были установлены следующие льготы:

- 1) процентная надбавка к заработной плате: начислялась в размере 10% за каждые 6 месяцев работы в районах Крайнего Севера и ежегодно – в приравненных к ним местностях. Общий размер надбавки ограничивался 80% от заработка и не мог превышать 300 рублей;
- 2) дополнительный отпуск составлял 18 рабочих дней в районах Крайнего Севера и 12 дней – в приравненных к нему районах;
- 3) льготный пенсионный возраст устанавливался для мужчин – 55 лет, для женщин – 50 лет;
- 4) единовременное пособие выплачивалось в размере 50% от среднемесячного заработка при перезаключении трудового договора;
- 5) жилищные гарантии: предоставление жилой площади работникам и членам их семей;

6) льготное исчисление стажа: один год работы в указанных регионах приравнялся к полутора годам общего трудового стажа;

7) иные льготы.

Таким образом, правовое регулирование добровольного и самостоятельного переселения граждан в Хабаровский край осуществлялось с помощью установления многочисленных льгот, социальных гарантий и создания благоприятных условий для жизни:

- 1) бесплатный проезд граждан до места вселения с багажом и грузом;
- 2) выплата единовременных пособий;
- 3) обеспечение переселенцев жильём по льготным ценам, выдача кредитов по минимальной процентной ставке с погашением части задолженности государством;
- 4) освобождение от уплаты налоговых платежей до 8 лет;
- 5) строительство социальной инфраструктуры и благоустройство населённых пунктов;
- 6) льготы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям и районные коэффициенты к заработной плате в других районах Хабаровского края.

Правовое регулирование переселения граждан на территорию Хабаровского края осуществлялось при строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее – БАМ). Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим вопросы осуществления строительства БАМа, являлось Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 08.07.1974 г. № 561 (далее – Постановление № 561).

С целью привлечения рабочих и специалистов на строительство Байкало-Амурской магистрали были установлены следующие льготы и социальные гарантии:

- 1) районный коэффициент 1,7 к заработной плате работников;
- 2) льготы для лиц, работающих в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера;
- 3) единовременное пособие на членов семей работников, прибывших на строительство железнодорожной магистрали;
- 4) выдача кредита на хозяйственное обзаведение в размере до 500 рублей на работающего с погашением в течение 3 лет.

Таким образом, правовое регулирование демографической политики Советского государства по привлечению переселенцев в Хабаровский край осуществлялось совокупностью правовых мер, которые, по нашему мнению, выполняли важные государственные функции:

- 1) организованный набор рабочих и специалистов на предприятия в соответствии с запросами местных органов власти на территории Хабаровского края, который позволял быстро и в короткие сроки решать проблемы дефицита трудовых кадров на конкретных предприятиях;
- 2) многочисленные льготы и социальные гарантии, с одной стороны, повышали привлекательность Дальнего Востока для переселения с центральных регионов государства, с другой стороны, сдерживали обратную миграцию граждан из Хабаровского края;
- 3) компенсация расходов: предоставление бесплатного проезда и провоза багажа служило существенной материальной поддержкой, облегчавшей переезд и адаптацию на новом месте;
- 4) базовые условия для закрепления: гарантии трудоустройства и обеспечения доступным жильём создавали фундамент для устойчивого закрепления переселенцев в регионе;
- 5) повышение качества жизни: развитие социальной инфраструктуры и благоустройство населённых пунктов напрямую способствовали росту уровня жизни и общей привлекательности края;
- 6) стимулирование в сложных климатических условиях: специальные льготы для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей были направлены на привлечение и удержание населения в наиболее суровых климатических зонах края.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации результатом демографической политики Советского государства явилось увеличение численности населения Хабаровского края [1]:

- 1) с 1950 по 1960 гг. с 608,1 до 991,6 тыс. человек, на 63%;
- 2) с 1960 по 1970 гг. с 991,6 до 1169,6 тыс. человек, на 17,95%;
- 3) с 1970 по 1980 гг. с 1169,6 до 1388,0 тыс. человек, на 18,67%;
- 4) с 1980 по 1990 гг. с 1388,0 до 1619,7 тыс. человек, на 16,69%.

Общий рост численности населения за 40 лет с 1950 по 1990 г. составил 166,35%, население увеличилось с 608,1 тыс. чел. до 1 млн 619,7 тыс. чел. Городское население Хабаровского края увеличилось с 420,9 тыс. человек в 1950 году до 1 млн 299,3 тыс. человек в 1990 г., т.е. на 208,7%. Сельское население увеличи-

лось с 187,2 тыс. человек в 1950 году до 320,4 тыс. человек в 1990 г., т.е. на 71,15%. Переселение носило преимущественно промышленный, а не сельскохозяйственный характер.

Отметим, что результаты правового регулирования политики по привлечению переселенцев являются не столь однозначными. Как видно из приведённой ранее статистики, самое существенное увеличение населения Хабаровского края произошло с 1950 по 1960 гг. Последующие десятилетия темпы прироста населения снижались, что может свидетельствовать о снижении темпов переселения и об усилении обратной миграции.

Так, например, в Планово-экономическом Атласе Дальневосточного экономического района от 1988 г., подготовленного Госпланом СССР и ДВО АН СССР, указано следующее [12]:

- 1) в 1975 г. в край прибыло около 90 тыс. чел., убыло свыше 80 тыс. чел.;
- 2) в 1978 г. в край прибыло 80 тыс. чел., убыло – 70 тыс.;
- 3) в 1980 г. в край прибыло чуть больше 60 тыс. чел., убыло чуть меньше 60 тыс. человек;
- 4) в 1985 г. прибыло в край около 100 тыс. чел., убыло 80 тыс. человек.

Согласно данным из Атласа с 1971 по 1985 гг. ежегодно снижались темпы прироста трудовых ресурсов и численности рабочих. Согласно результатам исследования доктора экономических наук Л.Л. Рыбаковского в 1950-х гг. прирост населения в Хабаровском крае составлял 426 тыс. человек, а уже в 70-х гг. упал до 244 тыс. человек [13, с. 109]. Также Л.Л. Рыбаковский приводит в своём исследовании информацию о соотношении естественного и миграционного прироста в целом по Дальнему Востоку, согласно которому, например, в 1971-1975 гг. естественный прирост составлял 308,8 тыс. человек, тогда как миграционный – лишь 182,5 тыс. человек [13, с. 112].

Таким образом, в указанные десятилетия были высоки темпы обратной миграции граждан из Хабаровского края, многие из переселившихся спустя время возвращались обратно на малую родину. А увеличение численности населения осуществлялось уже с помощью естественного прироста.

В.В. Сви́дерская называет следующие причины низкой приживаемости переселенцев: 1) отсутствие нормальных условий труда и жизни; 2) неустроенность и необеспеченность людей необходимыми социальными и культурно-бытовыми благами; 3) множество предприятий с сезонной занятостью, большинство рабочих из которых увольнялось по собственному желанию и возвращалось обратно; 4) уровень цен был на 8-30% выше, чем в центральных районах, а совокупный доход дальневосточников был лишь на 7% выше [3, с. 108].

По данным Л.Л. Рыбаковского к 1979 году демографические процессы в регионе стабилизировались, приживаемость переселенцев выросла и достигла 68%, что, вероятно, было вызвано повышением уровня жизни и благоустроенности населённых пунктов в Хабаровском крае [13, с. 142].

Ещё более неоднозначные результаты были у политики привлечения переселенцев на строительство Байкало-Амурской магистрали (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения Хабаровского края по отдельным территориям, тыс. человек с 1970 по 1998 гг.

Table 1

Distribution of the population of Khabarovsk Krai by individual territories, thousands of people, from 1970 to 1998.

Территория	1970	1979	1990	1998
Верхнебуреинский район	38,7	45,9	60,2	46,0
Солнечный район	25,1	38,0	46,8	40,2
Комсомольский район	24,6	29,6	33,9	29,6

Источник: составлено автором на основании данных Хабаровского краевого комитета Госкомстата России из статистического сборника от 1998 г., население районов Хабаровского края, в которых шло строительство БАМа составляло [11].

Source: compiled by the author based on data from the Khabarovsk Regional Committee of the State Statistics Committee of Russia from the statistical collection of 1998, the population of the districts of Khabarovsk Krai in which the construction of the BAM was underway was [11].

Исходя из данных Госкомстата России, постоянное население районов Хабаровского края в годы строительства БАМа возросло, но несущественно, в среднем на 20-30 тыс. человек за 20 лет, но к 1998 году существенно сократилось. В связи с этим, вероятно, строительство БАМа не внесло существенного вклада в формирование постоянного населения Хабаровского края.

З.И. Сидоркина приводит следующие причины неудачи политики привлечения переселенцев на БАМ: 1) отсутствие мероприятий по закреплению молодежи; 2) отсутствие социальной инфраструктуры, традиционных видов приложения женского труда; 3) работа на БАМе носила временный характер, рабочие приезжали с целью заработать деньги и, как только заканчивалась стройка, – возвращались обратно [2, с. 14-16].

### Выводы

Таким образом, правовое регулирование демографической политики по привлечению переселенцев в Хабаровский край в 1950-х-1980-х гг. нельзя назвать однозначно эффективной. В 1950-е-1960-е гг. миграция граждан СССР в Хабаровский край, вероятно, была решающим фактором в формировании постоянного населения региона. Однако многие из переселившихся не приживались в Хабаровском крае и возвращались обратно по причинам социального характера: отсутствие социальной инфраструктуры, нормальных условий труда и жизни, необеспеченности необходимыми социальными и культурно-бытовыми благами, высокой стоимостью жизни, а также по причине сезонности и временности работы на отдельных предприятиях.

Высокие темпы обратной миграции населения снижали эффективность демографической политики по привлечению переселенцев в Хабаровский край в рассматриваемый период.

На основе анализа достижений и ошибок политики переселения в Хабаровский край в 1950-1980-е гг. можно выделить следующие направления для совершенствования правового регулирования современной демографической политики России в Хабаровском крае:

1) повышение привлекательности переселения в Хабаровский край: установление новых льгот и социальных гарантий, обеспечение переселенцев высокой заработной платой в престижных организациях и предприятиях, установление налоговых льгот и других мер;

2) помощь и содействие в переселении граждан в Хабаровский край: установление бесплатного проезда, провоза груза и багажа граждан до места вселения, предоставление доступного жилья по льготным ценам, предоставление единовременных пособий для бытового и хозяйственного обустройства переселенцев;

3) содействие в закреплении переселенцев в местах нового места жительства в Хабаровском крае: строительство безопасного и комфортного для проживания жилых помещений, социальной инфраструктуры; обеспечение граждан необходимыми социальными и культурно-бытовыми благами, нормальными условиями труда и высоким уровнем жизни; повышение транспортной доступности отдалённых населённых пунктов и снижение стоимости потребительских товаров;

4) строительство предприятий и организаций с постоянной (несезонной, не вахтовой) занятостью.

### Список источников

1. Официальная статистика // Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.08.2025)

2. Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 1997. 128 с.

3. Свидерская В.В. Демографическая политика советского государства на Дальнем Востоке (60-80-е годы XX века): монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. 163 с.

4. Об объединении Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР и Главного управления организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР от 03.08.1956 г. № 532 // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954-1956 гг. М.: Госюриздат, 1959. URL: <https://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 02.08.2025)

5. О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 08.07.1967 № 638 (ред. от 19.08.1982) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об упорядочении распределения и использования молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения: Постановление Совмина СССР от 29.05.1948 № 1840 (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс».

7. О льготах по переселению: Постановление Совета Министров СССР от 19.02.1953 г. № 517 (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс».

8. О льготах по переселению: Постановление Совета Министров СССР от 31.05.1973 г. № 364 (ред. от 05.10.1989) (утратило силу) // Собрание Постановлений СССР. 1973. № 13. Ст. 70.
9. Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера: Указ Президиума ВС СССР от 10.02.1960 (ред. от 29.03.1988) // Ведомости ВС СССР. 1960. № 7. Ст. 45.
10. О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»: Постановление Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029 // Собрание Постановлений СССР. 1967. № 29. Ст. 203.
11. Население Хабаровского края: статистический справочник / Госкомстат России, Хабаровский краевой комитет государственной статистики. Хабаровск, 1998. 155 с.
12. Плано-экономический атлас Дальневосточного экономического района / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, Производственное объединение «Дальаэрогеодезия». Вып. 1 Население и трудовые ресурсы. Хабаровск, 1988. цв., карты, текст; 31x44 см.
13. Рыбаковский Л.П. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: наука, 1990. 167 с.

### References

1. Official Statistics. Official Internet Portal of the Federal State Statistics Service. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/> (date of access: 02.08.2025)
2. Sidorkina Z.I. Demographic Processes and Demographic Policy in the Russian Far East. Vladivostok: Dalnauka, 1997. 128 p.
3. Sviderskaya V.V. Demographic Policy of the Soviet State in the Far East (1960s-1980s): Monograph. Vladivostok: Far Eastern University Press, 2008. 163 p.
4. On the merger of the Main Directorate for Resettlement under the Council of Ministers of the RSFSR and the Main Directorate for Organized Recruitment of Workers under the Council of Ministers of the RSFSR into the Main Directorate for Resettlement and Organized Recruitment of Workers under the Council of Ministers of the RSFSR: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 03.08.1956 No. 532. Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR. Vol. 5. 1954-1956. Moscow: Gosyurizdat, 1959. URL: <https://docs.historyrussia.org> (date of access: 02.08.2025)
5. On measures for the further development of the productive forces of the Far Eastern Economic Region and the Chita Region: Resolution of the Central Committee of the CPSU, the USSR Council of Ministers of 08.07.1967 No. 638 (as amended on 19.08.1982). SPS "ConsultantPlus".
6. On streamlining the distribution and use of young specialists graduating from higher and secondary specialized educational institutions: Resolution of the USSR Council of Ministers of 29.05.1948 No. 1840 (no longer in effect). SPS "ConsultantPlus".
7. On resettlement benefits: Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 19.02.1953 No. 517 (no longer in effect). SPS "ConsultantPlus".
8. On resettlement benefits: Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 31.05.1973 No. 364 (as amended on 05.10.1989) (no longer in effect). Collected Resolutions of the USSR. 1973. No. 13. Art. 70.
9. On streamlining benefits for persons working in the regions of the Far North and in localities equivalent to the regions of the Far North: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 10.02.1960 (as amended on 29.03.1988). Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. No. 7. Art. 45.
10. On the procedure for applying the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 26, 1967 "On expanding benefits for individuals working in the Far North regions and in localities equivalent to the Far North regions": Resolution of the USSR Council of Ministers of November 10, 1967 No. 1029. Collected Resolutions of the USSR. 1967. No. 29. Art. 203.
11. Population of Khabarovsk Krai: statistical handbook. State Statistics Committee of Russia, Khabarovsk Krai Committee of State Statistics. Khabarovsk, 1998. 155 p.
12. Planning and economic atlas of the Far Eastern Economic Region. Main Directorate of Geodesy and Cartography under the Council of Ministers of the USSR, Production Association "Dalaerogeodesy". Issue 1. Population and Labor Resources. Khabarovsk, 1988. Color, maps, text; 31x44 cm.
13. Rybakovsky L.P. Population of the Far East over 150 Years. Moscow: Nauka, 1990. 167 p.

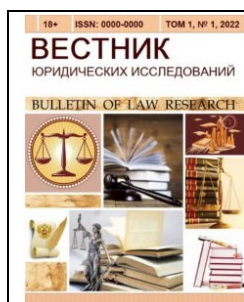
### **Информация об авторах**

Ильиных А.В., кандидат юридических наук, доцент, SPIN-код 1312-1996, Дальневосточный институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), alexflyhigh@yandex.ru

Смоляров А.С., Дальневосточный институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), smolyarov.03@mail.ru

© Ильиных А.В., Смоляров А.С., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.731

### ***Конституционные основы и проблемы правового регулирования создания религиозных объединений в России***

<sup>1</sup> Серeda С.П.,

<sup>1</sup> Вологодский институт права и экономики ФСИН России

**Аннотация:** настоящее исследование посвящено комплексному анализу конституционно-правовых основ и конкретных правовых форм реализации права на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации. В статье исследуются конституционные основы и законодательные противоречия разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами по вопросам регулирования свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных объединений, противоречия и недостатки в правовом регулировании в исследуемой области. Целью работы является выявление несоответствий между конституционными положениями, федеральным законодательством (в первую очередь, Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях») и правоприменительной практикой субъектов Российской Федерации. Для достижения указанной цели автор в статье ставит и решает задачи: проанализировать проблемы отнесения регулирования деятельности религиозных объединений к совместному ведению, оценить риски, связанные с региональным нормотворчеством, и предложить пути совершенствования правового регулирования в данной области. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для оптимизации законодательства, устранения юридических коллизий и обеспечения единообразия в реализации конституционных прав граждан на свободу совести, свободу вероисповедания и религиозные объединения.

**Ключевые слова:** свобода совести, религиозные объединения, разграничение предметов ведения, конституционные основы, законодательные противоречия, светское государство, федерализм, региональное законодательство

**Для цитирования:** Серeda С.П. Конституционные основы и проблемы правового регулирования создания религиозных объединений в России // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 88 – 93.

Поступила в редакцию: 10 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Constitutional foundations and problems of legal regulation of the establishment of religious associations in Russia***

<sup>1</sup> Sereda S.P.,

<sup>1</sup> Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

**Abstract:** this study is devoted to a comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations and specific legal forms of realization of the right to freedom of conscience and religion in the Russian Federation. The article examines the constitutional foundations and legislative contradictions in the sphere of delimitation of subjects of jurisdiction between the Russian Federation and its subjects on the regulation of freedom of conscience,



religion and the activities of religious associations, contradictions and shortcomings in the relevant legal regulation in the field under study. The purpose of the work is to identify inconsistencies between constitutional provisions, federal legislation (primarily the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations") and the law enforcement practice of the subjects of the Russian Federation. To achieve this goal, the author sets and solves the following tasks in the article: to analyze the problems of attributing the regulation of religious associations to joint jurisdiction, to assess the risks associated with regional rulemaking, and to propose ways to improve legal regulation in this area. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings to optimize legislation, eliminate legal conflicts, and ensure uniformity in the implementation of citizens' constitutional rights to freedom of conscience, religious freedom, and religious association.

**Keywords:** freedom of conscience, religious associations, differentiation of subjects of jurisdiction, constitutional foundations, legislative contradictions, secular state, federalism, regional legislation

**For citation:** Sereda S.P. Constitutional foundations and problems of legal regulation of the establishment of religious associations in Russia. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 88 – 93.

The article was submitted: September 10, 2025; Approved after reviewing: November 7, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Проблема разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации в сфере регулирования свободы совести и деятельности религиозных объединений остается актуальной, несмотря на наличие базового федерального закона. Конституционные гарантии свободы совести и вероисповедания, равенства религиозных объединений перед законом на практике сталкиваются с противоречиями в законодательстве и правоприменении. Наблюдается диссонанс между конституционными нормами, которые лишь фрагментарно касаются статуса религиозных объединений, и детальным, но не лишенным внутренних противоречий федеральным регулированием. Кроме того, предоставление субъектам РФ полномочий в вопросах деятельности религиозных объединений зачастую ведет к принятию региональных актов, ограничивающих конституционные права или вступающих в конфликт с федеральными нормами. Целью настоящего исследования является комплексный анализ указанных конституционных основ и законодательных противоречий, а также разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере для обеспечения единого правового пространства и защиты фундаментальных прав граждан.

### Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования послужили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). В качестве материалов исследования использованы тексты федеральных и региональных законов, а также правовые позиции высших судебных инстанций России, отраженные в их решениях. Значительную часть материала составили научные публикации (монографии, диссертации, статьи в периодических изданиях) ведущих российских специалистов в области конституционного права, конфессиональных правоотношений и прав человека.

### Результаты и обсуждения

В ст. 28 Конституции РФ говорится о том, что свобода совести, свобода вероисповедания гарантируются каждому. Гарантированность, как справедливо отмечается в литературе, означает то, что государство гарантирует выполнение взятых на себя обязательств, используя весь спектр своих финансовых и институциональных возможностей [1, с. 115-116].

Реализация рассматриваемых свобод находит свою опору в других правах: равенстве, свободе слова, праве на собрания и гарантированной государственной защите, особенно в свободе создания и работы общественных объединений (ст. 29). Запрещается какое-либо принуждение человека к вступлению в объединение или к пребыванию в его составе.

Право на коллективное исповедание религии, являясь частью свободы совести, обуславливает необходимость формирования религиозных объединений. Специалисты в этой сфере признают, что возможность создания таких обществ – это центральный элемент реализации религиозной свободы [2]. Религиозные объединения упоминаются в Конституции РФ только в ст. 14 применительно к норме, закрепляющей принцип светскости государства в России. Религиозные объединения существуют отдельно от государства, и закон ко всем ним относится одинаково. Согласно ст. 13 Конституции РФ, нельзя создавать и вести дея-

тельность общественных объединений, которые ставят своей целью насильственный захват власти, нарушение единства страны, угрозу государственной безопасности, организацию вооруженных отрядов или разжигание ненависти по социальным, расовым, национальным или религиозным признакам.

Следует признать наличие определенной дистанцированности и недостаточной системной согласованности между конституционными положениями о религиозных объединениях, с одной стороны, и нормами о свободе совести и общем статусе общественных объединений - с другой. При анализе Федерального закона «Об общественных объединениях» (далее – ФЗ от 19.05.1995 № 82-ФЗ) появляется новый круг вопросов. Сфера его действия согласно ст. 2 не распространяется на религиозные организации. Здесь используется слово «организации», а не «объединения», как в Конституции РФ, которая только в п. «е.1» ч. 1 ст. 114 упоминает некоммерческие организации (далее – НКО).

Также противоречивыми являются нормы Федерального закона «О некоммерческих организациях» (ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ). В ст. 6 фактически противопоставляются друг другу понятия «общественные организации (объединения)» и «религиозные организации (объединения)», хотя и упоминает их вместе как формы НКО.

Однако, в рамках конституционных норм, безусловно, религиозные объединения следует рассматривать именно как разновидность общественных объединений и НКО. Как отмечают отдельные авторы, в своей практике Конституционный Суд РФ придерживается предельно широкой трактовки понятия «объединение», включая в него все виды организаций граждан и юридических лиц - вне зависимости от признаков добровольности, формы собственности или наличия официальной регистрации [3].

Основным специальным законом в данной области является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ), который был принят по оценкам специалистов для того, чтобы остановить принятие регионами законодательных актов, нарушающих нормы Конституции РФ [4, с. 28].

Согласно ст. 2 ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ, правовое регулирование в области свободы совести и деятельности религиозных объединений представляет собой систему, которая основывается на нормах Конституции РФ и ГК РФ, включает указанный закон, иные соответствующие федеральные нормативные акты и акты субъектов РФ. В ст. 2 также сформулированы три основополагающих принципа правового регулирования: принцип исключительной федеральной компетенции (права на свободу совести и вероисповедания регулируются только федеральными законами); принцип соответствия (принимаемые в России правовые акты, связанные с реализацией этих свобод или деятельностью религиозных объединений, должны строго соответствовать данному закону); принцип непротиворечия (нормативные акты субъектов РФ в указанной сфере не могут противоречить данному федеральному закону).

Итак, именно ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ служит правовой основой для распределения полномочий и сфер ответственности между Российской Федерацией и её субъектами по всем вопросам, связанным со свободой совести, вероисповедания и статусом религиозных объединений. Полномочия распределены так: исключительное ведение РФ – правовое регулирование (закрепление) прав на свободу совести и вероисповедания; совместное ведение РФ и субъектов - защита этих прав, а также деятельность религиозных объединений. Необходимость такого подробного законодательного закрепления проистекает из общих положений статей 71 и 73 Конституции РФ и одновременно объясняется их недостаточной конкретностью. Согласно прямой трактовке ст. 72 Конституции РФ, механизм разграничения полномочий между центральной и региональной властью устанавливается федеральными законами в сфере совместного ведения [5, С. 86]. На это указывает и правовая позиция Конституционного Суда РФ [6]. Разграничение предметов ведения в ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ основано на нормах Конституции РФ: федеральном праве регулировать права человека (п. «в» ст. 71) и совместной обязанности обеспечивать верховенство федерального закона и защиту прав (п. «а», «б» ст. 72). Между тем имеются некоторые недостатки в правовом регулировании данных вопросов.

Во-первых, в ст. 71 и ст. 72 Конституции РФ непосредственно не затрагивается вопрос о регулировании межконфессиональных отношений, причем даже после внесенных в 2020 году изменений.

Во-вторых, отнесение в ст. 2 ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ регулирования деятельности религиозных объединений к предметам совместного ведения вместе с вопросами защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания является спорным. Это не находит подтверждения в ст. 72 Конституции РФ. В ней к предметам совместного ведения относится только защита прав и свобод, но не регулирование. В Конституции РФ нет прямого указания на регулирование деятельности общественных, в том числе религиозных объединений. Значит регулирование их деятельности – часть регулирования основных прав и свобод, к которым относится и право на объединение (ст. 30). Подтверждением этому может служить то, что ФЗ от

19.05.1995 № 82-ФЗ не предусматривает возможности принятия субъектами РФ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность общественных объединений. Сохранение же за ними права регулировать деятельность религиозных организаций выглядит нелогичным и опасным, учитывая важность единой политики в регулировании межконфессиональных отношений, приводит к противоречиям законодательства субъектов РФ федеральному законодательству. Верховный Суд РФ неоднократно рассматривал споры, касающиеся соответствия законодательства субъектов РФ федеральному законодательству в данной области, признавая приоритет федеральных норм [7], и в то же время право субъектов РФ при отсутствии федерального закона проводить свое регулирование [8].

В-третьих, ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ в ч. 2 ст. 2 устанавливает приоритет только данного закона по отношению к нормативным правовым актам субъектов РФ, допуская, по всей видимости, что последние могут противоречить другим федеральным законам, принятым по рассматриваемым вопросам. Однако это полностью противоречит положениям ст. 76 Конституции РФ, а также ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» № 414-ФЗ от 21.12.2021.

Делегирование субъектам РФ значительных полномочий в осуществлении межконфессиональной политики не соответствуют нарастающим угрозам в рассматриваемой сфере, под влиянием которых местные власти зачастую самостоятельно пытаются выстраивать собственную политику и принимают свои законы [9]. Безусловно, региональные власти должны активно участвовать в решении вопросов межконфессиональных отношений. Однако возникают сомнения в соответствии даже действующему ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ и другим федеральным законам отдельных региональных законов, подробно регулирующих вопросы создания, регистрации, деятельности религиозных объединений, на что указывают специалисты [9].

Согласно Конституции РФ региональное законодательство может касаться вопросов только защиты права, свобод, а не их регулирования. Это означает, что на региональном уровне могут регулироваться только вопросы защиты и поддержки права граждан на создание объединений, в том числе религиозных. Однако, как мы уже отметили, ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ противоречит этой конституционной норме, что приводит и к нарушениям в региональном законодательстве. Законодательство регионов в данной области имеет значительные недостатки [10]. Противоречащими нормам федерального законодательства специалисты признают соответствующие законы ряда субъектов РФ, устанавливающие дополнительные права, обязанности, ограничения, дозволения [10].

Речь идет также о конституционном праве на объединение, на создание объединений, регулирование которых является комплексным и межотраслевым [11]. Именно федеральное законодательство в первую очередь должно максимально подробно регулировать данную сферу отношений.

Преамбула ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ подчеркивает исторический и национально-культурный элемент построения государственно-церковных отношений в России, чему справедливо дается положительная оценка [1, С. 157]. Однако, по нашему мнению, отражение именно в преамбуле, а не непосредственно в тексте ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ, таких важных положений, как признание особой исторической значимости православия для формирования духовных и культурных основ России, уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и иным религиям, являющимся неотъемлемыми компонентами исторического наследия народов нашей страны, подрывает их правовое положение и авторитет. Эти положения, на наш взгляд, должны быть перенесены в первые статьи данного закона, поскольку являются ключевыми в преамбуле.

Мы расходимся во мнении с рядом экспертов, полагающих, что ФЗ № 125-ФЗ от 26.09.1997 вводит жесткий контроль в данной области [1, с. 91, 182.]. Данный закон, создавая гарантии свободы совести и вероисповедания, обеспечения светского характера государства, создает законные возможности для поддержки традиционных религиозных конфессий, гражданского общества, что по справедливому утверждению некоторых специалистов требуется для обеспечения религиозной безопасности российского государства [12, с. 59].

### Выводы

Таким образом, в целом следует положительно оценить и признать соответствующим Конституции РФ правовое регулирование в рассматриваемой области, которое создает равные возможности для всех в указанной сфере и в то же время позволяет учитывать исторически сложившиеся в России особенности межконфессиональных отношений, религиозного многообразия при ведущей роли православия и других традиционных религий. Вместе с тем требуется совершенствование существующего правового регулирования в данной области, в том числе:

1. Необходимо в ст. 28 Конституции РФ предусмотреть конституционное право каждого на создание религиозных объединений, а также перенести в данную статью либо в ч. 1 ст. 30 положение из ч. 2 ст. 14 Конституции РФ.

2. В Конституции РФ необходимо закрепить нормы, предусматривающие возможность регулирования межконфессиональных отношений, осуществления конфессиональной политики, в том числе предусмотреть в п. «е» ст. 71 Конституции РФ установление основ федеральной политики в области межконфессионального развития. Кроме этого, в ст. 14 Конституции РФ должно быть предусмотрено, что государство, несмотря на светский характер, может определять основы и осуществлять конфессиональную политику, направленную на обеспечение межконфессионального единства, формирование взаимоуважения и терпимости в религиозной сфере. Конфессиональная политика как составная часть государственной политики должна выделяться в Конституции РФ и в положениях о полномочиях Правительства РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114).

3. Необходимо привести в соответствие с Конституцией РФ положения ФЗ № 125-ФЗ от 26.09.1997, касающиеся возможности регулирования отношений в рассматриваемой сфере законами субъектов РФ. Так, в ч. 2 ст. 2 данного закона с учетом требований ст. 71 и ст. 72 Конституции РФ необходимо прямо закрепить, что правовые акты субъектов РФ могут касаться исключительно мер по защите и обеспечению права на свободу совести и вероисповедания, куда входит и право на создание религиозных объединений. Регулирование же деятельности религиозных объединений является прерогативой исключительно федеральных законов. Соответственно, любые региональные нормативные акты по этим вопросам должны строго соответствовать как Конституции РФ и ФЗ № 125-ФЗ от 26.09.1997, так и иным федеральным законам.

4. Из преамбулы ФЗ № 125-ФЗ от 26.09.1997 непосредственно в его текст необходимо перенести и тем самым повысить юридическое значение таких важных положений, как: констатация особой исторической миссии православия в формировании духовных и культурных основ России, проявление уважения ко всем традиционным конфессиям (христианству, исламу, буддизму, иудаизму и др.) как к важной составляющей национального наследия, а также осознание важности поощрения взаимного уважения, толерантности и диалога в сфере свободы совести и вероисповедания.

#### Список источников

1. Губин М.Ю. Становление и развитие идеи светского государства в России: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 229 с.
2. Лёвина А.А. Институт «свободы совести и вероисповедания»: историко-правовой опыт России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 33 с.
3. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.
4. Алейникова С.М. Светское государство в вопросах и ответах: кратко, доступно и актуально / С.М. Алейникова, С.А. Бурьянов; Фонд «Здравомыслие». Москва : [б. и.], 2015. 59 с.
5. Алжеев И.А., Власенко И.Б., Догадайло Е.Ю. и др. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») / отв. ред. С.И. Носов. М.: Статут, 2014. 389 с.
6. По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3. Ст. 429.
7. Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2015 г. № 84-АПГ15-8 по заявлению о признании недействующими отдельных положений Областного закона Новгородской области от 26.12.2014 № 681-ОЗ «О миссионерской деятельности на территории Новгородской области» // Правовая система КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025)
8. Определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2001 г. № 57-Г01-14 // Правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2025)
9. Ароян Г.С. Проблемы регулирования межнациональных отношений в Ростовской области и перспективы их решения // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 1. С. 7 – 19.

10. Никитина Е.Е. Конституционно-правовое регулирование общественных объединений в Российской Федерации: региональный аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6 (55). С. 966 – 975.

11. Лапаева В.В. Федеральное и региональное законодательство об общественных объединениях // Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2003. С. 405 – 407.

12. Безвиконная Е.В., Волина А.Н. Концептуальные основы определения сущности и признаков государственной конфессиональной политики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 9. С. 59 – 68.

### References

1. Gubin M. Yu. Formation and Development of the Idea of a Secular State in Russia: Constitutional and Legal Aspect: Dis. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2014. 229 p.

2. Levina A. A. Institute of "Freedom of Conscience and Religion": Historical and Legal Experience of Russia: Abstract of Dis. ... Cand. Sci. (Law). Nizhny Novgorod, 2003. 33 p.

3. On the case concerning the verification of the constitutionality of paragraphs three and four of clause 3 of Article 27 of the Federal Law of September 26, 1997 "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with the complaints of the Religious Society of Jehovah's Witnesses in the city of Yaroslavl and the religious association "Christian Church of Glorification": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 23, 1999, No. 16-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 51. Article 6363.

4. Aleinikova S.M. The Secular State in Questions and Answers: Brief, Accessible, and Relevant. S.M. Aleinikova, S.A. Buryanov; Zdravomyslie Foundation. Moscow: [b. i.], 2015. 59 p.

5. Alzheev I.A., Vlasenko I.B., Dogadaylo E.Yu., et al. Constitutional Law of the Russian Federation: a textbook for students majoring in Jurisprudence (bachelor's degree). ed. S.I. Nosov. Moscow: Statut, 2014. 389 p.

6. On the case of verifying the constitutionality of the Forest Code of the Russian Federation: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 9, 1998, No. 1-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 3. Art. 429.

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 18, 2015 No. 84-APG15-8 on the application to invalidate certain provisions of the Novgorod Oblast Law dated December 26, 2014 No. 681-OZ "On Missionary Activity in the Novgorod Oblast". ConsultantPlus Legal System. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 09.14.2025)

8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 3, 2001 No. 57-G01-14. Consultant-Plus Legal System. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 09.14.2025)

9. Aroyan G.S. Problems of regulating interethnic relations in the Rostov region and prospects for their solution. Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute. 2015. No. 1. P. 7 – 19.

10. Nikitina E.E. Constitutional and legal regulation of public associations in the Russian Federation: regional aspect. Journal of foreign legislation and comparative law. 2015. No. 6 (55). P. 966 – 975.

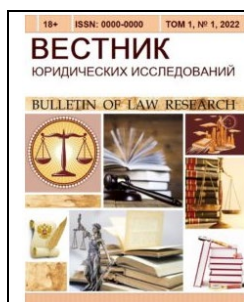
11. Lapayeva V.V. Federal and regional legislation on public associations. The relationship between the legislation of the Russian Federation and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation. Moscow, 2003. P. 405 – 407.

12. Bezvikonnaya E.V., Volina A.N. Conceptual foundations for determining the essence and characteristics of the state confessional policy. Bulletin of the Transbaikal State University. 2016. T. 22. No. 9. P. 59 – 68.

### Информация об авторе

Серёда С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, [sta-sereda2006@yandex.ru](mailto:sta-sereda2006@yandex.ru)

© Серёда С.П., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 316.77+343.3/.7

### ***Треш-стрим как социокультурный феномен: угрозы традиционным и культурным ценностям, правовое регулирование***

<sup>1</sup> Кичигина О.Ю.,

<sup>1</sup> Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

**Аннотация:** в статье представлен комплексный анализ феномена треш-стримов – прямых онлайн-трансляций, содержащих провокационный и зачастую противоправный контент, сквозь призму их воздействия на культурные и традиционные ценности общества. Исследование раскрывает треш-стримы как многомерный социокультурный и правовой вызов цифровой эпохи, угрожающий устоявшимся нравственным ориентирам.

Цель исследования – выявить природу и механизмы функционирования треш-стримов, оценить степень их угрозы традиционным ценностям, проанализировать последствия распространения такого контента и разработать систему мер по минимизации деструктивного влияния на общество.

В рамках исследования были определены основные характеристики стримерства как социокультурного феномена и выделены специфические черты его радикальной формы – треш-стримов.

Классифицированы типы противоправного и аморального контента в треш-стримах (насилие, жестокость, унижение человеческого достоинства) и соотнести их с действующими правовыми нормами.

Проанализированы психологические механизмы вовлеченности аудитории: мотивы зрителей (потребность в острых ощущениях, идентификация с участниками) и стримеров (монетизация, эпатажная самореализация).

Оценено влияние треш-стримов на ценностную систему общества, особенно на процесс социализации молодежи и усвоение традиционных нравственных норм.

Проанализированы правовые механизмы противодействия распространению деструктивного контента, включая последние законодательные изменения.

Разработан комплекс мер по защите культурных и традиционных ценностей от деструктивного воздействия треш-стримов с учетом социальных, образовательных и технологических аспектов.

**Ключевые слова:** треш-стримы, традиционные ценности, культурные ценности, цифровая среда, общественная нравственность, девиантное поведение, правовое регулирование, медиаграмотность, цифровая социализация

**Для цитирования:** Кичигина О.Ю. Треш-стрим как социокультурный феномен: угрозы традиционным и культурным ценностям, правовое регулирование // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 94 – 103.

Поступила в редакцию: 12 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

***Trash stream as a sociocultural phenomenon: threats  
to traditional and cultural values, legal regulation***

<sup>1</sup> Kichigina O.Yu.,

<sup>1</sup> Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

**Abstract:** the article presents a comprehensive analysis of the phenomenon of trash streams - live online broadcasts containing provocative and often illegal content, through the prism of their impact on the cultural and traditional values of society. The study reveals trash streams as a multidimensional sociocultural and legal challenge of the digital age, threatening established moral benchmarks.

The purpose of the study is to identify the nature and mechanisms of the functioning of trash streams, assess the degree of their threat to traditional values, analyze the consequences of the spread of such content and develop a system of measures to minimize the destructive impact on society.

As part of the study, the main characteristics of streamer as a sociocultural phenomenon were determined and specific features of its radical form - trash streams were identified.

Types of illegal and immoral content in trash streams (violence, cruelty, humiliation of human dignity) are classified and correlated with current legal norms.

The psychological mechanisms of audience involvement were analyzed: audience motives (need for thrills, identification with participants) and streamers (monetization, shocking self-realization).

The influence of trash streams on the value system of society, especially on the process of socialization of young people and the assimilation of traditional moral norms, was assessed.

The legal mechanisms for countering the spread of destructive content, including the latest legislative changes, have been analyzed.

A set of measures has been developed to protect cultural and traditional values from the destructive impact of trash streams, taking into account social, educational and technological aspects.

**Keywords:** trash streams, traditional values, cultural values, digital environment, public morality, deviant behavior, legal regulation, media literacy, digital socialization

**For citation:** Kichigina O.Yu. Trash stream as a sociocultural phenomenon: threats to traditional and cultural values, legal regulation. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 94 – 103.

The article was submitted: September 12, 2025; Approved after reviewing: November 9, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

**Введение**

В эпоху цифровой трансформации медиапространство становится ключевым агентом социализации и трансляции культурных ценностей. Одним из наиболее противоречивых феноменов онлайн-среды выступают треш-стримы – прямые трансляции, содержащие провокационный, а зачастую противоправный контент.

Актуальность исследования обусловлена:

стремительным распространением треш-стримов в русскоязычном сегменте интернета;

их деструктивным влиянием на ценностную систему общества;

необходимостью совершенствования правового регулирования цифрового контента.

Стримерство представляет собой актуальное социокультурное явление – это направление в сфере прямых онлайн-трансляций, появилось благодаря развитию интернет-технологий и специализированных платформ для потоковой передачи аудио- и видеоконтента.

Суть данного формата заключается в организации онлайн-эфиров в режиме реального времени, где авторы транслируют игровой процесс, образовательный, творческий контент или фрагменты повседневной жизни. При этом ключевым элементом выступает интерактивность, т.е. возможность непосредственного взаимодействия между стримером (организатором трансляции) и аудиторией посредством чатов и других инструментов обратной связи.

### Материалы и методы исследований

В исследовании применялся комплексный методологический подход, сочетающий системный анализ, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы для выявления особенностей явления треш-стрим, его влияние на культурные и традиционные ценности российского общества.

В качестве эмпирической базы использовались нормативно-правовые акты Российской Федерации, закрепляющие основные понятия, используемые в научной статье, направленные на противодействие и запрет распространению треш-стримов, а также статистические данные.

Теоретическая основа включала труды в области анализа стримов, треш-стримов, их влияние на членов общества и культурные и традиционные ценности.

Для классификации треш-стримов использовался метод контент-анализа публикаций ведущих научных журналов. Использовался Системный подход при оценке взаимосвязей между технологическими, социальными и правовыми аспектами явления треш-стрим. Такой подход обеспечил возможность выявления ключевых рисков, сопоставления современных методов противодействия треш-стримам и формирования предложений по противодействию негативного влияния на культурные и традиционные ценности нашего общества.

### Результаты и обсуждения

В Российской Федерации стремительный рост популярности стримерства стал отмечаться в 2010-е годы. Проанализируем позитивные аспекты этого медиафеномена.

Во-первых, стримы открывают широкие возможности для самореализации и творческой деятельности. Любой желающий может генерировать оригинальный контент, демонстрируя свои увлечения, что позволяет заявить о себе в цифровом пространстве, сформировать лояльную аудиторию и получить общественное признание. Особенно значима эта функция для молодежи, ищущей способы самоидентификации в условиях цифровой трансформации общества.

Во-вторых, значительная часть стримеров создает образовательный контент, способствующий развитию разнообразных компетенций у зрителей. Диапазон обучающих материалов чрезвычайно широк – от освоения игровых стратегий до изучения программирования и других востребованных навыков. При этом доступ к знаниям не ограничен географически и социально, что делает образование более демократичным и инклюзивным.

В-третьих, стримы проводят в благотворительных целях, например, на сайте фонда «Подари жизнь» [7] создана платформа для стримеров, с целью сбора средств и оказания помощи тяжелобольным людям. Отметим, что стримы, организуют и для помощи бездомным животным, а также в рамках разрешения других социально важных проблем.

Вместе с тем, отдельно выделим треш-стримы представляющие собой радикальную форму стриминговой деятельности, отличительной чертой которых является экстремальный характером контента.

Треш-стримы, как и другие стримы, представляют собой прямую трансляцию, однако, организатор получает от «донаторов» (зрителей треш-стрима) задания для участников стрима и «донаты» (денежные средства) за их выполнение. Организаторы стримов стремятся привлечь как можно больше зрителей в свой канал, для повышения популярности и получения большей материальной выгоды (размещение рекламы, продажи товаров и т.п.).

Кадры треш-стрима, носят провокационный и эпатажный характер, нацелены на демонстрацию пренебрежения традиционным ценностям общества. В рамках треш-стримов чаще всего транслируются: сцены насилия и жестокости по отношению к более слабым (детям, пожилым людям, животным); нецензурная лексика; аморальное поведение и пренебрежительное отношение к нормам морали; унижение чести и достоинства человека и многое другое [2]. Отметим, что у большинства нормальных людей, описанные сцены вызывают только негативную реакцию, однако, у части населения нашей страны отношение к подобной информации иное. Несмотря на запрет трансляций треш-стримов, действующий в нашей стране с августа 2024 года [12, 13], они продолжают вызывать повышенный интерес у части населения, особенно в молодежной среде.

Поскольку треш-стримы нередко демонстрируют практики, выходящие за рамки как культурно-нравственных норм, так и действующих правовых регуляторов – это порождает комплекс рисков:

для стримеров – юридические последствия (вплоть до привлечения к административной или уголовной ответственности);

для аудитории – психологический дискомфорт, десенсибилизация к деструктивному поведению, постепенная нормализация девиантных паттернов в массовом сознании.



Распространение подобного контента актуализирует проблему сохранения традиционных ценностей как фундамента социокультурной стабильности. Исторический анализ демонстрирует, что трансформация морально-нравственных ориентиров неизбежно провоцирует структурные изменения в обществе. При этом такие изменения не всегда носят эволюционный характер (могут сопровождаться кризисами идентичности, разрывом преемственности), нередко провоцируют ценностный диссонанс между поколениями и социальными группами, а также требуют институциональной коррекции (через правовое регулирование, образовательные стратегии, культурную политику).

Согласно общепринятому определению, культура представляет собой «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [9]. В рамках этого понимания культурные ценности интерпретируются как: нравственные и эстетические идеалы; социальные нормы и поведенческие образцы; механизмы трансляции коллективного опыта.

Культура выполняет ключевые функции в социуме, она выступает индикатором духовного развития общества, обеспечивает преемственность социального опыта, формирует основу межличностного взаимодействия, определяет поведенческие паттерны и образ жизни [3].

Особо значима ее роль в социализации личности, поскольку культура не только отражает текущее состояние общества, но и активно участвует в формировании ценностных ориентаций индивида, создавая рамки допустимого поведения и мировоззренческие ориентиры.

В контексте современной государственной политики РФ сохранение традиционных ценностей обозначено в качестве стратегически значимого направления. На законодательном уровне сформулировано развернутое определение данного понятия, зафиксированное в официальных документах. Согласно нормативной базе, традиционные ценности трактуются как: «нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение граждан нашей страны и передаются от поколения к поколению; составляют основу общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства; укрепляют единство; находят самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [11].

В рамках нормативно-правового регулирования определен перечень ценностных категорий, отнесенных к традиционным ценностям Российской Федерации. К ним относят: «жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России» [11].

Данное нормативное определение и перечень ценностей имеют принципиальное значение в современном российском обществе, поскольку задают методологическую рамку для исследования соотношения традиционных и инновационных ценностных установок; формируют критериальную базу для оценки влияния цифровых медиапрактик (в том числе деструктивных) на ценностную систему общества и определяют приоритетные направления государственной культурной и образовательной политики.

Проведенный ретроспективный анализ позволил установить, что культура и традиционные ценности, определенного народа на протяжении веков, формировались через религию, политику государства, образование, искусство: литературные произведения, живопись, театр. Кинематограф, возникший на рубеже XIX–XX веков, внес принципиальные изменения в механизмы распространения культурных ценностей и в XX веке он стал одним из главных инструментов влияния на них благодаря синтезу изображения, звука и нарратива.

На современном этапе развития общества в XXI веке наблюдается кардинальная трансформация каналов трансляции культурных норм и ценностей. Основное время досуга индивида приходится на взаимодействие с информационным пространством, которое приобрело статус доминирующего источника информации, ключевого механизма удовлетворения информационных потребностей личности, а также ведущего агента социализации, оказывающего непосредственное влияние на процессы формирования культуры и трансляции традиционных ценностей.

Согласно эмпирическим данным, полученным в ходе мониторинга уровня Интернет-проникновения на территории Российской Федерации (исследования НИУ «Высшая школа экономики»), было установлено, что в 2010 году 49,3 % населения, в возрасте от 15 до 74 лет, имели опыт использования сети Интернет, при этом доля пользователей посещавших ее ежедневно составляла 26 %; в 2013 году охват населения страны вырос до 71 %, количество пользователей, посещавших сеть ежедневно, составляло 48 %, т.е. был отмечен рост почти в 2 раза по сравнению с 2010 годом. В 2023 году 95,2 % населения нашей страны имели опыт использования сети Интернет, при этом 87 % посещали ее ежедневно [4].

Динамика показателей свидетельствует об институционализации цифрового пространства как неотъемлемого элемента повседневной жизни, что в свою очередь привело к двум ключевым изменениям, а именно: переходу от эпизодического взаимодействия с цифровой средой к непрерывному и усилению роли цифровых платформ в распространении современных культурных норм, традиций и форм коммуникации.

Следовательно, популяризация такого явления как треш-стрим требует особого внимания. Оно представляет собой многогранный социокультурный феномен, обусловленный совокупностью макро- и микроуровневых факторов. Анализ этого феномена целесообразно проводить в двух взаимосвязанных аспектах:

- позиция контент-создателей (стримеров), для которых треш-контент выступает инструментом привлечения аудитории и монетизации внимания;

- мотивационная структура аудитории, определяющая спрос на провокационный контент.

Согласно результатам исследования Ю.В. Грачевой и С.В. Маликова, психологический механизм восстребованности треш-стримов обусловлен спецификой эмоционального переживания зрителей [1]. Для определенной категории потребителей медиаконтента характерен повышенный интерес к сценам чужого дискомфорта и страдания, что позволяет им испытать интенсивные эмоциональные состояния, дефицитные в рутинной повседневности и реализовать скрытые аффективные потребности через опосредованное участие в деструктивных сценариях.

Среди потенциальных детерминант подобного поведенческого паттерна исследователи выделяют:

- дефициты социализации и недостатки воспитательного воздействия в раннем возрасте;
- личностные особенности, сопряжённые с отклонениями в эмоциональной регуляции;
- склонность к девиантным формам эмоционального отреагирования, в том числе с садистскими компонентами.

При этом подчеркивается, что данные факторы не носят универсального характера и требуют дифференцированного анализа в каждом конкретном случае, поскольку их сочетание и выраженность варьируются в зависимости от индивидуальных и социокультурных контекстов индивидов [1].

Анализ зрительского поведения выявляет два базовых типа психологической привязанности к контенту треш-стримов:

- идентификация с деструктивным поведением, т.е. восприятие стримера как единомышленника, разделяющего девиантные установки. Зритель проецирует на ведущего собственные неосознаваемые импульсы, что создает иллюзию групповой солидарности на основе совместного нарушения социальных норм;

- ощущение контроля над ситуацией – переживание власти через интерактивные инструменты (чат, голосования, донаты). Это трансформирует пассивного наблюдателя в активного участника, формируя эффект «совместной игры» с размытыми границами реальности.

Ключевым фактором, провоцирующим девиантное поведение в цифровой среде, выступает анонимность участников (как зрителей, так и ведущих). Она способствует: снижению социальных барьеров, ослаблению механизмов самоконтроля и уменьшению страха негативных последствий.

В результате возникает состояние деиндивидуализации, при котором человек перестает воспринимать себя как отдельную личность, что повышает вероятность асоциальных действий.

Психологический анализ позволяет выделить следующие основные мотивы потребления индивидами подобного контента:

- в самоутверждении;
- потребность получение ощущения власти и контроля в виртуальной среде при их дефиците в реальной жизни. Это особенно характерно для людей с ограниченной социальной мобильностью, низкой самооценкой и дефицитом социального признания;

- потребность в эмоциональной разрядке – катарсический эффект от наблюдения за чужими страданиями в рамках социально допустимых границ, выполняющий функцию снятия психоэмоционального напряжения.

Важно подчеркнуть, что интерес к треш-контенту не является прямым индикатором психических расстройств. Он может отражать особенности воспитания, ситуативные психологические трудности, в том числе поиск новых эмоций.

Однако в отдельных случаях подобная вовлеченность коррелирует с патологическими склонностями (например, садистскими тенденциями).

Следует отметить, что на начальной стадии реализации треш-стримов, стример транслирует собственное неадекватного поведения (эпатаж, нарушение норм приличия, провокационные высказывания), а уже на стадии эскалации появляются жертвы, усиливается жестокости, которая в последствии переходит к прямой агрессии. Наблюдается тенденция к «гонке за шокирующим контентом» для удержания аудитории.

Особенность треш-стримов – это их высокая степень интерактивности, т.к. зрители формулируют задания для ведущего или участников, стример выполняет требования аудитории в прямом эфире, а донаты и чат становятся инструментами прямого влияния на ход трансляции.

Эта интерактивность не только усиливает вовлеченность зрителей, но и создает иллюзию соучастия в происходящем, что дополнительно стимулирует их мотивацию к просмотру [1].

Таким образом, донаты в треш-стримах представляют собой сложный социально-психологический феномен, выполняющий три основные функции:

- экономическую (финансовая поддержка);
- коммуникативную (инструмент взаимодействия);
- властную (средство влияния на контент и поведение стримера).

Эта многоаспектность делает донаты ключевым элементом, трансформирующим пассивное потребление контента в активное соучастие.

Зрителю стал интересен просмотр запретных тем, он идентифицирует себя с героями просматриваемого материала, дублируя в своем сознании те эмоции и переживания, которые испытывают персонажи – «мучители» и «жертвы». Это ведет к искажению нравственных идеалов, что особенно негативно влияет на подростков [14].

В подростковом возрасте активно перенимаются образцы поведения популярные в группе, переходящие в привычку. Треш-стримы из-за высокой популярности (большого количества лайков), воспринимаются молодежью как социально одобряемые и популярные в сообществе каналы.

Системное воздействие данного феномена провоцирует ряд деструктивных тенденций в подростковой среде, связанных, во-первых, с деформацией ценностно-нормативной сферы – это подмена традиционных нравственных ориентиров культом эпатажа и агрессии, размывание границ между допустимым и недопустимым поведением, формирование толерантности к насилию как способу решения конфликтов; во-вторых, с ростом деструктивных практик в реальном социуме: имитация треш-контента в повседневной жизни (травля сверстников с видеофиксацией), публичное воспроизведение провокационных действий, участие в опасных челленджах; в-третьих, с ухудшением психологического благополучия: увеличение количества суицидальных попыток, рост потребности в психологической помощи, эскалация межличностного насилия, развитие тревожных и депрессивных расстройств.

Таким образом, несовершеннолетние составляют наиболее уязвимую группу, в то время как именно они должны сохранять и транслировать культурные и традиционные ценности нашей страны.

Как уже отмечалось, в течение последних двух десятилетий треш-стримы получили широкое распространение, при этом их содержание зачастую вступает в противоречие с действующим административным и уголовным законодательством [6, 10], проанализируем основные виды противоправных деяний.

1) Употребление психоактивных веществ и сопутствующее поведение. В рамках подобных трансляций нередко демонстрируется употребление алкоголя, наркотиков, психотропных и иных одурманивающих веществ, а также неадекватное, в том числе конфликтное поведение участников. Такие действия нарушают законодательство нашей страны в части: незаконной рекламы алкогольной и табачной продукции в сети Интернет, а также пропаганды употребления наркотических и других потенциально опасных веществ.

2) Жестокое обращение с животными. Особую тревогу вызывает демонстрация в прямом эфире: нанесения ударов, иных форм физического насилия; попыток напоить животных алкоголем; натравливания питомцев друг на друга; организации «боев» между животными; умерщвления животных и т.п.

Подобные действия приводят к жалобам со стороны зоозащитных организаций и равнодушных зрителей, несут опасный социальный сигнал аудитории, могут содержать признаки уголовных преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ (при наличии состава преступления) либо иных норм, карающих за жестокое обращение с животными [10].

3) Сцены насилия и унижения. Нередко в треш-стримах демонстрируются: унижения, побои и иные формы физического воздействия. Специфика таких трансляций чаще всего представляют собой ролевую игру, где «агрессор» и «жертва» действуют по договоренности, при этом участники выступают взаимозаинтересованными сторонами (в том числе с коммерческой мотивацией), а «потерпевшие» обычно не обращаются в правоохранительные органы, что затрудняет привлечение к ответственности.

Однако существуют важные правовые ограничения, например, такие как согласие жертвы, не легализует любое насилие, поскольку причинение вреда здоровью средней и тяжелой степени остается преступлением независимо от воли потерпевшего. Отметим и особую защиту уязвимых категорий: насилие в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии (инвалидов, людей с психическими расстройствами, малолетних) – не утрачивает признака

4) Совершение преступления во время тре-стрима. Несмотря на то, что прямые трансляции совершения преступлений встречаются в сети относительно редко, они представляют собой особо опасную форму цифрового девиантного поведения. В отличие от иных видов треш-стримов, в них фиксируется не имитация, а реальное преступление.

Рассмотрим ряд громких случаев треш-стримов, получивших широкий общественный резонанс в России.

Треш-стрим Н. Белова (2019 г.): блогер организовывал прямые эфиры, выполняя за деньги «аморальные задания» от зрителей. Стрим он проводил в доме, где проживал со своими родителями, принудительно вовлекал их в создание контента, при этом демонстрировал физическое насилие в отношении близких за вознаграждение в 1000 рублей. Белов дважды ударил мать по лицу, отец также подвергся избиениям при отказе выполнять требования аудитории.

Трагедия, произошедшая на треш-стриме в декабрь 2020 г.: С. Решетников, во время трансляции со своей подругой, ранее участвующей и подвергающейся систематическим издевательствам в предыдущих эфирах (за донаты), в ходе последнего стрима: наносил ей побои, распылял перцовый баллончик ей в лицо, а после выдворил девушку на мороз в нижнем белье. Спустя несколько часов стример вернул девушку в помещение, к тому моменту ее тело уже окоченело, поскольку жертва умерла. При этом стрим продолжался до прибытия сотрудников правоохранительных органов [5].

В девушки судмедэксперты обнаружили: закрытую черепно-мозговую травму, множественные кровоподтеки, субдуральную гематому от ударов по лицу. За совершенное преступление С. Решетников был осужден и направлен для отбывания наказания в исправительную колонию.

Следует отметить, что жуткое видео посмотрели 20 млн. человек и ни у одного зрителя сцены на экране не вызвали ни шока, ни паники, ни сочувствия.

В феврале 2021 года во время треш-стрима погиб Ю. Душечкин. Пожилой мужчина со своими друзьями в прямом эфире употреблял алкоголь, от огромной дозы он потеря сознания участником прямо в кадре. Его «приятели» пытались привести Ю. Душечкина в сознание (расталкивая и проверяя пульс), однако, это не привело к положительному результату – человек умер [8].

Анализ приведенных случаев позволяет выделить ключевые особенности трансляций преступлений:

- коммерциализация насилия – действия совершаются ради донатов, превращая жестокость в особый «товар»;
- стирание границ между реальностью и шоу – участники (включая жертв) воспринимают происходящее как часть игры;
- задержка реагирования – зрители и даже участники нередко не осознают критичность ситуации до наступления необратимых последствий;
- правовой вакуум – сложность квалификации действий в режиме реального времени, особенно при отсутствии явных признаков преступления в начальный момент трансляции.

Подобные трансляции несут крайне негативные социальные последствия такие, как восприятие насилия как нормы в цифровой среде, формирование «культуры зрелища» вокруг страданий других, снижение эмпатии у аудитории, наблюдающей за чужой болью.

Следовательно, трансляция преступлений в прямом эфире требует:

- разработки специальных механизмов оперативного реагирования платформ;
- совершенствования законодательства в части ответственности за публичное совершение противоправных действий;
- повышения медиаграмотности пользователей для распознавания признаков реальной угрозы в онлайн-контенте.

Приоритетным объектом посягательства треш-стримов является общественную нравственность, которая охватывает господствующую в обществе систему норм и правил поведения, культурно-исторически выработанные представления о справедливости, долге, чести и достоинстве, традиционные моральные устои, регулирующие межличностные отношения, в том числе стандарты допустимого поведения в публичной сфере [1].

Социум объективно заинтересован в сохранении этих устоев, поскольку они обеспечивают стабильность общественных отношений, формируют базовые ориентиры поведения и поддерживают преемственность культурных традиций.

При этом существенную угрозу для общества имеет и криминализации треш-стримов. Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ внес существенные коррективы в Уголовный кодекс РФ, направленные на

противодействие распространению деструктивного контента (в том числе треш-стримов) в информационном пространстве.

Статья 63 УК РФ, регламентирующая учет отягчающих наказание обстоятельств, дополнена новым пунктом «т» [10]. Согласно поправке, отягчающим обстоятельством признается: «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети (включая Интернет)». Данное изменение позволяет суду учитывать публичный характер преступления как фактор, повышающий его общественную опасность.

Закон внес дополнения в части 2 ряда статей УК РФ, закрепив публичную демонстрацию в качестве квалифицирующего признака. Изменения затронули следующие составы: ст. 105 (убийство); ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью); ст. 115 (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью); ст. 116 (побои); ст. 117 (истязание); ст. 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью); ст. 126 (похищение человека); ст. 127 (незаконное лишение свободы); ст. 127.2 (использование рабского труда) [10].

Это означает, что совершение перечисленных преступлений с публичной демонстрацией (в прямом эфире, через видеозаписи и т. п.) будет являться отягчающим обстоятельством.

### Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что треш-стримы представляют собой существенную угрозу традиционным и культурным ценностям общества. Их деструктивное влияние проявляется на нескольких уровнях.

#### 1. Воздействие на ценностную систему.

Треш-стримы системно подрывают базовые элементы традиционной культуры – уважение к семье, старшим, нормам приличия; культивируют антисоциальные модели поведения: нигилизм, спонтанность, языковую деградацию; противопоставляют себя долгосрочным ориентирам (образование, труд, созидание), заменяя их сиюминутными удовольствиями и эпатажем.

#### 2. Риск для подрастающего поколения.

Основная аудитория треш-стримов – несовершеннолетние и молодежь с несформированными ценностными установками; регулярное потребление подобного контента ведет к искажению нравственных ориентиров и усвоению деструктивных паттернов поведения; возникает эффект «нормализации» девиантного поведения через его публичную демонстрацию.

#### 3. Социально-культурные последствия.

Эрозия общественной нравственности в связи с постоянной экспозицией насилия и унижения; ослабление социальных связей вследствие пропаганды индивидуализма и пренебрежения к общепринятым нормам; формирование цифровой среды, где эпатаж становятся главными инструментами привлечения внимания.

#### 4. Правовой и регулятивный контекст.

Треш-стримы посягают на значимые общественные блага – здоровье населения и моральные устои; существующая законодательная база требует совершенствования для эффективного противодействия этому феномену; необходима разработка комплексных мер, сочетающих правовое регулирование, просветительскую работу и развитие цифровой грамотности.

Треш-стримы – это маргинальный сегмент цифрового контента, а социальный феномен, угрожающий фундаментальным ценностям общества. Их распространение требует:

- системного мониторинга и анализа динамики влияния на аудиторию;
- усиления механизмов правовой защиты, особенно в отношении несовершеннолетних;
- формирования альтернативных цифровых пространств, пропагандирующих конструктивные ценности и модели поведения.

Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, образовательных институтов и гражданского общества, способен минимизировать риски, связанные с этим явлением, и сохранить культурный код в условиях цифровой трансформации.

### Список источников

1. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202 – 210.
2. Добреева Е.Н., Валиуллина К.В. Треш-стримы в России: анализ культурного феномена и воздействие нового законодательства // Вестник права. 2025. № 1. С. 12 – 22.

3. Закон РФ 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Электронный ресурс: <https://www.consultant.ru>
4. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с.
5. Интернет и СМИ: Lenta.ru: Российский блогер в прямом эфире довел подругу до смерти Он выгнал ее на мороз, а наутро нашел мертвой: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nogzhizn-i-internet-translyaci-y-gde-za-dengi-unizhayut-lyudey>
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Электронный ресурс: <https://www.consultant.ru>
7. Официальный сайт: Фонд «Подари жизнь»: [https://friends.podari-zhizn.ru/stream\\_platform](https://friends.podari-zhizn.ru/stream_platform)
8. KP.RU: Деда убили водкой и донатами: участник треш-стрима Дед из Смоленска умер в прямом эфире: <https://www.smol.kp.ru/daily/27232/4359506/>
9. Толковый словарь Ожегова онлайн: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12652>
10. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. <https://www.consultant.ru>
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. <https://www.consultant.ru>
12. Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. <https://www.consultant.ru>
13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. <https://www.consultant.ru>
14. Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 90 – 100.

## References

1. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Trash Stream: Social Determination of Criminalization. Current Issues of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 202 – 210.
2. Dobreeva E.N., Valiullina K.V. Trash Streams in Russia: Analysis of a Cultural Phenomenon and the Impact of New Legislation. Law Bulletin. 2025. No. 1. P. 12 – 22.
3. Law of the Russian Federation of 09.10.1992 No. 3612-1 "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture". Electronic resource: <https://www.consultant.ru>
4. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. and others. Digital Economy Indicators: 2025: Statistical Digest. I60 National Research University Higher School of Economics. Moscow: ISSEK HSE, 2025. 296 p.
5. Internet and Media: Lenta.ru: Russian Blogger Drives Friend to Death on Live TV. He kicked her out into the cold and found her dead the next morning: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nogzhizn-i-internet-translyaci-y-gde-za-dengi-unizhayut-lyudey>
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ. Electronic resource: <https://www.consultant.ru>
7. Official website: Gift of Life Foundation: [https://friends.podari-zhizn.ru/stream\\_platform](https://friends.podari-zhizn.ru/stream_platform)
8. KP.RU: Grandfather was killed with vodka and donations: participant in the trash stream Grandfather from Smolensk died live on air: <https://www.smol.kp.ru/daily/27232/4359506/>
9. Ozhegov's Explanatory Dictionary online: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12652>
10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ [Electronic resource]. <https://www.consultant.ru>
11. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" [Electronic resource]. <https://www.consultant.ru>
12. Federal Law of August 8, 2024 No. 216-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. <https://www.consultant.ru>

13. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" [Electronic resource]. <https://www.consultant.ru>

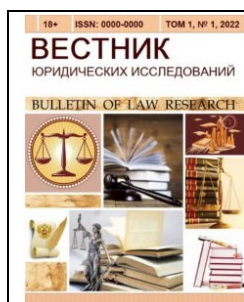
14. Filchenko A.P. Protecting Public Morality from Encroachments in the Form of Live Broadcasts of Unlawful Behavior (Trash Streams). Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (60). P. 90 – 100.

#### **Информация об авторе**

Кичигина О.Ю., кандидат технических наук, старший преподаватель, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

© Кичигина О.Ю., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34.09

### ***Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции***

<sup>1</sup> Медведчук А.А.,

<sup>1</sup> Луганский филиал Воронежского института МВД РФ

**Аннотация:** в статье рассматривается проблема повышения эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции – периода, характеризующегося резкими изменениями законодательства, ограничением доступа к традиционным источникам информации и повышенной уязвимостью граждан в правовом плане.

Автор выявляет ключевые вызовы современной системы правового просвещения, включая фрагментарность нормативно-правовой базы, цифровое неравенство, недостаточную адаптацию контента и слабую вовлеченность средств массовой информации. С учетом положений «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года», особое внимание уделяется роли средств массовой информации как института национальной безопасности и формированию общероссийской гражданской идентичности. На основе анализа практики и теоретических подходов предлагаются конкретные меры по оптимизации правового информирования, включая разработку единого нормативного акта, создание координационного центра правового просвещения и внедрение адресных форматов для социально уязвимых групп. Особое внимание уделено интеграции новых территорий в единое правовое пространство России.

**Ключевые слова:** правовое информирование, специальная военная операция, правовая грамотность, средства массовой информации, военное положение, правовое просвещение, национальная безопасность

**Для цитирования:** Медведчук А.А. Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 104 – 109.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***Enhancing the effectiveness of legal information dissemination among the population under conditions of a special military operation***

<sup>1</sup> Medvedchuk A.A.,

<sup>1</sup> Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

**Abstract:** the article addresses the challenge of enhancing the effectiveness of legal information dissemination among the population during a special military operation – a period marked by abrupt legislative changes, restricted access to traditional information sources, and heightened legal vulnerability of citizens.

The author identifies key challenges facing the current system of legal education, including the fragmented legal regulatory framework, digital inequality, insufficient adaptation of content for general audiences, and limited engagement of mass media. Taking into account the provisions of the “Strategy for the State National Policy of the Russian Federation until 2036,” particular emphasis is placed on the role of mass media as an institution of national



security and as a vehicle for fostering an all-Russian civic identity. Based on an analysis of current practices and theoretical approaches, the article proposes concrete measures to optimize legal information dissemination under these exceptional conditions, including the development of a single regulatory act, the creation of a coordination center for legal education and the introduction of targeted formats for socially vulnerable groups. Special attention is paid to the integration of new territories into the unified legal space of Russia.

**Keywords:** legal information dissemination, special military operation, legal literacy, mass media, martial law, legal education, national security

**For citation:** Medvedchuk A.A. Enhancing the effectiveness of legal information dissemination among the population under conditions of a special military operation. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 104 – 109.

The article was submitted: September 13, 2025; Approved after reviewing: November 10, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обеспечения стабильного функционирования правовой системы в условиях чрезвычайных обстоятельств, связанных с проведением специальной военной операции. В таких условиях возрастает роль правового информирования как инструмента поддержания правопорядка, предотвращения правонарушений, формирования у населения уважения к закону и снижения уровня правовой неопределенности. Современная правовая реальность требует не просто публикации нормативных актов, а целенаправленного, адресного и системного разъяснения их смысла, особенно в условиях резкого правового регулирования чрезвычайного характера.

Особую значимость приобретает доступность, достоверность и своевременность правовой информации для всех категорий граждан - от военнослужащих и их семей до пожилых людей, вынужденных переселенцев и лиц, находящихся в зонах активных боевых действий. В этих условиях информационная безопасность становится неотъемлемой частью национальной безопасности, а правовое просвещение – элементом укрепления гражданской идентичности и сплоченности общества. Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, воссоединение Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией является исторически обоснованным событием [1, с. 230], способствующим укреплению общероссийской гражданской идентичности, патриотизма и единства многонационального народа России. В этих новых территориях особенно остро встает задача интеграции населения [2, с. 157] в единое правовое и информационное поле России – задача, которая не может быть решена без качественного, доступного и понятного правового информирования.

Научная значимость темы заключается в разработке системного подхода [3, с. 124] к организации правового информирования в условиях специальной военной операции, учитывающего особенности восприятия информации различными социальными группами, ограничения доступа к цифровым ресурсам и повышенную уязвимость населения в правовом плане. Как подчеркивается в аналитических материалах, эффективность правового просвещения невозможна без единого нормативного акта, координационного центра, адресной дифференциации аудиторий и постоянного мониторинга. Отсутствие такой системы ведет к фрагментации усилий, дублированию функций и снижению доверия граждан к праву как инструменту защиты их интересов.

Практическая значимость выражается в формировании конкретных рекомендаций для органов власти, средств массовой информации и общественных организаций по повышению уровня правовой осведомленности и укреплению правового государства в условиях военного времени. В условиях информационно-психологической войны [4, с. 201] особую роль играет способность государства противодействовать дезинформации, фейкам и антироссийской пропаганде посредством четкого, простого и своевременного правового разъяснения. Только при условии, что каждый гражданин – независимо от возраста, социального статуса или места проживания – будет понимать свои права и обязанности, возможно сохранение правопорядка, уважение к закону и легитимность государственной власти, особенно на новых территориях, где идет процесс сложной правовой, культурной и идентичностной интеграции.

### Материалы и методы исследований

В условиях специальной военной операции традиционные механизмы правового информирования подвергаются серьезным вызовам: резкое изменение законодательства (введение военного положения, особого

правового режима, норм чрезвычайного характера); ограничение мобильности населения и доступа к интернету в отдельных территориях; психологическое напряжение, снижающее способность к восприятию сложной правовой информации; рост числа вынужденных переселенцев, нуждающихся в оперативном разъяснении их прав и обязанностей; повышенная угроза дезинформации и распространения фейков, маскирующихся под правовые разъяснения.

В этих условиях особенно важна роль государственных органов и средств массовой информации как основных источников достоверной правовой информации [5, с. 112]. Как подчеркивается в Стратегии, средства массовой информации призваны выполнять не только коммуникативную функцию, но и: формировать и укреплять общероссийскую гражданскую идентичность (уровень которой к 2036 г. должен составить не менее 95%); противодействовать антироссийской пропаганде, националистической и религиозной розни, фальсификации истории; популяризировать традиционные российские духовно-нравственные ценности и патриотизм; обеспечивать гармонизацию межнациональных и межрелигиозных отношений (целевой показатель – не менее 85% граждан, положительно оценивающих такие отношения).

Стратегия прямо указывает на угрозы, связанные с распространением антироссийской пропаганды на территориях, присоединенных в 2022 году (п. 31д). Это требует не просто информирования, а активного противодействия дезинформации и формирования устойчивого правосознания, основанного на признании исторической правды и суверенитета России.

Однако, как показывает анализ, отсутствует единая стратегия правового просвещения, ориентированная на условия военного времени. Существующие нормативные акты – такие как «Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности» [6] – носят общий характер и не учитывают специфику СВО, а также положения Стратегии до 2036 года.

Проведенный анализ выявил ряд системных проблем:

1. *Фрагментарность нормативно-правовой базы.* Правовое информирование регулируется множеством разрозненных актов, что затрудняет координацию деятельности органов власти и СМИ.

2. *Отсутствие официальной статистики.* Нет достоверных данных о доле населения, получающего правовую информацию, её источниках и форматах, что не позволяет оценить эффективность мер.

3. *Недостаточная адаптация контента.* Официальные источники (например, портал pravo.gov.ru, «Российская газета») публикуют юридические тексты без разъяснений, что делает их непонятными для большинства граждан.

4. *Цифровое неравенство.* Почти половина граждан старше 45 лет (а в условиях специальной военной операции – значительная часть населения) испытывает трудности с использованием интернета, что исключает их из основного канала правовой информации.

5. *Недостаточная вовлеченность средств массовой информации.* Большинство средств массовой информации не имеют специализированных рубрик по правовому разъяснению, особенно в контексте военного времени.

Кроме того, Стратегия до 2036 года указывает на угрозы, связанные с распространением антироссийской пропаганды на территориях, присоединенных в 2022 году, что требует не просто информирования, а активного противодействия дезинформации и формирования устойчивого правосознания.

Эффективность правового просвещения невозможна без системного подхода [7, с. 189], включающего: разработку единого нормативного акта, регулирующего правовое информирование; создание координационного центра; проведение маркетинговых исследований потребностей населения; адресную дифференциацию аудиторий; «стимулирование» получения правовой информации; мониторинг и обратную связь.

### **Результаты и обсуждения**

Для преодоления указанных проблем и реализации задач Стратегии до 2036 года представляется целесообразным принятие следующих мер:

1. Разработка временного нормативного акта о правовом информировании в условиях специальной военной операции, согласованного с положениями Стратегии. Акт должен: определять единые источники официального правового информирования; устанавливать обязательные форматы разъяснения новых норм (простым языком, с примерами); назначать ответственные органы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; закреплять правовое просвещение как государственный приоритет.

2. Создание специализированных информационных каналов: федеральные и республиканские телевизионные и радиоэфирные с регулярными правовыми передачами; горячие линии и бесплатные консультации через телефон и мессенджеры (например: Max, Telegram); мобильные группы правовой помощи для лиц, находящихся в прифронтовых зонах и пунктах временного размещения.

3. Использование возможностей Министерства внутренних дел и других силовых структур [8, с. 135]. Подразделения по взаимодействию со средствами массовой информации в МВД должны обеспечивать разъяснение не только норм права, но и историко-правового контекста воссоединения территорий, как это предусмотрено в Стратегии.

4. Внедрение системы «правового наставничества» для уязвимых групп населения через волонтерские и молодежные организации, указанной в Стратегии как ключевой институт реализации национальной политики.

5. Обязательный мониторинг и обратная связь, включая: регулярные опросы населения; анализ обращений в органы власти [9, с. 350]; анализ контента в средствах массовой информации; ориентацию на целевые показатели Стратегии: уровень общероссийской гражданской идентичности – не менее 95% к 2036 г.; доля граждан, положительно оценивающих межнациональные отношения – не менее 85%.

Согласно Стратегии, средства массовой информации в условиях специальной военной операции приобретают статус «института национальной безопасности». Их задача – не только информировать, но и: способствовать укреплению общероссийской гражданской идентичности; противодействовать национализму, ксенофобии, экстремизму; популяризировать традиционные российские духовно-нравственные ценности; участвовать в патриотическом воспитании, в том числе через освещение исторических событий и правовых основ государственности.

Особое внимание следует уделить: размещению адаптированных правовых материалов (инфографика, короткие видео, аудиосообщения); сотрудничеству с юристами и представителями органов власти при подготовке материалов; оперативному разъяснению новых норм, (мобилизация, эвакуация, социальная поддержка, прав на жилье и т.д.). Важно также обеспечить доступность контента для лиц с ограниченными возможностями (с использованием субтитров, тифлокомментариев, простого языка).

#### **Выводы**

Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции – не просто задача юридического характера, а стратегический элемент национальной устойчивости, закрепленный в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года. Только при условии, что каждый гражданин будет знать свои права, обязанности и способы защиты, возможно сохранение правового порядка даже в условиях военного времени. Это особенно актуально для новых территорий – Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей, где процесс правовой интеграции требует не только нормативного, но и ценностного, идентичностного сближения с Россией.

Для этого требуется системный подход, основанный на: централизованной координации с учетом стратегических целей; дифференциации форматов под нужды различных групп; использовании всех доступных каналов коммуникации – от телевидения до мобильных патрулей; постоянном мониторинге и корректировке стратегии с ориентацией на целевые показатели Стратегии. В частности, к 2036 году планируется достижение уровня общероссийской гражданской идентичности не менее 95% и доли граждан, положительно оценивающих межнациональные отношения, – не менее 85%. Эти цифры не являются формальными – они отражают реальную задачу по укреплению единства многонационального народа России и формированию устойчивого правосознания как основы национальной безопасности.

Правовое информирование в условиях специальной военной операции должно стать приоритетным направлением государственной политики, направленным не только на предотвращение правонарушений, но и на укрепление доверия к власти, сплоченности общества и уважения к закону как основе процветания и победы. В этих условиях средства массовой информации трансформируются из инструмента трансляции информации в институт национальной безопасности, способный формировать правосознание, противодействовать дезинформации и укреплять общероссийскую гражданскую идентичность на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Особое внимание должно уделяться социально уязвимым группам – пожилым людям, инвалидам, вынужденным переселенцам, военнослужащим и их семьям. Для них необходимы не только адаптированные форматы (инфографика, аудиосообщения, простой язык), но и очные консультации, горячие линии, мобильные группы правовой помощи. Цифровое неравенство не должно становиться барьером на пути к праву. Государство обязано обеспечить универсальный доступ к правовой информации – вне зависимости от возраста, уровня образования, места проживания или наличия интернета.

В заключение отметим, что эффективное правовое информирование – это не разовое мероприятие, а устойчивая, институционализированная система, требующая: единого нормативного акта, координационного центра, регулярного мониторинга и адаптации контента. Только так можно обеспечить не только правовую, но и политическую и социальную устойчивость в условиях военного времени и на этапе постконфликтного восстановления.

#### Список источников

1. Левченков А.И., Ладыга А.И., Красильникова Л.И. и др. Украинский национализм: историко-правовой анализ: монография / Луганский филиал Воронежского института МВД России. Воронеж: Луганский филиал Воронежского института МВД России, 2024. 303 с.
2. Левченков А.И. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах: монография / Луган. акад. внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, Костром. гос. ун-т; А.И. Левченков. Москва: Проспект, 2022. 479 с.
3. Семечкин А.Е., Пазюк Ю.В. Стратегическое управление: теория и практика. Москва: СвР-Аргус, Кн. 2. 2010. 658 с.
4. Медведчук А.А. СМИ как институт правового информирования населения России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 201-205. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-1-201-205
5. Ансофф Стратегическое управление: пер. с англ. / науч. ред. и авт. вступ. ст., с. 11-32, Л.И. Евенко. Москва: Экономика И., 1989. 519 с.
6. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168) URL:[https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_113761/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/) (дата обращения: 27.08.2025)
7. Виханский О.С. Стратегическое управление: учеб. для студентов, обучающихся по специальности и направлению менеджмент /. 2. изд., перераб. и доп. Москва: Гардарики, 2002. 292 с.
8. Медведчук А.А. Правоохранительные органы и СМИ: проблемные аспекты нормативно-правового информирования // Экономико-правовые, социологические исследования: вопросы теории и практики: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 15 июня 2023 года. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Концепция", 2023. С. 135 – 137.
9. Антонян Ю.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В. и др. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. Санкт-Петербург: Изд Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 592 с. ISBN 5-9645-0034-X

#### References

1. Levchenkov A.I., Ladyga A.I., Krasilnikova L.I., et al. Ukrainian nationalism: historical and legal analysis: monograph. Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh: Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 303 p.
2. Levchenkov A.I. Legal regulation of public relations in unstable societies: monograph. Lugansk. Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Kostroma. state University; A.I. Levchenkov. Moscow: Prospect, 2022. 479 p.
3. Semechkin A.E., Pazyuk Yu.V. Strategic management: theory and practice. Moscow: SVR-Argus, Book 2. 2010. 658 p.
4. Medvedchuk A.A. Mass media as an institution for legal informing of the population of Russia. Bulletin of Kostroma State University. 2023. Vol. 29. No. 1. pp. 201-205. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-1-201-205
5. Ansoff I. Strategic management: trans. From English. scientific editor and author of the introduction, pp. 11-32, L.I. Evenko. Moscow: Ekonomika, 1989. 519 p.
6. "Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens" (approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011, No. Pr-1168) URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_113761/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/) (date of access: 08.27.2025)
7. Vikhansky O.S. Strategic Management: a textbook for students studying in the specialty and direction of management. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Gardariki, 2002. 292 p.

8. Medvedchuk A.A. Law Enforcement Agencies and the Media: Problematic Aspects of Regulatory and Legal Information. Economic, Legal, and Sociological Research: Theoretical and Practical Issues: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Ryazan, June 15, 2023. Ryazan: Limited Liability Company "Concept" Publishing House, 2023. P. 135 – 137.

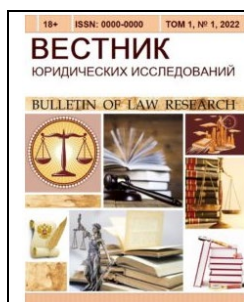
9. Antonyan Yu.M., Burlakov V.N., Vandyshev V.V., et al. Modern Problems and Strategy of Combating Crime. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. 592 p. ISBN 5-9645-0034-X

#### **Информация об авторе**

Медведчук А.А., старший преподаватель, Луганский филиал Воронежского института МВД РФ, 291493, г Луганск, ул. Краснодонская, 6, medved1313@inbox.ru

© Медведчук А.А., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.9:004.8

### **Технологии искусственного интеллекта в системах административного принуждения Китая и России: сравнительно-правовой анализ эффективности и гарантий прав граждан**

<sup>1</sup> Хайруллин Р.А., <sup>1,2</sup> Панина М.К.,

<sup>1</sup> Казанский институт, филиал Всероссийского государственного  
университета Юстиции (РПА Минюста России),

<sup>2</sup> Пекинский университет языка и культуры, Китай

**Аннотация:** целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ трансформации институтов административного принуждения под влиянием технологий искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Актуальность работы обусловлена стремительным внедрением алгоритмических систем в публичное управление, что кардинально меняет традиционные процедуры привлечения к ответственности, выявления правонарушений и контроля за поведением, ставя новые вызовы перед принципами законности, соразмерности и защиты прав человека. Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении двух западных моделей цифровизации принудительной административной власти, где технологические решения выступают не просто инструментами оптимизации, а факторами, переформатирующими саму природу взаимоотношений государства и индивида. В фокусе анализа находятся китайская Система социального кредита (Shehui Xinyong Tixi), интегрирующая административные санкции с Big Data, и российские практики использования систем автоматической фиксации административных правонарушений (камеры фотовидеофиксации, риск-ориентированный контроль), а также эксперименты с прогнозной аналитикой в контрольно-надзорной деятельности. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический и междисциплинарный подходы, позволившие оценить не только нормативные тексты, но и их социально-правовые последствия. Эмпирическая база включает данные о результативности систем (например, статистику сокращения нарушений ПДД в регионах РФ с высокой плотностью камер, показатели воздействия социального кредита на исполнение судебных решений в Китае), судебную практику по оспариванию решений, принятых с помощью ИИ, и ведомственные отчеты. Практическая значимость исследования состоит в выработке конкретных предложений по адаптации российской правовой системы к вызовам «алгоритмического управления»: разработке критериев проверки алгоритмов на дискриминационность, закреплению процедуры «человеческого вмешательства» в критически важных решениях, созданию механизмов обжалования действий автоматизированных систем. Делается вывод, что китайская модель демонстрирует высокую управленческую эффективность через тотальную интеграцию данных и предупредительное воздействие, но сопряжена с рисками создания системы социального ранжирования. Российский подход фрагментирован и нацелен преимущественно на фискальные и контрольные задачи, отставая в создании комплексных систем оценки добросовестности, но сохраняя более четкие, хотя и недостаточно развитые, процессуальные рамки для защиты прав гражданина.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, административное принуждение, административная ответственность, социальный кредит, автоматическая фиксация правонарушений, права граждан, сравнительное административное право, алгоритмическое управление, контрольно-надзорная деятельность

**Для цитирования:** Хайруллин Р.А., Панина М.К. Технологии искусственного интеллекта в системах административного принуждения Китая и России: сравнительно-правовой анализ эффективности и гарантий прав граждан // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 110 – 115.

Поступила в редакцию: 14 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

***Artificial intelligence technologies in the administrative coercion systems of China and Russia:  
comparative legal analysis of effectiveness and citizens' rights guarantees***

<sup>1</sup> Khayrullin R.A., <sup>1,2</sup> Panina M.K.,

<sup>1</sup> Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice  
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),

<sup>2</sup> Beijing Language and Culture University, China

**Abstract:** the purpose of this study is a comparative legal analysis of the transformation of administrative coercion institutions under the influence of artificial intelligence technologies in the People's Republic of China and the Russian Federation. The relevance of the work is due to the rapid introduction of algorithmic systems into public administration, which fundamentally changes traditional procedures for bringing to responsibility, detecting offenses and behavior control, posing new challenges to the principles of legality, proportionality and human rights protection. The scientific novelty lies in a comprehensive comparison of two non-Western models of digitalization of coercive administrative power, where technological solutions act not just as optimization tools, but as factors reformatting the very nature of the relationship between the state and the individual. The analysis focuses on the Chinese Social Credit System (Shehui Xinyong Tixi), integrating administrative sanctions with Big Data, and Russian practices of using systems for automatic fixation of administrative offenses (photo-video recording cameras, risk-based control), as well as experiments with predictive analytics in supervisory activities. The methodological basis was formed by comparative legal, formal legal and interdisciplinary approaches, which made it possible to assess not only regulatory texts, but also their socio-legal consequences. The empirical base includes data on the effectiveness of systems (for example, statistics on the reduction of traffic violations in Russian regions with a high density of cameras, indicators of the impact of social credit on the enforcement of court decisions in China), judicial practice on challenging decisions made with the help of AI, and departmental reports. The practical significance of the study lies in the development of specific proposals for adapting the Russian legal system to the challenges of "algorithmic governance": developing criteria for testing algorithms for discrimination, consolidating the procedure for "human intervention" in critically important decisions, creating mechanisms for appealing the actions of automated systems. It is concluded that the Chinese model demonstrates high managerial efficiency through total data integration and preventive impact, but is associated with the risks of creating a social ranking system. The Russian approach is fragmented and aimed primarily at fiscal and control tasks, lagging behind in creating comprehensive systems for assessing integrity, but retaining clearer, albeit underdeveloped, procedural frameworks for protecting the rights of a citizen.

**Keywords:** artificial intelligence, administrative coercion, administrative responsibility, social credit, automatic offense fixation, citizens' rights, comparative administrative law, algorithmic governance, supervisory activity

**For citation:** Khayrullin R.A., Panina M.K. Artificial intelligence technologies in the administrative coercion systems of China and Russia: comparative legal analysis of effectiveness and citizens' rights guarantees. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 110 – 115.

The article was submitted: September 14, 2025; Approved after reviewing: November 12, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

**Введение**

Современное развитие публичного управления неразрывно связано с процессами цифровизации и внедрением технологий искусственного интеллекта. Особенно эти тенденции проявляются в сфере административного принуждения, где государство традиционно реализует свои властные полномочия по отношению к гражданам и организациям. Инструменты ИИ, такие как системы распознавания лиц, прогнозная аналитика и большие данные, открывают перед органами власти беспрецедентные возможности для выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений. Однако эта технологическая революция порождает комплекс серьезных правовых проблем, связанных с переосмыслением принципов вины, пре-

зупмции невинности, права на справедливое разбирательство и защиты персональных данных [1, с. 45]. В этом контексте сравнительный опыт Китая и России представляет исключительный научный и практический интерес. Обе страны активно развивают «умное» государственное управление, но исходят из разных историко-правовых традиций, социальных ожиданий и концептуальных подходов к балансу между эффективностью и свободой.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых в области административного права и цифровизации, таких как Ю.Н. Стариков, Д.Н. Бахрах, Н.Г. Салищева, чьи работы заложили основы понимания административного принуждения [2, с. 112]. Вопросы имплементации технологий в государственное управление глубоко проанализированы в исследованиях И.В. Понкина, А.А. Тедеева и М.А. Рожковой [3, с. 78; 4, с. 33]. Применительно к китайскому опыту фундаментальное значение имеют работы А.И. Кобзева о философско-правовых основаниях китайской государственности, а также современных исследователей С.В. Усанова и В.Я. Портякова, анализирующих правовую систему КНР [5, с. 201]. Проблемы, связанные с социальным кредитом и административным управлением, освещены в статьях китайских правоведов, таких как Ли Линь и Хуан Хуэйцзюнь, а также в аналитических отчетах международных организаций [6, с. 15].

Целью данного исследования является проведение сравнительно-правового анализа моделей использования технологий искусственного интеллекта в системах административного принуждения Китая и России для выявления их эффективности, правовых рисков и определения направлений совершенствования правовых гарантий для граждан. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: во-первых, проанализировать нормативно-правовые основы применения ИИ в административно-принудительной деятельности в обеих странах; во-вторых, исследовать ключевые практики (социальный кредит, автоматическую фиксацию) с точки зрения их технической реализации и правовых последствий; в-третьих, оценить эффективность этих систем на основе имеющейся статистики и эмпирических данных; в-четвертых, выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании, создающие угрозы правам и законным интересам лиц; в-пятых, сформулировать предложения по адаптации российской правовой системы к вызовам алгоритмического управления с учетом позитивного и негативного опыта Китая. Главный научный вклад работы заключается в системном сопоставлении не западных моделей, который позволяет критически осмыслить российский путь цифровизации административного принуждения, избегая как некритического заимствования, так и изоляционизма, и сфокусироваться на поиске оптимального баланса между технологическим прогрессом и незыблемыми правовыми принципами.

### **Материалы и методы исследований**

Объектами исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе применения мер административного принуждения с использованием технологий искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Предмет исследования включает нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу (в Китае – «Правила создания системы социального кредита», отраслевые регламенты; в России – Кодекс об административных правонарушениях, законы «О защите персональных данных», «О единой государственной информационной системе социального обеспечения» и др.), а также практику их применения органами административной юрисдикции и контрольно-надзорными органами.

В основе методологии лежит сравнительно-правовой метод, который позволил провести параллели и выявить различия в подходах двух правовых систем. Формально-юридический метод использовался для детального анализа структуры и содержания нормативных актов. Для оценки социально-правовой эффективности и последствий применялся междисциплинарный подход, включающий элементы социологии права. Статистический метод был задействован при обработке данных об эффективности систем автоматической фиксации и воздействии социального кредита. Эмпирическую базу составили: открытые данные ГИБДД МВД России о количестве правонарушений, выявленных с помощью камер фотовидеофиксации; отчеты Министерства коммерции КНР и местных правительств о реализации пилотных проектов социального кредита; публикации в государственных СМИ Китая, содержащие кейсы применения системы; решения российских судов по жалобам на постановления, вынесенные в автоматическом режиме; аналитические материалы Счетной палаты РФ и исследовательских центров (например, Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге).

### **Результаты и обсуждения**

Нормативной основой китайской модели служит не единый закон, а сеть государственных директив и местных постановлений, создающих Систему социального кредита (ССК). Ее административно-принудительная функция заключается в интеграции санкций из различных отраслей права (административ-



ного, гражданского, налогового) в единый механизм поощрения и наказания. Алгоритмы агрегируют данные о нарушениях ПДД, неисполнении судебных решений, несоблюдении санитарных норм, финансовой недобросовестности и формируют индивидуальные или корпоративные рейтинги. Низкий рейтинг ведет к автоматическому применению мер ограничительного характера: запрету на занятие определенных должностей, отказу в выдаче разрешений, ограничениям в покупке билетов на высокоскоростные поезда или бронировании дорогих гостиниц [7, с. 92]. Таким образом, ИИ выступает здесь как инструмент предиктивного и кросс-отраслевого принуждения, где решение, принятое в одной сфере, автоматически влечет последствия в другой, что резко повышает коэффициент «наказанности» проступка. По данным на 2023 год, в рамках ССК было ограничено в правах на покупку авиабилетов свыше 26 миллионов человек за неисполнение судебных решений, что привело к резкому росту добровольного исполнения таких решений [8]. Эффективность с точки зрения обеспечения правопорядка очевидна. Однако с позиции административного права эта система размывает принцип соразмерности, индивидуальности наказания и виновной ответственности. Санкции применяются де-факто автоматически на основе алгоритма, логика и критерии которого часто непрозрачны, а возможность обжалования рейтинга процедурно неполноценна.

Российский опыт сосредоточен на более узких, но массовых сегментах, прежде всего на автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения (КАФАП). Введение статей 28.6, 29.10 КоАП РФ легализовало особый бесспорный порядок привлечения к ответственности, где постановление выносится без участия инспектора, на основе данных технических средств. Доля таких постановлений превышает 80% от общего числа дел об административных правонарушениях в стране [9]. Статистика показывает их высокую эффективность: в регионах с плотной сетью камер количество ДТП с пострадавшими снижается на 15-25%, а нарушений скоростного режима – в разы [10]. Однако правовые проблемы носят системный характер. Во-первых, нарушается принцип состязательности, поскольку лицо лишено возможности сразу представить возражения (например, о неисправности прибора или передаче управления), а делает это уже на стадии обжалования готового постановления. Во-вторых, существует проблема «эффекта владельца», когда наказание несет собственник транспортного средства, даже если нарушитель был иной, что противоречит принципу виновной ответственности. В-третьих, коммерческая заинтересованность операторов камер создает риски злоупотреблений. Эксперименты с риск-ориентированным контролем в надзорной деятельности, где ИИ используется для прогнозирования объектов проверки, также развиваются, но их правовая регламентация (ФЗ № 248-ФЗ) лишь в общих чертах упоминает возможность использования «информационных систем», не устанавливая гарантий против алгоритмической дискриминации или ошибки [11, с. 67].

Сравнительный анализ выявляет две разные философии. Китай использует ИИ для создания комплексной системы превентивного поведенческого управления, где административное принуждение становится непрерывным, оценивающим и прогнозирующим процессом. Россия применяет ИИ преимущественно для точечного, массового и постфактумного реагирования на конкретные, легко формализуемые нарушения, сохраняя более классическую структуру административного процесса. Китайская модель демонстрирует большую управленческую гибкость и синергический эффект, но ценой глубинного вмешательства в частную жизнь и создания системы социального контроля. Российская модель более процедурно ограничена, но ее фрагментарность и фокус на фискальной функции не позволяют реализовать потенциал технологий для профилактики правонарушений в широком смысле, одновременно порождая массовые проблемы с правами на защиту в уже существующих автоматизированных процедурах.

### Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Главный вывод заключается в том, что внедрение технологий искусственного интеллекта в административное принуждение ведет не к простой модернизации инструментария, а к качественной трансформации самой парадигмы публичного управления - от реагирующей и карательной к предиктивной, оценивающей и непрерывно контролирующей. Это трансформация ставит под вопрос классические административно-правовые принципы, сформированные в доцифровую эпоху.

Сравнение китайского и российского опыта выявило два различных пути адаптации. Китай, опираясь на традиции этатизма и коллективизма, создает целостную систему алгоритмического управления социальной добросовестностью, где административное принуждение интегрировано в общую цифровую среду взаимодействия государства и гражданина. Этот путь демонстрирует исключительную эффективность в обеспечении формального правопорядка и исполнительской дисциплины, что подтверждается статистикой роста добровольного исполнения обязательств. Россия движется по пути частичной и фрагментированной цифровизации, фокусируясь на автоматизации выявления массовых, легко верифицируемых нарушений, прежде

всего для фискальных и контрольных целей. Это приводит к значительным операционным результатам в отдельных областях (безопасность дорожного движения), но не формирует комплексного подхода и порождает острые процессуальные дисбалансы.

Научный вклад работы заключается в обосновании тезиса о том, что ключевым вызовом для права в эпоху ИИ становится не регулирование технологии как таковой, а защита фундаментальных принципов (законности, вины, соразмерности, справедливого судебного разбирательства) от размывания логикой алгоритмической эффективности. Доказано, что игнорирование этого вызова ведет к формированию систем, которые, будучи эффективными в узком смысле, подрывают легитимность административной власти и доверие к праву.

Практическая значимость исследования выражается в следующих конкретных предложениях по совершенствованию российского законодательства:

1. Необходимо принятие специального федерального закона об использовании алгоритмов и искусственного интеллекта в публично-властной деятельности, который закрепил бы обязательные требования к проверке алгоритмов на дискриминационность, отсутствие смещений и обеспечению их объяснимости для контролирующих органов и судов.

2. В Кодекс об административных правонарушениях РФ следует ввести норму, гарантирующую право лица на «человеческое вмешательство» при принятии любого решения, влекущего существенное ограничение прав (наложение административного штрафа, приостановление деятельности и т.д.), даже если первичная информация получена автоматически. Решение, основанное исключительно на данных ИИ без оценки должностным лицом, должно быть признано ничтожным.

3. Требуется детальная регламентация процедуры обжалования действий автоматизированных систем, включая право заявителя на получение информации об общей логике работы алгоритма и используемых данных в объеме, необходимом для защиты своих интересов, без раскрытия коммерческой или государственной тайны.

4. При развитии аналогов систем оценки добросовестности (что наблюдается в проектах «цифрового профиля гражданина») необходимо законодательно запретить кросс-отраслевое автоматическое применение санкций по китайской модели, жестко закрепив принцип отраслевой определенности наказания и недопустимости создания единого «репутационного» рейтинга, влияющего на весь объем прав.

Таким образом, Россия имеет возможность, учитывая как управленческие успехи, так и правовые риски китайской модели, выработать собственную стратегию, которая позволит использовать технологический потенциал ИИ для повышения качества публичного управления, не поступаясь при этом фундаментальными ценностями правового государства и гарантиями прав человека. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке конкретных правовых механизмов «алгоритмической подотчетности» и адаптации административного процесса к реалиям «гибридного» принятия решений человеком и машиной.

#### Список источников

1. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права: проблемы определения и правового регулирования // Государство и право. 2020. № 8. С. 44 – 57.
2. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. 2: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. М.: Норма, 2019. 768 с.
3. Тедеев А.А. Цифровое право: основные направления трансформации правового регулирования в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 76 – 89.
4. Рожкова М.А. Технологии искусственного интеллекта в гражданском и административном судопроизводстве: за и против // Закон. 2022. № 5. С. 30 – 45.
5. Кобзев А.И. Китайская правовая культура: традиция и современность // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 198 – 208.
6. Li Lin. From Chinese传统社会信用到社会信用体系: 法治视角的转型 (От традиционного социального доверия в Китае к системе социального кредита: трансформация с точки зрения верховенства права) // 中国法学 (Китайская юридическая наука). 2021. № 4. С. 12 – 28.
7. Усанов С.В. Современное административное право Китая: вызовы цифровизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 88 – 102.
8. Annual Report on the Construction of the Social Credit System (2023) // National Public Credit Information Center of China. URL: [http://www.gov.cn/xinwen/2024-01/15/content\\_5748625.htm](http://www.gov.cn/xinwen/2024-01/15/content_5748625.htm) (дата обращения: 15.05.2024)

9. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения (подготовлен Судебным департаментом при Верховном Суде РФ) // Бюллетень судебной практики. 2023. № 7. С. 45 – 51.

10. Официальные данные статистики аварийности ГИБДД МВД России за 2019-2023 гг. URL: <https://гибдд.рф/stat> (дата обращения: 16.05.2024)

11. Ноздрачев А.Ф. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: современное состояние и проблемы правового регулирования // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 60 – 75.

### References

1. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial Intelligence from a Legal Perspective: Problems of Definition and Legal Regulation. State and Law. 2020. No. 8. P. 44 – 57.

2. Starilov Yu.N. Course of General Administrative Law: in 3 volumes. Vol. 2: Civil Service. Management Actions. Legal Acts of Management. Administrative Justice. Moscow: Norma, 2019. 768 p.

3. Tedeev A.A. Digital Law: Main Directions of Transformation of Legal Regulation in the Context of Digitalization. Journal of Russian Law. 2021. No. 12. P. 76 – 89.

4. Rozhkova M.A. Artificial Intelligence Technologies in Civil and Administrative Proceedings: Pros and Cons. Law. 2022. No. 5. P. 30 – 45.

5. Kobzev A.I. Chinese Legal Culture: Tradition and Modernity. Voprosy Filosofii. 2018. No. 9. P. 198 – 208.

6. Li Lin. From Chinese传统社会信用到社会信用体系: 法治视角的转型 (From Traditional Social Trust in China to the Social Credit System: Transformation from the Perspective of the Rule of Law). 中国法学 (Chinese Legal Science). 2021. No. 4. P. 12 – 28.

7. Usanov S.V. Modern Administrative Law of China: Challenges of Digitalization. Comparative Constitutional Review. 2022. No. 3 (148). P. 88 – 102.

8. Annual Report on the Construction of the Social Credit System (2023). National Public Credit Information Center of China. URL: [http://www.gov.cn/xinwen/2024-01/15/content\\_5748625.htm](http://www.gov.cn/xinwen/2024-01/15/content_5748625.htm) (date of access: 15.05.2024)

9. Review of judicial practice in cases of administrative offenses in the field of road traffic (prepared by the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation). Bulletin of judicial practice. 2023. No. 7. P. 45 – 51.

10. Official accident statistics of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2019-2023. URL: <https://гибдд.рф/stat> (date of access 16.05.2024)

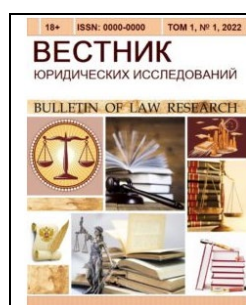
11. Nozdrachev A.F. Control and supervisory activities in the Russian Federation: current state and problems of legal regulation. Administrative Law and Process. 2021. No. 10. P. 60 – 75.

### Информация об авторах

Хайруллин Р.А., кандидат юридических наук, доцент, Казанский институт филиал Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)

Панина М.К., Казанский институт, филиал Всероссийского государственного университет Юстиции (РПА Минюста России); Пекинский университет языка и культуры, Китай

© Хайруллин Р.А., Панина М.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 347.1

### ***Правовая природа решений собраний как оснований возникновения гражданских правоотношений***

<sup>1,2</sup> Скворцова Т.А., <sup>1</sup> Капитоненко А.С.,

<sup>1</sup> Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

<sup>2</sup> Ростовский государственный университет путей сообщения

**Аннотация:** в статье на основе анализа законодательства, доктрины и судебных актов раскрывается соотношение различных доктринальных подходов к сущности решений собраний как юридических фактов. Особое внимание уделяется связи решений собраний с конструкцией «гражданско-правового сообщества», а также специфике функционирования решений собраний в корпоративных и жилищных отношениях. Обосновывается вывод о двойственном характере решений собраний: с одной стороны, они представляют собой особый вид многосторонней сделки, а с другой – сложный юридический состав, включающий организационные предпосылки и процедурные стадии. В качестве самостоятельного результата исследования формулируется интегративная концепция решения собрания как юридического факта.

**Ключевые слова:** решение собрания, юридический факт, гражданско-правовое сообщество, сделка, корпоративные отношения, жилищные отношения, правосубъектность

**Для цитирования:** Скворцова Т.А., Капитоненко А.С. Правовая природа решений собраний как оснований возникновения гражданских правоотношений // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 116 – 122.

Поступила в редакцию: 16 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

---

### ***The legal nature of meeting resolutions as grounds for the emergence of civil-law relations***

<sup>1,2</sup> Skvortsova T.A., <sup>1</sup> Kapitonenko A.S.,

<sup>1</sup> Rostov State University of Economics,

<sup>2</sup> Rostov State Transport University

**Abstract:** in the article, based on an analysis of legislation, legal doctrine and case law, the relationship between various doctrinal approaches to the nature of meeting resolutions as legal facts is examined. Particular attention is paid to the connection between meeting resolutions and the construct of the “civil-law community” and to the legal personality of this phenomenon, as well as to the specific features of how meeting resolutions function in corporate and housing relations. It is argued that meeting resolutions have a dual character: on the one hand, they constitute a special type of multilateral transaction, while on the other they represent a complex set of legal facts that includes organizational preconditions and procedural stages. As an independent result of the study, an integrative concept of the meeting resolution as a legal fact is formulated.

**Keywords:** meeting resolution; legal fact; civil-law community; transaction; corporate relations; housing relations; legal personality

**For citation:** Skvortsova T.A., Kapitonenko A.S. The legal nature of meeting resolutions as grounds for the emergence of civil-law relations. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 116 – 122.

The article was submitted: September 16, 2025; Approved after reviewing: November 14, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Решения собраний в современном российском праве являются одним из наиболее сложных и дискуссионных институтов общей части гражданского законодательства. Это обусловлено тем, что решения собраний одновременно выступают и формой коллективного волеизъявления множества лиц, и юридическим фактом, с которым закон прямо связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, и процедурной конструкцией, ориентированной на принятие управленческих решений внутри корпоративных и иных объединений. Принятие в 2012-2013 гг. поправок к Гражданскому кодексу РФ, ознаменовавших появление главы 9.1 «Решения собраний», и включение подпункта 1.1 в пункт 1 статьи 8 ГК РФ, согласно которому гражданские права и обязанности возникают, в частности, из решений собраний, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия для лиц, имевших право участвовать в таком собрании, существенно изменили методологические рамки обсуждения данной категории.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе правовой природы решений собраний как оснований возникновения правоотношений с учетом новейшего нормативного регулирования и судебной практики, а также в формулировании теоретически последовательной и практически ориентированной модели данного института.

Задачами исследования являются: выявление исходных нормативных предпосылок регулирования решений собраний; анализ основных доктринальных концепций и их соотношения с практикой высших судебных инстанций; раскрытие связи между решениями собраний и конструкцией гражданско-правового сообщества; определение роли решений собраний в формировании обязательственных и корпоративных правоотношений; выработка выводов по результатам исследования о юридической природе решений собраний как юридических фактов.

### Материалы и методы исследований

Методологически исследование опирается на диалектико-материалистический подход, позволяющий выявлять внутренние противоречия регулирования и его эволюцию, а также на системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Используются методы логического анализа (индукции и дедукции), юридической герменевтики (толкование норм о решениях собраний во взаимосвязи с общими положениями о сделках и корпоративных правоотношениях), а также элементы функционального анализа, позволяющие оценить, какие фактические задачи решает законодатель, когда наделяет решения собраний способностью выступать основаниями возникновения правоотношений.

### Результаты и обсуждения

Поворотным моментом в формировании современной конструкции решений собраний стало включение в пункт 1 статьи 8 ГК РФ подпункта 1.1, согласно которому гражданские права и обязанности возникают, помимо прочего, из решений собраний, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это предусмотрено законом или вытекает из существа отношений. Тем самым решения собраний были поставлены в один ряд с традиционными юридическими фактами – сделками, административными актами, судебными решениями и иными действиями. Одновременно глава 9.1 ГК РФ определила решение собрания как результат обсуждения вопросов повестки дня и принятия по ним решений необходимым большинством голосов, подчеркнув, как коллективный характер волеизъявления, так и его процедурную обусловленность (кворум, повестка, порядок голосования, оформление протокола).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 [11] исходит из того, что решения собраний принимаются гражданско-правовыми сообществами – определенными группами лиц, наделенными полномочиями принимать решения, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в соответствующем собрании. Пленум подчеркивает, что решение собрания порождает гражданско-правовые последствия, на которые оно направлено, и связывает их с кругом участников сообщества и, в некоторых случаях, с третьими лицами. Уже на нормативном уровне таким образом фиксируются два ключевых момента: во-первых, решение выступает самостоятельным юридическим фактом; во-вторых, оно порождает правовые последствия у всех членов соответствующего гражданско-правового сообщества.

В то же время глава 9.1 ГК РФ оставляет открытым вопрос о том, к какому типу юридических фактов следует отнести решения собраний. С одной стороны, к ним явно применим понятийный аппарат волеизъявления, характерный для сделок: речь идет о согласованной воле большинства участников, направленной на достижение определенного правового результата. С другой стороны, закон использует терминологию, более близкую к корпоративным актам управления (компетенция собрания, кворум, повестка дня, орган управления юридического лица). Этот дуализм решений собраний предопределил многообразие доктринальных подходов и последующие колебания судебной практики между признанием решений собраний самостоятельным юридическим фактом *sui generis* и их квалификацией как специального вида сделки.

В частности, А.Я. Рыженков обосновывает конструкцию решения собрания как сложного юридического состава. По его мнению, решение собрания не может быть сведено к единичному волеизъявлению: юридически значимым является совокупность по меньшей мере четырех фактов – надлежащим образом сформулированная повестка дня, наличие кворума, сам акт голосования и составление протокола, фиксирующего результаты голосования; именно соединение этих элементов образует юридический состав «решение собрания» [1]. Важно, что Рыженков, хотя и признает близость решения к сделке, подчеркивает, что условия действительности сделки (дееспособность, надлежащая форма, соответствие закону) не выступают отдельными юридическими фактами, тогда как для решения собрания каждый из указанных элементов имеет самостоятельное юридическое значение, в том числе как возможное основание для оспаривания решения.

Иной ракурс предлагает доктрина «особого юридического факта», в рамках которой решения собраний рассматриваются как самостоятельный вид юридических актов, не подпадающих целиком под традиционную сделочную модель. Так, А.В. Бессонова, анализируя место решений собраний в системе юридических фактов, подчеркивает, что решения собраний сочетают в себе элементы нормативного и индивидуального правового регулирования, имеют коллективный субъект и специфический механизм формирования воли, что оправдывает выделение их в особую категорию [6].

А.И. Бибиков, развивая идею «гражданско-правового акта», акцентирует внимание на том, что решения собраний по своей функции ближе к внутренним актам локального регулирования, чем к классическим договорам [7].

В рамках данной концепции допускается аналогия со сделками, но отрицается их полная идентичность: решения собраний обладают особыми признаками (коллективность, структурная сложность, сочетание властного и координационного начала), которые не позволяют рассматривать их как разновидность привычных многосторонних сделок.

Корпоративно-правовой подход, наиболее полно представленный в работах В.К. Андреева, исходит из того, что в предпринимательском обороте общее собрание хозяйственного общества является не гражданско-правовым сообществом, а высшим органом управления юридического лица. Соответственно, решения собраний хозяйственных обществ квалифицируются как акты органа управления, через которые юридическое лицо реализует свою волю, а не как волеизъявление некоего самостоятельного «сообщества» [2]. Андреев подчеркивает, что права и обязанности участников корпорации возникают и осуществляются в рамках юридического лица, а правовые последствия решений общих собраний следует рассматривать как проявление внутреннего механизма реализации управленческих правоотношений. Этот подход позволяет связать решения собраний с общей конструкцией органов юридического лица (ст. 53 ГК РФ), но требует дополнительных пояснений, когда речь идет о решениях собраний в некорпоративных гражданско-правовых сообществах (например, собрания собственников или кредиторов).

Особое место занимает концепция гражданско-правового сообщества, разработанная в трудах В.В. Груздева и С.Ю. Филиповой. Груздев определяет гражданско-правовое сообщество как группу лиц, объединенных общностью интереса, внутренней структурой и способностью принимать решения, обязательные для всех участников [8], тогда как Филипова акцентирует динамический характер таких сообществ и их роль в горизонтальной самоорганизации частноправовых связей [9]. На эту доктрину прямо опирается И.А. Политкин, связывая признание решений собраний юридическим фактом (ст. 8 и 181.1 ГК РФ) с необходимостью признать за гражданско-правовым сообществом определенную правосубъектность. По его мнению, если принятие решения собрания порождает гражданско-правовые последствия, то принимающее решение собрание должно обладать способностью участвовать в правоотношениях, пусть и в форме квазисубъекта, не обладающего статусом юридического лица [4].

Таким образом, в доктрине решения собраний одновременно понимаются как сложный юридический состав, как особый юридический факт, как акт органа управления юридического лица и как форма волеизъявления гражданско-правового сообщества. Указанные подходы не столько взаимно исключают, сколько дополняют друг друга: каждый из них фиксирует определенный аспект правовой природы решений собра-

ний, но ни один в отдельности не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, каким образом решения собраний выступают основанием возникновения правоотношений.

Судебная практика как правило исходит из сделочной природы решений собраний. Качественный перелом произошел после принятия Верховным Судом РФ Определения СКЭС от 06.03.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу ООО «Яна Тормыш» [12], в котором прямо сформулировано, что устав и решения собрания участников общества являются сделками, а решения собраний – специальным видом сделок, к которым подлежат применению общие нормы о сделках в части, не противоречащей специальным правилам о решениях собраний. Данное разъяснение было воспринято как окончательный выбор в пользу «сделочной» концепции, поскольку до этого практика колебалась между признанием решений собраний самостоятельными юридическими фактами и осторожным использованием аналогии закона, на что указывает в своей работе Н.А. Павлов [3].

Сделочная квалификация решений собраний позволила судам использовать весь арсенал институтов недействительности сделок (ничтожность, оспоримость, последствия недействительности), в том числе нормы о защите прав третьих лиц и публичных интересов (п. 2 ст. 168 ГК РФ), к отдельным положениям уставов и корпоративным решениям, посягающим на публичные интересы или права третьих лиц.

Вместе с тем, как справедливо замечает Павлов, чрезмерно широкое использование общих норм о недействительности сделок без учета специальных оснований недействительности решений собраний (ст. 181.3 ГК РФ) создает риск подрыва системной логики регулирования: *lex specialis* должны иметь приоритет перед общими нормами, а общие правила о сделках допускается применять лишь субсидиарно [3].

С точки зрения рассматриваемой темы важно отметить, что признание решений собраний специальным видом сделок не отменяет их функции как самостоятельного основания возникновения правоотношений, но уточняет ее. Решения собраний в корпоративном обороте выступают не просто юридическим фактом, но и внутренней сделкой особого рода, через которую формируется и реализуется совместная воля участников корпорации относительно управления юридическим лицом. Эта сделка структурно отличается от классического договора: вместо консенсуса между равноправными сторонами (как в договоре) здесь действует механизм большинства, а содержание прав и обязанностей формируется не индивидуально, а на основе внутризакрепленных процедурных правил. Признание решений собраний сделками лишь подчеркивает, что воля, реализуемая через них, является гражданско-правовой волей, а возникающие на ее основе правоотношения – гражданскими, а не исключительно корпоративно-организационными.

Конструкция гражданско-правового сообщества позволяет объяснить специфическую «адресность» решений собраний, выходящую за рамки традиционной договорной модели. Если в договоре правовые последствия возникают для сторон, выразивших согласованную волю, то решение собрания порождает последствия для всех лиц, имевших право участвовать в соответствующем собрании, включая тех, кто воздержался или голосовал против. Пленум Верховного Суда РФ [11] прямо связывает решения собраний с гражданско-правовыми сообществами, под которыми понимаются определенные группы лиц, наделенные полномочиями принимать решения, обязательные для всех участников сообщества и, в установленных случаях, для третьих лиц.

И.А. Политкин, развивая данную идею, указывает, что признание решений собраний юридическими фактами, порождающими гражданско-правовые последствия, логически требует признания за гражданско-правовым сообществом определенной правосубъектности, хотя бы в виде квазисубъекта, реализующего свою волю через органы – собрания [4]. При этом автор подчеркивает, что гражданско-правовое сообщество не тождественно юридическому лицу: оно не обладает статусом «лица», но тем не менее фактически участвует в имущественном обороте через принимаемые решения. Правосубъектность сообщества проявляется, прежде всего, в способности инициировать принятие решений, нести ответственность за неблагоприятные последствия принятых решений и выступать стороной в процессуальных отношениях, связанных с оспариванием решений.

Данный подход оказывается особенно верным в сферах, где решения собраний принимаются вне рамок юридического лица – в собраниях собственников, кредиторов, участников жилищных отношений, садоводческих товариществ и т.д. Л.А. Чеговадзе, исследуя кворум общих собраний в садоводческих некоммерческих товариществах, убедительно показывает, что именно через решения таких собраний реализуется гражданская правосубъектность соответствующих сообществ, а нормативная неопределенность требований к кворуму непосредственно влияет на легитимность решений и стабильность возникающих на их основе правоотношений [10].

В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о том, выступают ли решения собраний самостоятельными основаниями возникновения правоотношений или лишь «мостиком» к последующим догово-

ворам и иным сделкам. Представляется, что сочетание норм статей 2, 8 и 181.1 ГК РФ и доктрины гражданско-правового сообщества позволяет сделать вывод в пользу первого подхода. Решения собраний непосредственно создают, изменяют или прекращают правоотношения внутри сообщества (например, определяют размер обязательных платежей, утверждают правила пользования общим имуществом, выбирают управомоченную организацию), а также, в предусмотренных законом случаях, порождают обязательства между сообществом и третьими лицами (например, заключение договора управления многоквартирным домом на основании решения общего собрания собственников помещений).

Применение разработанных теоретических конструкций особенно наглядно проявляется в сфере жилищных отношений. Д.А. Формакидов выделяет несколько типов решений собраний участников жилищных отношений: решения общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, решения общего собрания пайщиков жилищных и жилищно-строительных кооперативов, решения общего собрания членов товариществ собственников жилья и решений групп собственников, принимаемые вне общего собрания (например, собственниками нежилых помещений или собственниками квартир одного подъезда) [5].

Формакидов показывает, что каждое из этих собраний представляет собой отдельное гражданско-правовое сообщество с различной компетенцией общих собраний и различной правовой природой: в кооперативах и товариществах общее собрание является органом управления корпоративной некоммерческой организацией, тогда как общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме выступает органом управления именно общим имуществом собственников, а не юридического лица. Соответственно, решения собраний в жилищных отношениях порождают как корпоративные, так и обязательственные правоотношения. Например, решение общего собрания собственников о выборе способа управления домом непосредственно порождает обязательственные отношения между собственниками и управляющей организацией, а решения о размере платы за содержание и ремонт общего имущества формируют содержание обязательств собственников по внесению соответствующих платежей.

Интересно, что Формакидов, опираясь на доктрину гражданско-правового сообщества, предлагает отнести к таким сообществам и более «локальные» группы собственников – например, собственников нежилых помещений, принимающих решения о благоустройстве определенной части территории, или собственников квартир одного подъезда, устанавливающих особые правила поведения в подъезде. В этих случаях решения собраний также порождают взаимные права и обязанности участников сообщества, хотя и не являются решениями «общего собрания» в смысле Жилищного кодекса РФ.

Такая практика показывает, что решения собраний как юридический факт выходят далеко за рамки формализованных процедур и выступают инструментом частной самоорганизации в различных сферах жизнедеятельности.

Обобщение нормативного материала, доктринальных подходов и судебной практики позволяет предложить интегративную модель решения собрания.

Во-первых, решения собраний следует признать основанием возникновения правоотношений в материально-правовом смысле: именно они определяют содержание управленческих и имущественных связей между участниками сообщества и, в установленных законом случаях, между сообществом и третьими лицами. Эта функция реализуется вне зависимости от того, квалифицируем ли мы решения собраний как сделки или как особый юридический факт *sui generis*. Важным здесь является то, что решение собрания носит направленный характер (аналогичный сделке) и специально предназначено для порождения правовых последствий, а не лишь фиксирует уже сложившееся состояние.

Во-вторых, решения собраний могут и должны рассматриваться как комплекс юридических фактов (юридический состав), включающий процедурные стадии (созыв, формирование повестки, определение кворума, проведение голосования, составление протокола). Нарушение любого из этих элементов может повлечь недействительность решения или невозможность признать его состоявшимся. Подобный подход, предложенный А.Я. Рыженковым [1], позволяет системно согласовать нормы главы 9.1 ГК РФ, регулирующие порядок принятия решений, с нормами о недействительности решений (ст. 181.3 ГК РФ) и с общими положениями о ничтожных и оспоримых сделках.

В-третьих, признание решений собраний специальным видом сделок, закрепленное в судебной практике, создает возможность применения общих норм о сделках к решениям собраний. Полагается, что такие нормы применимы субсидиарно – в той части, в какой вопросы не урегулированы специальными правилами главы 9.1 ГК РФ и не противоречат сущности коллективного волеизъявления. Это предполагает, что основания недействительности решения собрания, прямо указанные в статьях 181.3, 181.4 ГК РФ, должны рассматриваться как приоритетные, тогда как общие основания недействительности сделок (ст. 166-179 ГК



РФ) применимы лишь в случаях, когда по своей природе решение собрания действительно воспроизводит классическую сделку (например, согласие на совершение крупной сделки или одобрение сделки с заинтересованностью).

В-четвертых, конструкция гражданско-правового сообщества позволяет объяснить особый механизм связывания правовыми последствиями лиц, которые не выражали согласия на принятие решения (воздержались либо голосовали против), но входили в состав сообщества и имели право участвовать в собрании. В отличие от договора, где права и обязанности по общему правилу возникают только для согласившихся сторон, решения собраний «привязываются» к факту принадлежности лица к определенному сообществу и к предоставленной ему возможности участвовать в формировании коллективной воли. Именно принадлежность к сообществу, а не индивидуальное волеизъявление, становится основанием для обязательности решения.

Наконец, в-пятых, интегративная модель позволяет более четко разграничить решения собраний как основания возникновения правоотношений и последующие сделки, совершаемые во исполнение решений. Решение собрания определяет рамки и предпосылки для заключения последующих договоров (например, утверждает условия увеличения уставного капитала), но не подменяет собой соответствующие распорядительные сделки. В то же время в ряде случаев именно решение собрания непосредственно порождает обязательства (как в жилищных отношениях), и тогда оно выступает «самодостаточным» основанием возникновения правоотношений, без необходимости последующей сделки.

### Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовая природа решений собраний имеет комплексный характер. Эти решения одновременно являются:

- 1) сложным юридическим составом, включающим совокупность процедурных и содержательных элементов (повестка дня, кворум, голосование, протокол);
- 2) специальным видом многосторонних сделок, что позволяет применять к ним общие положения о сделках и их недействительности;
- 3) актами органов управления гражданско-правовых сообществ и юридических лиц.

Каждая из названных характеристик улавливает отдельный аспект явления, и лишь в их совокупности возможно адекватное понимание роли решений собраний в системе юридических фактов.

В связи с этим авторами предлагается интегративная модель решения собрания.

### Список источников

1. Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1 (21). С. 62 – 66.
2. Андреев В.К. Правовая природа решения собрания хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 27 – 33.
3. Павлов Н.А. Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 3. С. 190 – 228.
4. Политкин И.А. К вопросу о правосубъектности гражданско-правового сообщества // Цивилист. 2024. № 4.
5. Формакидов Д.А. Типология решений собраний участников жилищных отношений // Закон. 2023. № 3. С. 51 – 56.
6. Бессонова А.В. Правовое положение решений собраний в системе юридических фактов // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4А. С. 61 – 66.
7. Бибииков А.И. Решения собраний как гражданско-правовой акт // Евразийская адвокатура. 2015. № 5. С. 31 – 34.
8. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие, виды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 61 – 71.
9. Филипова С.Ю. Гражданско-правовое сообщество: понятие, структура, виды, динамика правовой связи (опыт инструментального исследования) // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 128 – 142.
10. Чеговадзе Л.А. О кворуме общих собраний в садоводческом некоммерческом товариществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 69 – 72.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015.

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.03.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «Консультант Плюс».

### References

1. Ryzhenkov A.Ya. Meeting Decisions as a Legal Fact in Entrepreneurial Law. Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2021. No. 1 (21). P. 62 – 66.
2. Andreev V.K. Legal Nature of a Meeting Decision of a Business Company. Entrepreneurial Law. 2022. No. 3. P. 27 – 33.
3. Pavlov N.A. Application of General Rules on Transactions and Their Invalidity to Meeting Decisions: A Review of Practice. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 3. P. 190 – 228.
4. Politkin I.A. On the Issue of the Legal Capacity of a Civil Law Community. Civilist. 2024. No. 4.
5. Formakidov D.A. Typology of Decisions of Meetings of Participants in Housing Relations. Law. 2023. No. 3. P. 51 – 56.
6. Bessonova A.V. Legal Status of Meeting Decisions in the System of Legal Facts. Issues of Russian and International Law. 2019. Vol. 9. No. 4A. P. 61 – 66.
7. Bibikov A.I. Meeting Decisions as a Civil Law Act. Eurasian Advocacy. 2015. No. 5. P. 31 – 34.
8. Gruzdev V.V. Civil-Law Communities: Concept, Types. Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 10. P. 61 – 71.
9. Filippova S.Yu. Civil-Law Community: Concept, Structure, Types, Dynamics of Legal Connection (Experience of Instrumental Research). Jurisprudence. 2014. No. 6 (317). P. 128 – 142.
10. Chegovadze, L.A. “On the Quorum of General Meetings in a Horticultural Non-Profit Partnership”. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2022. No. 3. P. 69 – 72.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”. Rossiyskaya Gazeta. June 30, 2015.
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 6, 2020 No. 306-ES19-24912 in Case No. A65-3053/2019. SPS “Consultant Plus”.

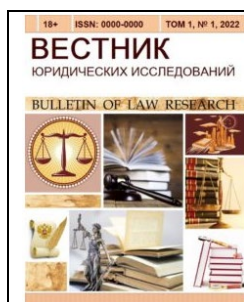
### Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), [tas242@yandex.ru](mailto:tas242@yandex.ru), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9605-0966>

Капитоненко А.С., профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), [angelina\\_seryogina@mail.ru](mailto:angelina_seryogina@mail.ru)

© Скворцова Т.А., Капитоненко А.С., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34.028.5

### *Развитие российского права в XV-XVIII веках: основные тенденции и особенности*

<sup>1</sup> Цуканов С.С.,

<sup>1</sup> Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

**Аннотация:** в статье анализируются ключевые памятники российского права XV-XVIII веков: Судебники 1497 и 1550 годов и Соборное уложение 1649 года, а также указы Петра I о реформе суда.

Целью исследования стало изучение нормативных документов характеризующих российское законодательство в период централизованного государства, выявление норм существенно отличных от прошлых и характерных для единого государства.

Объектом исследования выступили формы судопроизводства, участники судопроизводства и особенности их прав, а также система доказательств.

Рассмотрение основных положений Судебников 1497 и 1550 гг, Соборного уложения 1649 г. и указов Петра I о судебном процессе позволили оценить их значение для развития российского права и их влияние на формирование правовой системы единого русского государства. В статье особое внимание уделяется анализу изменений в правовом регулировании уголовной ответственности, судопроизводства и других сфер общественной жизни.

Исследование позволило сделать вывод о том, что складывание судебной системы единого государства проходило на протяжении нескольких столетий. Несмотря на появление писанного права обычное право продолжало играть значимую роль в уголовном и гражданском процессах. Судебные решения зачастую основывались не только на представленных доказательствах, но и учитывали сложившуюся судебную практику.

**Ключевые слова:** российское право, централизованного государство, гражданский и уголовной процесс, судопроизводство, Судебник, Соборное уложение, законодательство Петра I

**Для цитирования:** Цуканов С.С. Развитие российского права в XV-XVIII веках: основные тенденции и особенности // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 123 – 127.

Поступила в редакцию: 17 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### *Development of Russian law in the 15th-18th centuries: main trends and features*

<sup>1</sup> Tsukanov S.S.,

<sup>1</sup> Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

**Abstract:** this article analyzes key Russian legal documents of the 15th-18th centuries: the Sudebniks of 1497 and 1550 and the Cathedral Code of 1649, as well as Peter I's decrees on judicial reform.

The aim of this study was to examine regulatory documents characterizing Russian legislation during the centralized state period and to identify norms that differed significantly from previous ones and were characteristic of a unified state.

The object of the study was the forms of legal proceedings, the parties to the proceedings and the specifics of their rights, as well as the system of evidence.

An examination of the key provisions of the Sudebniki of 1497 and 1550, the Cathedral Code of 1649, and Peter I's decrees on judicial procedure allowed us to assess their significance for the development of Russian law and their influence on the formation of the legal system of a unified Russian state. The article focuses on changes in the legal regulation of criminal liability, legal proceedings, and other areas of public life.

The study concluded that the development of the judicial system of a unified state took place over several centuries. Despite the emergence of written law, customary law continued to play a significant role in criminal and civil proceedings. Court decisions were often based not only on the evidence presented but also took into account established judicial practice.

**Keywords:** Russian law, centralized state, civil and criminal procedure, legal proceedings, Sudebnik, Cathedral Code, legislation of Peter I

**For citation:** Tsukanov S.S. Development of Russian law in the 15th-18th centuries: main trends and features. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 123 – 127.

The article was submitted: September 17, 2025; Approved after reviewing: November 15, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Становление централизованного государства в России было сопряжено не только с формированием территориального единства, но и требовало изменения нормативной базы. Простой кодификации существовавших правовых норм было недостаточно, требовалось создание новых нормативных документов. Именно этот процесс пришелся на XV-XVIII вв.

### Материалы и методы исследований

Основой для исследования явились памятники отечественного права: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., а также указы Петра I. Предметом исследования выступили нормы судопроизводства характеризующие особенности проведения уголовного и гражданского процессов.

Ключевыми методами исследования стали: историко-генетический, позволивший рассмотреть эволюцию правовых норм и институтов в хронологической последовательности в рамках XV-XVIII вв.; историко-сравнительный метод обеспечил возможность сравнения выявленных институтов, выявление общих черт; формально-юридический метод был использован при выявлении юридических норм, принципов и понятий в текстах анализируемых документов.

### Результаты и обсуждения

По мере развития общества и формирования Русского централизованного государства, характеризующегося развитием социально-экономических отношений, временные рамки которых XV-XVII вв., происходит и развитие и совершенствование судебной системы в целом, правил и порядка судопроизводства. В данный период происходит дальнейшее разделение судебного процесса на уголовные и политические дела, дела гражданские. При этом, изменяется в зависимости от рассматриваемого дела и судебный процесс. Так, при рассмотрении политических или уголовных дел процесс судопроизводства носил инквизиционный, то есть розыскной характер. При рассмотрении гражданских дел процесс судопроизводства характеризовался как состязательный.

Развитие доказательственного права в Русском царстве опиралось на ряд фундаментальных законодательных документов. В частности, это Судебник Ивана III 1497 г., целью которого была систематизация права, Судебник Ивана IV 1550 г., принятый в период сословно-представительной монархии, и масштабное Соборное уложение 1649 г., сохранявшее свою силу до 1832 г. Эти документы содержат в себе единое право реализовать и предоставить доказательство сторонам дела, то есть доказывать свою правоту или опровергать слова противоположной стороны по делу, стороны должны были самостоятельно. При этом, суд выступал лишь в роли рефери, то есть оценивая приводимые сторонами доказательства по делу, рассматривая их значимость и выявляя истину [5, с. 125].

Важным элементом развития судебной системы является наделение истца и ответчика равными правами в части предоставления суду доказательств по делу, когда ранее истец имел более привилегированное положение в отношении ответчика.

Анализ норм Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. позволяет сделать вывод о фактическом расширении полномочий суда, выражающийся в возможности требования судом у сторон дела и свидете-

лей дачи пояснений определенных фактов, а также возможности предложения сторонам дела рассмотреть более подробно какой-либо факт, который по мнению суда является важным и позволяет качественно открыть истину по рассматриваемому делу. Также суд получает право принимать или отказывать в рассмотрении тех или иных фактов по делу, принимать решения в отношении, представляемых сторонами доказательств, к сущности дела, или не являющимися таковыми.

В целом, за период XV-XVII вв. систему доказательств, применяемую при рассмотрении судами гражданских дел можно подразделить на типичные и нетипичные [11, с. 355]. В частности, к типичным доказательствам, что в большей степени свойственно состязательному процессу, относились такие доказательства как:

- показания и признание сторон процесса;
- показания свидетелей играли ключевую роль, причём их регламентация предусматривала два основных типа. В случае "общей ссылки" к одному свидетелю обращались обе стороны, и его свидетельство определяло исход разбирательства. При "ссылке виноватых" свидетель должен был подтвердить позицию той стороны, которая его вызвала;
- присяга;
- письменные доказательства в зависимости от специфики рассматриваемого дела;
- судебный поединок.

К нетипичным доказательствам можно отнести такие виды доказательства, которые в большей степени свойственны уголовному разбирательству, то есть следственному процессу – это:

- повальный обыск;
- очная ставка;
- пытка [8, с. 54].

Необходимо отметить, что два последних доказательства использовались в судебном процессе достаточно редко. В частности, Соборное уложение 1649 г. устанавливает в статьях 251 и 252 (глава X) право проведения очной ставки при рассмотрении дел о насильственном оформлении служилых кабал (обязательство отработать займ в хозяйстве кредитора сроком на один год или до отработки долга) и заемных кабал (обязательство отработать займ в хозяйстве кредитора до смерти господина), а также в спорах по «вотчинным и поместным делам между родичами» (споры о землевладении), что закреплено в главе XVI статьях 23, 54, 59 Соборного уложения 1649 г. [7, с. 23; 9, с. 346].

Необходимо отметить, что повальный обыск проводился лишь по требованию сторон рассматриваемого дела, и только при имеющихся доказательствах. Также суд мог самостоятельно назначить повальный обыск подозреваемого при наличии определенных доказательств или обоснованного сомнения.

Дальнейшее развитие юриспруденции в целом и доказательственного права в частности прослеживается в Судебнике 1550 г., где установлено право суда не рассматривать доказательства по делу при наличии признания стороны, что закреплено в статье 25 настоящего документа. Аналогичная норма также имеется и в Соборном уложении в статье 8 главы X. Необходимо отметить, что ранние документы не устанавливали данное правило, и наравне с признанием сторон, суд должен был рассматривать и иные доказательства. Так, суд по основному вопросу иска или рассматриваемого дела при наличии признания иска ответчиком, выносил решение на основании признания. Прочие вопросы рассматриваемого дела решались на общих основаниях и при наличии прочих доказательств, представленных сторонами [4, с. 822].

В период становления абсолютизма отличительными чертами судопроизводства были его тайный характер, строгая письменная форма, а также активная позиция суда при формальной оценке доказательств [10, с. 238]. В контраст этому, процессуальная активность сторон оставалась крайне низкой. Суд активно стремился к истине, возлагая на истца бремя обоснования иска доказательствами, а на ответчика – обязанность оправдаться. При этом функция по сбору и оценке всех доказательств, включая решение об их допустимости, полностью лежала на суде, подчеркнем, что стороны в данном вопросе не имели власти. Данный аспект правомочности в отношении доказательной базы раскрывается в статье 11 главы II части II «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», что является структурной частью Воинского устава Петра I [2, с. 112].

Значимость данного документа в истории российского права заключается прежде всего в том, что он впервые установил перечень допустимых средств доказывания. При этом, в вопросах оценки доказательств, документ руководствовался теорией формальных доказательств, подразделяя их на полные (совершенные) и неполные (несовершенные). К ним относились:

- собственное признание истца, ответчика или свидетеля по рассматриваемому делу;
- свидетельские показания по делу, принятые судом;

- документы, подтверждающие или опровергающие доводы истца или ответчика;
- присяга.

Однако, не смотря на широту доказательной базы, допускаемой в судебном процессе, наиболее важным и не требующим дополнительных доказательств, являлось собственное признание. В частности, в статье 1 главы II части II «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» установлено: «Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнего доказу не требует, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света» [2, с. 121]. В тот период система доказательств была иерархичной: показания двух свидетелей считались полным доказательством. Свидетельство одного человека расценивалось как неполное, причём его значимость зависела от гендерной и социальной дискриминации. Так, показания мужчин, а также знатных и образованных лиц, имели существенно больший вес в суде по сравнению со свидетельствами женщин, незнатных или необразованных [2, с. 132].

Также значительное внимание уделялось документам, принимаемым в судебном разбирательстве в качестве доказательств. Которые подразделялись на документы, зарегистрированные в государственных органах, и на документы частной переписки и различные записки. Таким образом, действующее в это время законодательство устанавливало правило возможности решения спора при наличии письменного документа, допущенного к принятию как доказательства, что позволяло исключить дальнейшее доказывание по делу.

В области письменных доказательств существовали специфические правила: торговые книги, изначально считавшиеся половинным доказательством, могли приобрести статус полного, если купец под присягой подтверждал полноту всех записей, включая взаимные обязательства [6, с. 141]. Позднее, с введением Указа «О форме суда», процессуальные нормы изменились, выдвинув состязательные принципы на первый план. Это означало, что расследование велось постатейно по челобитной, и обе стороны – истец и ответчик – были обязаны предоставлять доказательства. При этом истец должен был подготовить и подать все свои доказательства ещё до начала судебного разбирательства, в то время как ответчику предоставлялось время для сбора и представления своих документов уже в ходе самого процесса [1, с. 174].

### Выводы

Спецификой Указа «О форме суда» 1723 г. является попытка возродить состязательность судебного процесса, в большей степени по гражданским делам и частично по уголовным. Это подтверждается отменной розыска и установленного ранее правила о рассмотрении дела и принятии решения на основании представленных сторонами дела доказательств. Суд принимал решения на основании представленных сторонами доказательств. Однако Указ также предоставлял суду право самостоятельно собирать необходимые справки и иные сведения, которые не были представлены сторонами. При этом документ не устанавливал фактических ограничений на право суда по собиранию доказательств, что нередко приводило к затягиванию судебных разбирательств.

Несмотря на намерение усовершенствовать судопроизводство, Указ 1723 года был внутренне противоречив: его нормы плохо согласовывались с положениями «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». Это несоответствие стало причиной дезорганизации и криминализации судебной системы.

### Список источников

1. Гольсмитен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб: Типография В.С. Балашева, 1885. 429 с.
2. Ефремова Н.Н., Исаев И.А., Штамм И.С. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. / отв. Ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. 312 с.
3. Ибрагимов Ю.М., Хадисов С.В. Состояние гражданского судопроизводства в XV-XVIII веках // Вестник научной мысли. 2021. № 6. С. 822 – 824.
4. Киселев С.В. Становление и развитие законодательства о защите права собственности в России // Эпоха науки. 2024. № 38. С. 57 – 61.
5. Пузанов Д.А. Развитие научных представлений о принципах уголовного права в России // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 4 (79). С. 725 – 729.
6. Рассказов В.Л. Судопроизводство по имущественным спорам и его особенности по торговым делам в Московском государстве с середины XVI до середины XVII века // Общество и право. 2020. № 2. С. 139 – 143.
7. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / коммент. Г.В. Абрамовича и др.; руководитель авт. кол-ва А.Г. Маньков. М.: Наука, 1987. 488 с.

8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Московский университет, 1961. 444 с.
9. Упоров И.В. Система уголовного судопроизводства в Московском государстве (на основе анализа Соборного уложения 1649 года) // Наукосфера. 2021. № 4-2. С. 346 – 351.
10. Упоров И.В. Уголовный процесс в Русском централизованном государстве в середине и второй половине XVII века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5 (96). С. 237 – 241.
11. Шве́ц С.В., Баширова С.Г., Соколова Т.Л., Набока А.А., Бакшеев А.И. Развитие права в России: актуальные тенденции и направления развития // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 354 – 357.

### References

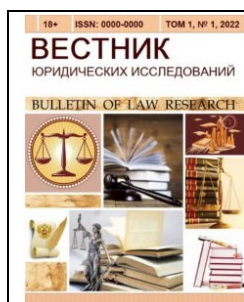
1. Gol'sten A. Kh. Textbook of Russian Civil Procedure. St. Petersburg: V.S. Balashev Printing House, 1885. 429 p.
2. Efremova N.N., Isaev I.A., Stamm I.S. Development of Russian Law in the Second Half of the 17th-18th Centuries. Ed. E. A. Skripilev. Moscow: Nauka, 1992. 312 p.
3. Ibragimov Yu. M., Khadisov S. V. State of Civil Procedure in the 15th-18th Centuries. Bulletin of Scientific Thought. 2021. No. 6. P. 822-824.
4. Kiselev S. V. Formation and Development of Legislation on the Protection of Property Rights in Russia. The Age of Science. 2024. No. 38. P. 57 – 61.
5. Puzanov D.A. Development of Scientific Concepts on the Principles of Criminal Law in Russia. Alley of Science. 2023. Vol. 1. No. 4 (79). P. 725 – 729.
6. Rasskazov V.L. Legal Proceedings on Property Disputes and Its Features in Commercial Cases in the Muscovite State from the Mid-16th to the Mid-17th Century. Society and Law. 2020. No. 2. P. 139 – 143.
7. Cathedral Code of 1649: Text, Commentary. Commentary by G.V. Abramovich et al.; Head of the Authors' Group A.G. Mankov. Moscow: Nauka, 1987. 488 p.
8. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649. Moscow: Moscow University, 1961. 444 p.
9. Uporov I.V. The system of criminal proceedings in the Muscovite state (based on the analysis of the Cathedral Code of 1649). Naukosfera. 2021. No. 4-2. P. 346 – 351.
10. Uporov I.V. Criminal proceedings in the Russian centralized state in the middle and second half of the 17th century. International journal of humanitarian and natural sciences. 2024. No. 9-5 (96). P. 237 – 241.
11. Shvets S.V., Bashirova S.G., Sokolova T.L., Naboka A.A., Baksheev A.I. Development of law in Russia: current trends and directions of development. Legal science. 2024. No. 10. P. 354 – 357.

### Информация об авторе

Цуканов С.С., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

© Цуканов С.С., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.731

### ***Понятие и место свободы совести и свободы вероисповедания в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в современной России***

<sup>1</sup> Серeda С.П.,

<sup>1</sup> Вологодский институт права и экономики ФСИН России

**Аннотация:** целью исследования в настоящей статье является определение концептуальных основ и места свободы совести и свободы вероисповедания в системе конституционных прав и свобод в Российской Федерации. В задачи входит комплексный анализ конституционных норм и текущего законодательства, выявление их противоречий и пробелов. На основе изучения статистических данных, правоприменительной практики и результатов социологического опроса автор приходит к выводу о неоднозначном восприятии действующего правового регулирования в данной области в обществе. Основное внимание в статье уделяется критике дублирования и содержательного совпадения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в законодательстве. Обосновывается, что исторически сложившееся атеистическое звучание термина «свобода совести» не в полной мере отражает многоконфессиональный характер российского общества. В качестве решения предлагается исключить понятие «свобода совести» из текста Конституции РФ, оставив и раскрыв термин «свобода вероисповедания», а также дополнить статью 28 частью, конкретизирующей допустимые ограничения этой свободы. Практическая значимость работы заключается в выработке конкретных предложений по совершенствованию конституционного законодательства, направленных на укрепление нравственного содержания соответствующих норм и их большее соответствие историко-культурным особенностям России.

**Ключевые слова:** свобода совести, свобода вероисповедания, конституционные права, светское государство, правовое регулирование, религиозные объединения

**Для цитирования:** Серeda С.П. Понятие и место свободы совести и свободы вероисповедания в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в современной России // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 128 – 135.

Поступила в редакцию: 18 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***The concept and place of freedom of conscience and freedom of religion in the system of constitutional human and civil rights and freedoms in modern Russia***

<sup>1</sup> Sereda S.P.,

<sup>1</sup> Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

**Abstract:** the purpose of the research in this article is to determine the conceptual foundations and the place of freedom of conscience and freedom of religion in the system of constitutional rights and freedoms in the Russian Federation. The tasks include a comprehensive analysis of constitutional norms and current legislation, identifying their contradictions and gaps. Based on the study of statistical data, law enforcement practice and the results of a sociological survey, the author comes to the conclusion that there is an ambiguous perception of the current legal



regulation in this area in society. The main focus of the article is on criticism of the duplication and meaningful overlap of the concepts of "freedom of conscience" and "freedom of religion" in legislation. It is proved that the historically atheistic sound of the term "freedom of conscience" does not fully reflect the multi-confessional nature of Russian society. As a solution, it is proposed to exclude the concept of "freedom of conscience" from the text of the Constitution of the Russian Federation, leaving and revealing the term "freedom of religion", as well as to supplement article 28 with a part specifying permissible restrictions on this freedom. The practical significance of the work lies in the development of specific proposals for improving constitutional legislation aimed at strengthening the moral content of the relevant norms and their greater compliance with the historical and cultural characteristics of Russia.

**Keywords:** freedom of conscience, freedom of religion, constitutional rights, secular state, legal regulation, religious associations

**For citation:** Sereda S.P. The concept and place of freedom of conscience and freedom of religion in the system of constitutional human and civil rights and freedoms in modern Russia. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 128 – 135.

The article was submitted: September 18, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Как показывают различные исследования за 25 последних лет доля верующих в нашей стране значительно выросла. Согласно официальным статистическим данным о числе верующих в России, представленным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на основании результатов мониторингового исследования, опубликованного в июне 2025 года, 67% опрошенных россиян считают себя православными, около 7% исповедуют ислам, 1% исповедуют буддизм, 1% – протестантизм, 0% – католицизм, 3% – верующий без принадлежности к конфессии, 4% – колеблется между верой и неверием, 11% являются неверующими [1]. При этом на конец 2025 года в России было зарегистрировано 30 896 религиозных организаций всех конфессий, в том числе относящихся: к Русской православной церкви – 18 550 (60%); к исламу – 5954 (19,3%); к протестантским организациям (пятидесятники, баптисты и др.) – около 1 234 (4%); к Католическим организациям – менее 100 (0,3%); общее число организаций, представляющих христианские ценности – 19884 (около 64,4%) [2]. При этом количество зарегистрированных религиозных организаций ежегодно неуклонно растет.

Регулирование отношений в сфере реализации свободы совести и вероисповедания, деятельности религиозных объединений в нашей стране должно быть уникальным и не повторять полностью каких-то универсальных типовых правовых механизмов, копировать зарубежный опыт. Стремление к такому особому правовому регулированию рассматриваемой сферы прослеживается и находит отражение в действующем законодательстве, в первую очередь в Федеральном законе от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ О свободе совести и о религиозных объединениях) [3]. Однако в указанной сфере имеются определенные «пробелы», противоречия и иные недостатки.

В связи с этим требуется комплексный анализ современного состояния правового регулирования отношений в сфере реализации свободы слова и вероисповедания на основе исследования.

### Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, применение которых позволило обеспечить достоверность полученных результатов, обоснованность выводов и достижение поставленных целей работы. Для решения поставленных задач в работе использовались следующие методы: формально-юридический (нормативно-догматический) метод, сравнительно-правовой метод, системный метод, метод интерпретации правовых актов.

Материалами для проведения исследования послужили действующие нормативные правовые акты, правоприменительная практика, исследования отечественных ученых в области конституционного права, теории права.

### Результаты и обсуждения

Как сказано в ст. 14 Конституции РФ (далее – Конституция), никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [4]. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, сво-

бодно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28). Эти свободы обеспечиваются равенством прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, а также запретом любых форм ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст. 18 Конституции). В то же время Конституция запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду религиозного превосходства (ст. 29).

Конституция России защищает свободу совести и вероисповедания как одно из важнейших прав. Оно находится под особой защитой: его нельзя отменить даже при введении чрезвычайного положения, так же как право на жизнь или неприкосновенность частной жизни. При этом данное право, как и все остальные, может быть ограничено в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 55 Конституции). Это возможно в соответствии с федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом отмена или умаление данных права и свободы недопустимы.

Также следует упомянуть и об ограничении, установленном частью 5 ст. 13 Основного закона, в соответствии с которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Данное ограничение в полной мере применимо и к религиозным объединениям, которые, по своей сути, являются одной из форм общественных объединений. Впрочем, данная норма неочевидна при буквальном прочтении текста Основного закона, что объясняется, на наш взгляд, некоторой несогласованностью конституционно-правовых норм и недостатками в юридической технике.

Содержание упомянутых норм в полной мере соответствует современным тенденциям и представлениям о правах и свободах человека и гражданина в религиозной сфере и не содержит в себе каких-то серьезных отличий Основного закона России от аналогичных нормативно-правовых актов многих других государств. Между тем, на наш взгляд, Конституция РФ как основной фундаментальный нормативно-правовой документ должен не только отражать последние достижения правовой мысли в области прав человека, но учитывать и отражать особенности и опыт многовекового историко-культурного развития государства.

В том числе именно по этой причине для того, чтобы учесть многовековое историко-культурное наследие России, в Конституцию РФ Законом РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ были внесены соответствующие новеллы, принятые на общероссийском голосовании [5]. В Основной закон была включена новая статья 67.1., в ч. 2 которой провозглашается, что фундаментом государственного единства нашей страны является многовековая преемственность, основанная на общей истории, почитании предков и унаследованном от них духовном ориентире - вере в Бога. Таким образом, в основном законе нашей страны впервые говорится о вере в Бога.

Однако внесенных изменений в основной закон страны, на наш взгляд, недостаточно. Обращает на себя особое внимание то, что Конституция РФ, подчеркивая в преамбуле многонациональность народа Российской Федерации, общую судьбу, исторически сложившееся государственное единство и память предков, гарантируя сохранение этнокультурного и языкового многообразия в ч. 2 ст. 69, отмечая необходимость защиты прав национальных меньшинств в п. «в» ст. 71 и п. «б» части 1 ст. 72, признавая идеологическое и политическое многообразие в ст. 13, закрепляя ответственность за сохранение историко-культурного наследия, памятников истории и культуры в ст. 44, неоднократно обращаясь к вопросам культурного и национального развития в ст.ст. 67.1, 68, 69, 71, 72, 74, 114, в то же время по-прежнему не указывает на исторически сложившийся многоконфессиональный характер российского народа и особую роль православия и других основных религий в его становлении. В том числе нет указания на это и в ст. 67.1 и в других новых статьях и положениях, внесенных в 2020 году. В Конституции РФ говорится про многонациональность, этнокультурное и языковое многообразие, но не говорится про многоконфессиональность российского народа. Между тем, как справедливо указывают специалисты, религиозные представления занимают центральное место в культурном пространстве [6].

Однако в Конституции РФ религии, религиозному своеобразию российского общества отводится второстепенная роль. В этой связи, следует обратить внимание на вводную часть к ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в которой признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России [3]. Однако, это

справедливое утверждение и признание, на наш взгляд, должно содержаться в первую очередь в Конституции РФ, по крайней мере, в преамбуле к ней, поскольку носит основополагающее значение для всего российского общества. Ряд современных исследователей допускают возможность конституционного выделения так называемого «традиционного» доминирующего религиозного объединения, возглавляемого РПЦ [7, с. 15].

Безусловно, отношение к данному предложению, а также в целом к правовому регулированию свободы совести и вероисповедания, будет зависеть от их религиозных предпочтений. Однако обсуждаемая формулировка в полной мере учитывает сложный многоконфессиональный состав населения России, а также религиозность нашего общества при ведущей роли православия. Об этом убедительно свидетельствуют ранее приведенные нами официальные статистические данные и данные социологических исследований ВЦИОМ.

В ходе проведенного нами социологического опроса среди обучающихся образовательных организаций высшего образования (200 человек) 42% респондентов высказались за полное отделение религиозных объединений от государства, 52% с этим не согласились, 91% опрошенных высказались против установления каких-либо преимуществ для какой-либо религии, 6,5% наоборот это допускают. Более половины опрошенных (58%) считают, что значительное влияние православия на формирование исторического пути, духовных основ и культурного наследия России должны признаваться и учитываться законом, и лишь 36,8% не поддерживают этого. При этом из 79% опрошенных по их словам исповедуют православие, 3% – ислам, 0,5% – буддизм, 13,6% отнесли себя к неверующим. Данный опрос еще раз подтверждает то, что действующие принципы правового регулирования свободы совести и вероисповедания в нашей стране неоднозначно оценивают в обществе.

По мнению некоторых авторов, истоки современной конституционной формулы свободы совести следует искать в дореволюционной России, а также и особенно в начале XX века, когда начала формироваться правовая традиция законодательного регулирования этого вопроса [8]. То есть, фактически, сегодняшнее положение о свободе совести в Основном законе рассматривается как продолжение традиций, заложенных ещё до революции, когда в праве начали определять её границы, с чем мы не согласны. На наш взгляд, рассматриваемые положения Конституции РФ сформировались в большей степени под влиянием советского атеистического периода российской истории и последовавшего за ним периода демократических преобразований и значительных заимствования международных и европейских норм в области прав человека. При этом «в действительности свобода совести трансформировалась в свободу безсовестности» [9, с. 292].

До 1917 г. свобода совести не упоминалась, а говорилось о свободе веры, свободном отправлении своей веры и богослужения, хотя и при признании главенствующей роли православного вероисповедания. Активное внедрение термина «свобода совести» стало осуществляться в конституционном и ином законодательстве только после 1917 г. Причем, как это видно из текстов всех конституций РСФСР и СССР, неотъемлемой и, пожалуй, главной составной частью свободы совести являлось юридически закрепленное право осуществлять антирелигиозную и атеистическую пропаганду. Эти термины сегодня не используются в Конституции РФ, однако закрепленное в ней понятие «свобода совести», на наш взгляд, в большей степени носит атеистическую направленность, подразумевает атеистическое мировоззрение. На это указывает и то, что если в конституциях РСФСР и СССР использовалось одно единое понятие «свобода совести», то Конституция РФ в ст. 28 использует и перечисляет через запятую, а значит, различает и разделяет, два понятия: вначале свободу совести, а затем и свободу вероисповедания. Однако в ст. 28 дается общее определение данных свобод: «право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Такое дублирование понятий мы считаем неверным. Такое дублирование понятий, имеющее место и в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3), мы считаем неверным. Исходя из этого неверным является и само название данного закона.

Понятие «свобода совести» сформировалось в российском законодательстве в том числе под влиянием международно-правовых стандартов, а также как новая модель взаимодействия общества и государства в период реформ, что привело к закреплению двух однопорядковых понятий в ст. 28 Конституции РФ [8].

Содержание ст. 28 Конституции РФ в значительной степени концептуально повторяет содержание ст. 18 Всеобщей декларации прав человека [10], ст. 18 Международного Пакта от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах» [11]. В них также одновременно упоминаются и отождествляются свобода мысли, совести и религии: свобода иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. В нашем Ос-

новном законе свобода мысли раскрывается отдельно в ст. 29. однако в основных своих чертах правовая конструкция закрепления однопорядковых понятий является идентичной. В связи с этим исключение термина «свобода совести» при одновременном сохранении понятия и установленного содержания «свободы вероисповедания» в тексте Конституции РФ и ином законодательстве не будет противоречить нормам международного права. Многие страны, например, США, Франция и Италия, не используют в своих конституциях термин «свобода совести» [12, 13]. В других же государствах, таких как Германия, Австрия и Швейцария, это понятие приравнивается к свободе вероисповедания и используется вместе с ним [12, 13].

И свобода совести, и свобода вероисповедания – неотъемлемая часть гражданских и политических прав человека и гражданина. Безусловно, в значительной степени это именно гражданские права, которые, как нам кажется, не должны смешиваться с политическими правами. Однако, как показывает история, и особенно ярко история России, права и свободы в религиозной сфере в значительной степени зависят от политического строя, политических отношений, зачастую приобретают характер прав и свобод политических. Вместе с тем, следует согласиться и с тем мнением, что возрастающая роль религии в государстве не должно означать автоматического отнесения свободы вероисповедания к политическим правам [14, с. 124].

Для оправдания необходимости свободы совести в ее самом крайнем атеистическом выражении представители советской научной мысли фактически вычеркивали многовековой российский опыт регулирования межконфессиональных отношений, находя истоки и примеры свободы совести и атеизма уже в древнем античном мире, в европейских средневековых ересьях, в реформации, в завоеваниях европейских буржуазных революций, как отмечает Савельев В.Н. [15]. По мнению Калинина В.Н., на основании идей естественного права, материализма, социализма в СССР было сформировано целое направление научного атеизма [16, с. 5].

Положения Конституции РФ о свободе совести и свободе вероисповедания в полной мере особенности историко-культурного развития России не учитывают, закрепляя универсальные нормы. В дореволюционной России активно обсуждались и формулировались идеи нравственно-религиозного осмысления и закрепления норм права, при этом идеи естественного права не отвергались, а наоборот, дополнялись, как, например, в религиозно-философских взглядах Е.Н. Трубецкого [17]. Схожие взгляды высказывают и некоторые современные ученые, предлагающие наполнять право религиозно-нравственным содержанием, учитывать традиции и национальный характер, различия между Россией и Западом, рассматривать право как атрибут духовности человека и общества [9]. Такой подход, на наш взгляд, мог бы быть наиболее востребованным при формулировании конституционно-правовых норм о свободе совести и свободе вероисповедания. Как отмечают современные исследователи, «культурной традицией России является взаимодействие государства и религиозных объединений. Нередко имеет место переплетение их сфер деятельности, а также появление общих сфер, где государство и религиозные объединения должны решать вопросы с учетом позиций друг друга» [7, с. 13].

Согласно взглядам некоторых дореволюционных правоведов, в частности Б.Н. Чичерина, существовало разграничение между свободой совести и свободой вероисповедания. Свобода совести трактовалась как внутренняя свобода личности исповедовать любую религию в соответствии с собственными чувствами и убеждениями. Свобода вероисповедания, в свою очередь, понималась как внешнее проявление этого выбора, включающее право на коллективные богослужения, отправление обрядов и проповедь своего вероучения [18, с. 280]. В современной научной парадигме преобладает подход, согласно которому свобода совести трактуется как феномен внутреннего, субъективного плана, в то время как свобода вероисповедания относится к сфере внешних, публичных действий [7, с. 108]. При этом, если придерживаться такого подхода, то близкими понятию «свобода вероисповедания» семантически и содержательно являются и соответствуют используемые в научной литературе и правовых актах разных стран и эпох термины «свобода церковная», «свобода религии» и «свобода веры». Для советской правовой доктрины была характерна тенденция к отождествлению «свободы совести» с «свободой вероисповедания», что, как мы уже отмечали, нашло отражение в советском законодательстве. Различные мнения и даже трактовки положений Конституции РФ можно найти у современных авторов. По мнению одних авторов ст. 28 Конституции РФ не отождествляет рассматриваемые понятия [19, с. 70], по мнению других эти понятия соотносятся как форма (свобода вероисповедания) и содержание (свобода совести) [7, с. 114].

### Выводы

Свобода совести и свобода вероисповедания, если их рассматривать не в контексте конкретных формулировок Конституции РФ, являются различными понятиями и по своему звучанию и по содержанию. Следует согласиться с тем, что свобода совести в большей степени означает свободу внутреннего мировоззренческого отношения, переживания, признания или отрицания тех или иных религиозных представлений. Сво-

бода же вероисповедания в значительной степени обозначает свободу внешнего выражения своих исповедуемых либо не исповедуемых религиозных представлений, убеждений, чувств, переживаний, взглядов. Однако в ст. 28 Конституции РФ указанные понятия перечисляются через запятую, юридически признаются тождественными друг другу и наполняются одинаковым содержанием. В связи с этим, а также учитывая то, что исторически свобода совести ошибочно стала восприниматься как свобода иметь атеистические взгляды, как свобода от каких-либо религиозных взглядов, в ст. 28 Конституции РФ достаточно оставить лишь понятие свободы вероисповедания. При этом свобода совести в полной мере может рассматриваться как составная и необходимая часть свободы вероисповедания. Исключение понятия «свобода совести» из Конституции РФ и других законодательных актов не будет означать запрета на атеистические взгляды либо иное ограничение в данной сфере, поскольку свобода вероисповедания подразумевает, на наш взгляд, и отказ от религии, от вероисповедания. Исключив термин «свобода совести», можно придать норме статьи 28 Конституции РФ более глубокий нравственный смысл и содержательное наполнение. Свобода вероисповедания - это свобода исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Вместе с тем, мы убеждены, что свобода вероисповедания, гарантированная ст. 28 Конституции, не может быть абсолютной. Конституция должна допускать ее разумные ограничения, которые, не отменяя саму свободу, напоминают о нравственной и правовой ответственности человека, когда он публично выражает свои религиозные взгляды. Так, ст. 28 следует дополнить частью 2 следующего содержания: «Осуществление свободы вероисповедания не должно приводить к подрыву конституционных основ, ущемлению нравственности, здоровья, прав и законных интересов других людей, а также угрожать обороне страны, государственной безопасности и разжигать социальную, расовую, национальную или религиозную вражду». Для обсуждения и принятия предлагаемых изменений и дополнений в Конституцию РФ необходимо проведение всенародного голосования.

#### Список источников

1. Религия и общество: мониторинг [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (дата обращения: 02.09.2025)
2. Религиозные НКО в России в 2025 году и их участие в благотворительности [Электронный ресурс] // Аналитический центр «Регистры НКО» (на основе данных Минюста РФ). URL: <https://reg-nko.ru/smi/religioznye-nko-v-rossii-v-2025-godu-i-ih-uchastie-v-blagotvoritelnosti> (дата обращения: 20.09.2025)
3. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.09.2025)
5. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
6. Бабаева А.В. Место и роль религии в культуре // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 2. С. 38 – 43.
7. Губин М.Ю. Становление и развитие идеи светского государства в России: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 229 с.
8. Дорская А.А. Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 1 (21). С. 17 – 24.
9. Сорокин В.В. Право и православие: монография. Барнаул, 2007. 547 с.
10. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр. № 67.
11. Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
12. Конституции стран мира. Хрестоматия: в 7 ч. Ч. 3: Америка / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1606 с.

13. Конституции стран мира. Хрестоматия: в 7 ч. Ч. 2: Европа / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1054 с.
14. Караманукян Д.Т. и др. Права человека в России: история, теория и практика: учебное пособие / отв. ред. и авт. предисл. Д.Т. Караманукян. Омск: Омская юридическая академия, 2015. 306 с.
15. Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория: монография. М.: Высшая школа, 1991. 144 с.
16. Калинин В.Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. М.: Знание, 1989. 62 с.
17. Бернацкий Г.Г. Е.Н. Трубецкой: естественное право и религия / Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб.: Изд-во СЗАГС, 1999. 141 с.
18. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. 505 с.
19. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 331 с.

### References

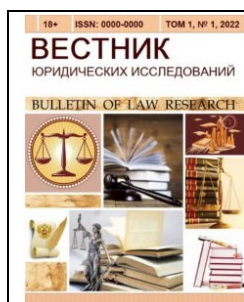
1. Religion and Society: Monitoring [Electronic resource]. All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (date of access: 02.09.2025)
2. Religious NGOs in Russia in 2025 and their participation in charity [Electronic resource]. Analytical Center "NGO Registers" (based on data from the Ministry of Justice of the Russian Federation). URL: <https://reg-nko.ru/smi/religioznye-nko-v-rossii-v-2025-godu-i-ih-uchastie-v-blagotvoritelnosti> (date of access: 20.09.2025)
3. On Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law of 26.09.1997 No. 125-FZ (as amended on 31.07.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 39. Article 4465.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 02.09.2025)
5. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority: Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Article 1416.
6. Babaeva A.V. The Place and Role of Religion in Culture. Research Publications. 2013. No. 2. P. 38 – 43.
7. Gubin M.Yu. Formation and Development of the Idea of a Secular State in Russia: Constitutional and Legal Aspect: Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2014. 229 p.
8. Dorskaya A.A. Russian: The Russian Constitutional and Legal Tradition of Regulating Freedom of Conscience. Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2016. No. 1 (21). P. 17 – 24.
9. Sorokin V.V. Law and Orthodoxy: Monograph. Barnaul, 2007. 547 p.
10. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). Rossiyskaya Gazeta. 1995. April 5, No. 67.
11. International Covenant of 16.12.1966 "On Civil and Political Rights". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 12.
12. Constitutions of the Countries of the World. Reader: in 7 parts. Part 3: America. compiled by D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2014. 1606 p.
13. Constitutions of the Countries of the World. Reader: in 7 parts. Part 2: Europe. compiled by D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2014. 1054 p.
14. Karamanukyan D.T., et al. Human Rights in Russia: History, Theory, and Practice: A Textbook. Ed. and Foreword by D.T. Karamanukyan. Omsk: Omsk Law Academy, 2015. 306 p.
15. Savelyev V.N. Freedom of Conscience: History and Theory: A Monograph. Moscow: Vysshaya Shkola, 1991. 144 p.
16. Kalinin V.N. Soviet Legislation on Freedom of Conscience and Religious Organizations. Moscow: Znanie, 1989. 62 p.
17. Bernatsky G.G. E.N. Trubetskoy: Natural Law and Religion. North-West Academy of State Service. St. Petersburg: SZAGS Publishing House, 1999. 141 p.
18. Chicherin B.N. General State Law. edited by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2006. 505 p.
19. Pchelintsev A.V. Freedom of Religion and the Activities of Religious Associations in the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations: Dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2012. 331 p.

**Информация об авторе**

Серeda С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, [sta-sereda2006@yandex.ru](mailto:sta-sereda2006@yandex.ru)

© Серeda С.П., 2025

---



Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.3

### ***Конституционно-правовые основы информационной безопасности как предмет изучения в образовательной организации высшего образования***

<sup>1</sup> Тренина Е.Г.,

<sup>1</sup> Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

**Аннотация:** в статье рассматриваются содержательные аспекты, связанные с реализацией образовательной программы по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» направленности (профилю) «Правовое обеспечение информационной безопасности организаций» на уровне магистратуры в ФБГОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». Обосновывается актуальность изучения конституционно-правовых основ информационной безопасности в контексте интенсивного процесса развития технологий в данной сфере.

Проводится связь между содержанием учебной дисциплины и ключевыми задачами научно-технологического развития России. Дается характеристика содержательных блоков, направленных на формирование устойчивых и глубоких знаний о системе нормативно-правового регулирования и правоприменения в сфере информационной безопасности, сохранения и защиты конституционных ценностей.

Обосновывается вывод о том, что эффективная реализация учебных дисциплин в рамках указанного направления подготовки магистров отвечает современным потребностям и запросам общества на высококвалифицированные юридические кадры в сфере информационной безопасности.

**Ключевые слова:** Конституция, информационная безопасность конституционно-правовое регулирование, образование, национальные цели развития

**Для цитирования:** Тренина Е.Г. Конституционно-правовые основы информационной безопасности как предмет изучения в образовательной организации высшего образования // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 136 – 141.

Поступила в редакцию: 23 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

### ***The constitutional and legal foundations of information security as a subject of study in an educational organization of higher education***

<sup>1</sup> Tronina E.G.,

<sup>1</sup> Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

**Abstract:** the article examines the substantive aspects related to the implementation of the educational program in the field of training 40.04.01 "Jurisprudence" of the orientation (profile) "Legal support of information security of organizations" at the master's degree level at the Tolstoy State Pedagogical University. The relevance of studying the constitutional and legal foundations of information security in the context of the intensive process of technology development in this area is substantiated.

The connection is made between the content of the academic discipline and the key tasks of scientific and technological development of Russia. The article describes the content blocks aimed at the formation of stable and in-



depth knowledge about the system of legal regulation and law enforcement in the field of information security, preservation and protection of constitutional values.

The conclusion is substantiated that the effective implementation of academic disciplines within the framework of the indicated area of master's degree training meets the modern needs and demands of society for highly qualified legal personnel in the field of information security.

**Keywords:** the Constitution, information security, constitutional and legal regulation, education, national development goals

**For citation:** Tronina E.G. The constitutional and legal foundations of information security as a subject of study in an educational organization of higher education. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 136 – 141.

The article was submitted: September 23, 2025; Approved after reviewing: November 21, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

### Введение

Глобальный характер и неуклонная динамика цифровой трансформации современного общества обуславливает необходимость эффективной подготовки высококвалифицированных кадров профессионалов в области обеспечения информационной безопасности организаций и граждан от негативных последствий, которые проявляют себя в ходе интенсивного развития технологий.

Решение задачи подготовки компетентных юридических кадров в этой актуальной для государства и общества области находится в непосредственной связи с обеспечением конституционных прав и свобод личности, законности и правопорядка, защиты государственного суверенитета и территориальной целостности России, успешным достижением ею национальных целей развития. В том числе, речь идет о таких приоритетных направлениях, как «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», создание комфортной и безопасной среды для жизни» [1].

Эффективное обеспечение информационной безопасности граждан, а также деятельности коммерческих и некоммерческих организаций требует качественного и современного юридического сопровождения, что, в свою очередь, диктует необходимость высококвалифицированных кадров, а следовательно, адаптации системы высшего образования к актуальным вызовам и требованиям современного рынка труда. Особая роль в образовательном процессе в настоящее время принадлежит магистерским программам, направленным на оптимизацию результатов освоения обучающимися целого ряда общепрофессиональных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» [2].

Примером современного комплексного подхода, учитывающего важность углубления профильной подготовки студентов по наиболее востребованным государством и обществом направлениям, выступает разработка, утверждение и реализация в Тульском Университете Льва Толстого (ФБГОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого») магистерской программы по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» направленности (профилю) «Правовое обеспечение информационной безопасности организаций».

Формирование структурных компонентов программы магистратуры осуществляется в соответствии с приоритетными направлениями профессиональной подготовки обучающихся, что, в частности, отражает перечень осваиваемых в ходе обучения компетенций, содержание материала, а также учебно-методическое и кадровое обеспечение учебного процесса. Условия его реализации обеспечиваются в соответствии с учебным планом, необъемлемым компонентом базовой части которого является дисциплина «Конституционные основы информационной безопасности».

### Материалы и методы исследований

Ключевая роль в методологическом инструментарии принадлежит системному подходу, поскольку он содержит возможности для всестороннего анализа и оценки явлений и процессов в контексте изучаемой темы. Прежде всего, речь идет о значении и содержании данной дисциплины в рамках образовательной программы магистратуры, ее связи с другими дисциплинами (модулями) и практиками, а также ролью в процессе реализации запроса современного общества и государства на подготовку профессионалов с высшим образованием по наиболее востребованным направлениям в условиях цифровизации.

Универсальное применение нашли общенаучные методы научного исследования, а также структурно-функциональный и сравнительно-правовой анализ, в первую очередь, при работе с юридическими документами, текстами нормативно-правовых актов – самой Конституции РФ, актов конституционного законо-

дательства. Диалектический метод позволяет более глубоко оценить содержание и ключевые тенденции развития курса (дисциплины) с учетом характера информационных правоотношений, выстроить межпредметные связи с другими дисциплинами, прежде всего с «Конституционным правом России». Аксиологический метод связан с реализацией воспитательной функции изучаемой дисциплины, ее значением для обеспечения и защиты конституционных ценностей.

### Результаты и обсуждения

С учетом активной динамики развития и функционирования информационной сферы стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности нашего общества и государства имеет эффективное противодействие различным угрозам, успешная реализация системы мер информационной безопасности как одного из приоритетных направлений государственной политики в России.

Следует подчеркнуть, что уже в самом нормативном определении понятия «информационная безопасность» речь идет о необходимости защиты конституционно охраняемых ценностей. В Доктрине, утвержденной Указом Президента РФ, в качестве одной из ключевых задач обозначена реализация системы мер, обеспечивающих состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [3].

Актуальные потребности государства определяют вектор развития всех без исключения сфер общества, прежде всего – отечественного образования. Претерпевая очередные трансформации, российская наука и система образования стремятся выработать необходимые в современных условиях ответы на внутренние и внешние вызовы, поскольку их эффективное развитие в соответствии с приоритетными направлениями политики государства и нормативно-правового регулирования этих фундаментальных сфер влияет на состояние ключевых параметров социальной жизни. Магистральный путь совершенствования и трансформации современного отечественного образования отождествляется с обеспечением «баланса между фундаментальностью и применимостью знаний в условиях меняющихся задач на рынке труда» [4].

Подготовка грамотных юридических кадров в области информационной безопасности организаций осуществляется сегодня с учетом разностороннего характера угроз, нарастания их масштабов и многообразия типов. Правоприменение в данной сфере должно быть направлено на обеспечение действия соответствующих нормативно-правовых актов, прежде всего – норм Конституции РФ как базовой основы и юридического фундамента всей правовой системы. Изучение дисциплины «Конституционные основы информационной безопасности» направлено на получение обучающимися систематизированных сведений о конституционно-правовых основах обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, овладение общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, необходимыми для эффективного решения задач профессиональной деятельности.

Прежде всего, речь идет о формировании системы знаний об основах конституционно-правового регулирования статуса личности, реализации и защиты ее прав и свобод в информационном поле, а также обеспечения соответствующего правового режима информации в организациях. Решение данной задачи предполагает последовательную и глубокую работу с конституционным законодательством, анализ правоприменительной практики, прежде всего – решений Конституционного Суда РФ, и современной научной доктрины в изучаемой области. Не менее важной является работа в направлении формирования умений и навыков применения конституционно-правовых норм для разрешения конфликтных ситуаций, представляющих угрозу информационной безопасности физических лиц и организаций, а также для профилактики правонарушений в области информационной безопасности.

Содержание дисциплины, реализуемое посредством разнообразного учебно-методического инструментария на лекционных, семинарских занятиях, в процессе самостоятельной работы студентов, а также промежуточной аттестации, в полной мере отражает основные тематические блоки курса. Являясь логически взаимосвязанными, они отображают приоритетные направления противодействия информационным угрозам и «укрепления суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве» как важнейшей цели достижения определяющей «цели обеспечения информационной безопасности» [5].

На начальном этапе изучения дисциплины логичным представляется анализ содержания Конституции через призму ее значения как основы системы нормативно-правового обеспечения информационной безопасности России. Структурно – функциональный анализ текста Основного закона государства позволяет определить систему норм, направленных на реализацию различных направлений, связанных с обеспечением и защитой прав и свобод граждан, безопасности организаций и всего общества. Речь идет, например, о

принципах, заложенных в ст. 29 Конституции РФ, в том числе, свободе информации, а также гарантиях ее осуществления в России. При этом, в процессе изучения содержания конституционных установлений, а также практики конституционного судопроизводства, явственно проявляется доминирующая идея и цель нормативно-правового регулирования – баланс публичных и частных интересов, индивидуальных прав и свобод и общественно-государственных задач и потребностей, что ни коим образом не должно вести к умалению или искажению смысла конституционно защищаемых принципов и ценностей. Такой сбалансированный подход характерен для решений Конституционного Суда РФ, неоднократно подчеркивавшего его значимость в своих решениях, связанных с безопасностью информационной сферы [6].

Взаимосвязанные компоненты содержания учебной дисциплины представлены тематикой конституционных основ защиты личных прав и свобод, закрепленных в нормах Основного закона нашей страны о «неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защите чести и доброго имени», тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», свободе СМИ [7]. Важное место занимает изучение вопросов, связанных с конституционно-правовой защитой корпоративных интересов организаций, законных прав, свобод и интересов их работников и клиентов при обороте информации, в частности действием правового режима служебной и коммерческой тайны, персональных данных, электронным документооборотом. Вместе с тем, неотъемлемой частью содержания учебной дисциплины должен быть материал, связанный с изучением системы мер, направленных на защиту и обеспечение публично-правовых интересов, прежде всего национальных интересов России, безопасности функционирования государственных и общественных институтов в глобальном информационном пространстве.

Данный посыл в значительной мере определяет статус Конституции РФ, закрепляющей принцип государственного суверенитета России. Целесообразным представляется включение как обязательного элемента содержания дисциплины тематики, связанной с конституционно-правовыми основами защиты государственной тайны, противодействия экстремистской деятельности в информационной сфере, укрепления суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве, противодействия информационной деятельности, направленной на подрыв традиционных духовно-нравственных ценностей и национально-культурных основ единства многонационального народа России.

### **Выводы**

Итак, в условиях интенсивного развития информационных технологий одной из наиболее актуальных задач является эффективное обеспечение прав и свобод, соблюдение гарантий безопасности всех добросовестных участников информационных правоотношений. Важным компонентом процесса формирования действенной системы защиты законных интересов граждан и организаций в информационном пространстве является реализация в российских вузах образовательных программ, обеспечивающих подготовку высококвалифицированных юридических кадров в области правового обеспечения информационной безопасности организаций.

Закономерно, что одной из базовых, изучаемых студентами первого курса магистратуры по направлению 40.04.01 «Юриспрудения» профиль «Правовое обеспечение информационной безопасности организации» в ФБГОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», является дисциплина «Конституционно-правовые основы информационной безопасности». Содержание данной учебной дисциплины должно в полной мере отражать значение и ключевые направления воздействия норм Основного закона нашего государства на всю систему правового регулирования информационных правоотношений, обеспечения и защиты конституционных принципов и ценностей. Внимательное и глубокое изучение положений Конституции РФ, актов конституционного законодательства и подзаконного нормотворчества, материалов правоприменительной практики, прежде всего – решений Конституционного Суда РФ способствует успешным результатам освоения основной образовательной программы в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта [8].

В обозримой перспективе это, в свою очередь, должно способствовать формированию достойного ответа государства и общества на внутренние вызовы и адаптировать возможности высшего образования по подготовке современных кадров профессионалов к потребностям национального развития России, в том числе ее рынка труда.

#### Список источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_475991/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/) (дата обращения 18.09.2025)
2. Приказ Минобрнауки России от 25.11.2020 N 1451 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.03.2021 N 62681) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_378763/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378763/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/) (дата обращения: 18.09.2025)
3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 20.09.2025)
4. В. Фальков на заседании Совета Федерации рассказал о совершенствовании системы высшего образования в стране [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://council.gov.ru/events/news/157277/>
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 20.09.2025)
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 N 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_316142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316142/) (дата обращения 20.09.2025)
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (дата обращения: 18.09.2025)
8. Приказ Минобрнауки России от 25.11.2020 N 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.03.2021 N 62681) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103090028?ysclid=mjfvkvrn2r203168678> (дата обращения 20.09.2025)

#### References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" [Electronic resource]. Access mode. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_475991/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/) (date of access: 09.18.2025)
2. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 25, 2020 No. 1451 "On approval of the federal state educational standard of higher education – master's degree in the field of training 40.04.01 "Jurisprudence" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on March 9, 2021 No. 62681) [Electronic resource]. Access mode. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_378763/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378763/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/) (date of access: 18.09.2025)
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 N 646 "On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (date of access: 20.09.2025)
4. V. Falkov spoke about improving the higher education system in the country at a meeting of the Federation Council [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://council.gov.ru/events/news/157277/>
5. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 20.09.2025)
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.01.2019 N 4-P "In the case of reviewing the constitutionality of Article 19.1 of the Law of the Russian Federation "On Mass Media" in connection with the complaint of citizen E.G. Finkel'shtein" [Electronic resource]. Access mode. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_316142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316142/) (date of access: 20.09.2025)

7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (date of access: 18.09.2025)

8. Order of the Ministry of Education and Science of Russia from November 25, 2020 N 1451 "On approval of the federal state educational standard of higher education – master's degree in the field of training 40.04.01 Jurisprudence" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on March 9, 2021 N 62681) [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103090028?ysclid=mjfvkrm2r203168678> (date of access 09.20.2025)

### **Информация об авторе**

Тренина Е.Г., кандидат политических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

© Тренина Е.Г., 2025

---